

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Е.Д. Андреева

BASIC LITERARY TRANSLATION

Рекомендовано ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет» в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по программам высшего образования по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика

Оренбург
2016

УДК 811.111'25 (075.8)
ББК 81.432.1-8я73
А65

Рецензент – кандидат филологических наук О.В. Евстафиади

Андреева, Е.Д.
А65 Basic literary translation : учебное пособие / Е.Д. Андреева; Оренбургский гос. ун-т. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Оренбург: ОГУ, 2016. – 209 с.
ISBN 978-5-7410-1613-8

Настоящее учебное пособие содержит основные теоретические сведения о переводе художественных и художественно-публицистических текстов и оригинальные тексты на английском и русском языках. Во второй части даны упражнения, направленные на совершенствование навыков перевода стилистически маркированных единиц оригинала. Третья часть пособия включает в себя задания, направленные на решение основных задач перевода художественной литературы.

Пособие предназначено для самостоятельной работы студентов, обучающихся по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика. Пособие также может быть использовано студентами других направлений подготовки в качестве дополнительного учебного пособия в курсе специализированного перевода.

УДК 811.111'25 (075.8)
ББК 81.432.1-8я73

ISBN 978-5-7410-1613-8

© Андреева Е.Д., 2016
© ОГУ, 2016

Содержание

Введение	4
1 Основы художественного перевода	6
2 Translation of stylistic devices	11
2.1 Epithet.....	11
2.2 Simile.....	20
2.3 Hyperbole	32
2.4 Metaphor.....	40
2.5 Metonymy.....	57
2.6 Other figurative devices	62
2.7 Supplementary exercises	70
2.8 Questions for self-control.....	93
3 General problems of literary translation.....	94
3.1 Speaking names	94
3.2 Time distance.....	106
3.3 Traits of literature school	122
3.4 Author's style	134
3.5 Essays	151
3.6 Commentary	166
3.7 Questions for self-control.....	199
Список использованных источников	200

Введение

Настоящее пособие предназначено для самостоятельной работы по стилистическому анализу и двустороннему переводу студентов, обучающихся по направлению подготовки «Лингвистика», уровень «Магистратура», в курсе «Перевод художественного текста». Пособие может быть рекомендовано к использованию студентами-лингвистами, обучающимися по программам бакалавриата, в курсе письменного перевода первого языка (английский язык), в практическом курсе перевода английского языка как второго иностранного, а также студентами других направлений подготовки в качестве дополнительного пособия к курсам стилистики английского языка и специализированного перевода (перевода художественной литературы). Данное учебное пособие поможет приобрести необходимые профессиональные навыки перевода художественной литературы с английского языка на русский и с русского на английский.

Основное внимание в пособии уделяется работе над переводом языковых средств, передающих эстетическую и эмоциональную информацию, доминирующую в художественном тексте. Большую часть таких языковых средств составляют стилистически маркированные единицы оригинала. Помимо заданий, направленных непосредственно на формирование переводческих навыков и умений, в пособии содержатся задания по формированию аналитических навыков, необходимых переводчику в работе над текстом перевода.

Пособие состоит из трех разделов.

Первый раздел посвящен краткому освещению теоретических вопросов перевода художественных и художественно-публицистических текстов, таких как передача временной дистанции, языковых особенностей литературного направления и авторского индивидуального стиля, а также некоторым особенностям перевода художественной публицистики (эссеистики).

Второй раздел состоит из восьми частей, шесть из которых посвящены особенностям перевода изобразительных средств. Каждая часть содержит комплекс упражнений на ознакомление с новым языковым и тематическим материалом, на тренировку отдельных и общих умений и навыков перевода, на формирование

логического и аналитического мышления, а также большие по объёму отрывки текста, при переводе которых студент может показать приобретённые умения и навыки. Работу над каждым конкретным стилистическим приемом предваряет краткий теоретический обзор функций и способов перевода указанного стилистического средства. Работа над формированием и развитием умений и навыков ведется как на материале отдельных предложений, содержащих соответствующие стилистически маркированные единицы, так и на материале связного текста. Основное внимание уделяется умению находить в тексте и адекватно переводить основные стилистические изобразительные средства художественного языка.

Во втором разделе также содержатся дополнительные упражнения для проверки сформированности переводческих умений и вопросы для самоконтроля.

Третий раздел посвящен общим вопросам перевода художественной литературы. Раздел состоит из семи частей. Первые шесть частей содержат упражнения на работу по передаче временной дистанции, черт литературного направления и авторского индивидуального стиля, по переводу говорящих имен и текстов, принадлежащих к жанру художественного эссе, а также задания на формирование умения составлять переводческие комментарии к тексту. Седьмая часть включает вопросы для самоконтроля.

Комплекс упражнений второй и третьей части включает в себя задания на анализ текста оригинала и сравнение его с переводным текстом, что способствует усвоению теоретического материала и развитию логического мышления и умения анализировать перевод, что в дальнейшем способствует развитию умения анализировать собственный перевод и давать ему критическую оценку.

Все английские и русские тексты взяты из открытых источников: страниц Интернета и печатных изданий художественных произведений. Тексты даются без изменений и адаптации.

1 Основы художественного перевода

Язык художественной литературы имеет особую эстетическую функцию (воссоздание чувственного восприятия реальности), поэтому художественный перевод – это перевод, направленный на сохранение эстетической функции оригинала и ее передачу средствами переводящего языка.

В большинстве случаев при работе с художественными текстами в качестве единицы членения текста избирается художественный образ. Наряду с воссозданием в переводном тексте художественного образа, трудность для воссоздания в переводе представляет семантика языковых единиц. Переводчику необходимо знать не только словарные значения слов, но и видеть их скрытый смысл, подтекст. Трудность заключается в том, что необходимо передать все контекстуальные значения определенного слова, не потеряв многоплановости или образности оригинала.

Художественная литература специализируется на передаче эстетической информации. В качестве средств ее передачи выступают стилистические средства текста, поэтому перевод любого художественного произведения должен начинаться с глубокого стилистического анализа текста. Когда в качестве единицы перевода выступают стилистически маркированные единицы оригинала, используются стилистические средства перевода.

Тропы и фигуры могут остаться незамеченными в силу их закрепления в языке в качестве идиом. Преобразование изобразительных средств текста требует особых трансформаций, которые должны сохранить их изначальную эстетическую и оценочную информацию.

Степень их переводимости различна. Одни не могут быть переведены вообще (например, игра слов), другие переводятся путем значительных преобразований (например, аллитерация или рифма); существует также группа стилистических средств, которые при переводе получают традиционное соответствие (например, идиомы).

Прежде всего переводчик должен определить необходимость перевода той или иной стилистической единицы. Некоторые стилистические единицы могут быть опущены при переводе, если их художественная функция незначительна, а их

воспроизведение в тексте перевода не соответствует нормам переводящего языка и правилам сочетаемости языковых единиц в речи.

Особое внимание при переводе следует уделить именам собственным, встречающимся в тексте оригинала. Имена собственные относятся к прецизионной лексике, в большинстве своем обязательно подлежащей переводу, и не имеют эквивалентов в языке перевода. Перевод имен собственных предполагает использование трех основных приемов: транскрипции, транслитерации и калькирования. Однако данные приемы не применимы к «говорящим» именам, исходное значение которых сочетается с номинативной функцией. В тексте художественного произведения «говорящие» имена играют роль дополнительной характеристики персонажа, что может быть утрачено при использовании стандартных приемов перевода безэквивалентной лексики. Подобные имена трудны для перевода и требуют творческого подхода.

Художественный текст создается в определенную эпоху и сохраняет в себе черты времени создания, поэтому при переводе художественного текста встает вопрос о передаче временной дистанции. В силу необходимости создать равенство впечатлений, при котором восприятие современным читателем текста оригинала и текста перевода должно быть одинаковым, не допускается модернизация текстов художественной литературы. Однако текст перевода не должен достоверно копировать переводящий язык той эпохи, в которую был создан оригинал, необходимо только дать читателю понять, что текст несовременен.

На время создания текста оригинала указывают такие особенности, как слова, ставшие в современном языке историзмами и архаизмами, особые архаичные синтаксические структуры, архаичные морфологические особенности, предпочтение определенных стилистических средств. Этими же средствами можно создавать историческую стилизацию текста оригинала, которая заключается в маркировке текста с помощью архаизмов.

Одним из главных условий исторической стилизации текста перевода является отсутствие в нем слов-модернизмов, которые не существовали или не употреблялись в современном значении в то время, когда был создан оригинал.

Частотность использования архаичных элементов зависит от времени создания подлинника: чем дальше во времени отстоит подлинник от современности, тем больше архаических элементов использует переводчик, причем из имеющихся архаизмов будут избираться более древние. Это касается как лексического уровня языка, так и грамматических конструкций.

Другой задачей, которая встает перед переводчиком при работе с художественным текстом, является передача черт литературного направления, к которому принадлежал автор соответствующего художественного произведения. Специфика того или иного литературного направления, и соответственно, языковые особенности текстов, созданных в его рамках, связана с идеями и идеологией этого направления, с особенностями художественного восприятия, характерными для его последователей. Чтобы определить подобные особенности, переводчик должен изучить научную литературу, посвященную данному литературному направлению, прочитать художественные произведения разных авторов, пишущих в соответствии с данным литературным стилем, как на языке оригинала, так и на языке перевода. Воссоздание черт литературного направления ведется с использованием языковых особенностей, характерных для художественной литературы на языке перевода, которая принадлежит к соответствующему или близкому литературному направлению.

Еще одной немаловажной задачей в художественном переводе является передача особенностей индивидуального стиля автора. Характеристика индивидуального стиля автора текста должна включать в себя и ответ на вопрос о том, как автор воспринимает и отражает типичные черты литературного направления, и изучение средств, которые он для этого использует, и определение соответствия его языка нормам общелитературного языка и речи, а также поиск и анализ сугубо личных черт, характерных для творчества того или иного автора. Немаловажную роль играет также определение частотности употребления тех или иных стилистических черт у одного и того же автора. Изучение стиля автора ведется как по соответствующей научно-филологической литературе, так и путем исследования всего корпуса текстов автора, однако наиболее характерные черты,

присущие индивидуальному стилю автора оригинала, возможно выявить даже в рамках одного произведения.

Особой разновидностью художественного текста является художественно-публицистический текст, или эссе. Задачей художественной эссеистики является передача определенного авторского отношения или оценки по отношению к некоторому факту или явлению действительности, поэтому доминантной здесь также является эмоционально-оценочная информация. Это предопределяет использование всей гаммы изобразительно-выразительных средств, имеющихся в арсенале художественной литературы, а также высокую частотность эмоционально-оценочной лексики.

Отличительными чертами эссеистики является широкое использование фразеологизмов, часто с нарушением их структуры и лексического состава, аллюзий (из контекста всей мировой культуры и истории, как современной автору, так и прошлой), цитат (в том числе и из других языков). При работе с «искаженными» фразеологическими единицами, аллюзиями и скрытыми цитатами переводчику необходимо собрать фоновые сведения, позволяющие расшифровать скрытый в данных единицах смысл, а при передаче их на языке перевода может потребоваться культурологический или лингвистический комментарий. Цитаты из источников, имеющих опубликованный авторитетный перевод на переводящем языке, даются по этому переводу с указанием автора перевода в сноске. Если цитата в оригинале дана не на языке оригинала, то допускается в тексте перевода оставить цитату на исходном языке, давая ее перевод в сноске.

«При переводе такого текста, где на верхней ступеньке ранговой иерархии доминант перевода, в области инварианта находится так много разнообразных языковых средств, часто возникает конфликт формы и содержания. Проще говоря, переводчику необходимо передать много разнообразных средств, а передача одного из них мешает передать другое. <...> Тогда переводчику приходится чем-то жертвовать. В этом нет ничего страшного, но при одном условии: все доминирующие в данном тексте языковые средства *системны*, и <...> [важно] сохранение признака как системного» [6, с. 130].

Поскольку перевод – это всегда перенос текста из одной культуры в другую, то часто у получателя переводного текста возникают проблемы с восприятием перевода из-за разницы в фоновых знаниях автора / получателя оригинала и читателя перевода. Чаще всего трудности восприятия вызваны присутствием в тексте слов или описанием ситуаций и явлений, специфических для исходной культуры, но незнакомых другим культурам. Основным способом восполнить потерю необходимой для понимания информации – комментарий. Комментарии могут быть различными по типам и задачам, но главной их отличительной чертой является то, что они вынесены за рамки текста в сноски или примечания. Создание комментариев – сложная задача, которая требует от переводчика большой эрудиции и внимания, т.к. неверно составленный комментарий, вместо того чтобы помогать восприятию читателя, будет уводить его от смысла, заложенного в текст самим автором.

Перечисленные особенности художественного текста и задачи, стоящие перед переводчиком художественной литературы, дают право считать художественный перевод одним из самых сложных типов письменного перевода.

Задания

1. Изучите самостоятельно теорию художественной стилистики. Используйте источники [7], [19], [38], [45], [61], [66] и другие. Выпишите определения понятий «троп», «фигура», виды тропов и фигур. Определите функцию стилистически маркированных средств в художественном тексте.

2. Изучите самостоятельно теорию художественного перевода. Используйте источники [6], [12], [26], [32], [52], [60], [65], [76] и другие. Дополните и углубите данные выше теоретические сведения.

2 Translation of stylistic devices

2.1 Epithet

☞ In common sense epithet is a characteristic of an object, its definition (*coarse grass, sea birds*). In this case epithet bears the idea to a certain extent inherent in the concept of an object. Concerning belles-lettres style, epithet is a figurative definition of an object that is used to characterize it by adding features not inherent in it (*golden heart, crystal sound*).

Possible means of translation:

✍ full translation;

Smoke was rising here and there among the creepers that festooned the dead or dying trees¹.

Дым курился там и сям среди лиан, увивавших мертвые и гибнущие деревья.

✍ using of traditional adequacy;

When the wind reached the mountain-top he could see something happen, a flicker of blue stuff against brown clouds.

Ветер добрался до вершины, и тут что-то случилось, синий сполох пробежался по чёрной туче.

✍ contraction;

Just one step down from the edge of the turf was the white, blown sand of above high water, warm, dry, trodden.

Всего на шаг вниз от неё начинался белый, нанесённый приливами песок, теплый, сухой, гладкий.

✍ contextual substitution;

Within the diamond haze of the beach something dark was fumbling along.

¹ All English examples in theoretical parts of this unit are from “Lord of the Flies”, by W. Golding. Russian examples are from its Russian translation by E. Surits (У. Голдинг, «Повелитель мух», перевод Е. Суриц).

Из-за блестящего марева на берег выползло чёрное что-то.

✍ conversion (structural transformation);

There were only a few more yards of stony ground and then the two sides of the island came almost together so that one expected a peak of a headland.

Впереди было всего несколько каменистых ярдов, а дальше два берега сходились, и тут бы острову, казалось, окончиться острым мысом.

✍ omission / addition (extension).

Where the pink cliffs rose out of the ground there were often narrow tracks winding upwards.

Там, где утес вставал прямо из земли, часто тоненько убежала вверх тропинка.

Exercises

1. Find in the given text words used in metaphorical sense and write all their meanings out of a dictionary. Compose your own sentences using every word in direct and figurative meaning. Translate the sentences into Russian.

It was a bright, beautiful, warm day when our ship spread her canvass to the breeze, and sailed for the regions of the south. Oh, how my heart bounded with delight as I listened to the merry chorus of the sailors, while they hauled at the ropes and got in the anchor! The captain shouted – the men ran to obey – the noble ship bent over to the breeze, and the shore gradually faded from my view, while I stood looking on with a kind of feeling that the whole was a delightful dream.

The first thing that struck me as being different from anything I had yet seen during my short career on the sea, was the hoisting of the anchor on deck, and lashing it firmly down with ropes, as if we had now bid adieu to the land for ever, and would require its services no more.

“There, lass,” cried a broad-shouldered jack-tar, giving the fluke of the anchor a hearty slap with his hand after the housing was completed – “there, lass, take a good nap now, for we shan’t ask you to kiss the mud again for many a long day to come!”

And so it was. That anchor did not “kiss the mud” for many long days afterwards; and when at last it did, it was for the last time!

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

2. Find in the given text epithets and define their types (logical or figurative), their function and appropriateness of their usage in the text.

What a joyful thing it is to awaken, on a fresh glorious morning, and find the rising sun staring into your face with dazzling brilliancy! – to see the birds twittering in the bushes, and to hear the murmuring of a rill, or the soft hissing ripples as they fall upon the sea-shore! At any time and in any place such sights and sounds are most charming, but more especially are they so when one awakens to them, for the first time, in a novel and romantic situation, with the soft sweet air of a tropical climate mingling with the fresh smell of the sea, and stirring the strange leaves that flutter overhead and around one, or ruffling the plumage of the stranger birds that fly inquiringly around, as if to demand what business we have to intrude uninvited on their domains. When I awoke on the morning after the shipwreck, I found myself in this most delightful condition; and, as I lay on my back upon my bed of leaves, gazing up through the branches of the cocoa-nut trees into the clear blue sky, and watched the few fleecy clouds that passed slowly across it, my heart expanded more and more with an exulting gladness, the like of which I had never felt before. While I meditated, my thoughts again turned to the great and kind Creator of this beautiful world, as they had done on the previous day, when I first beheld the sea and the coral reef, with the mighty waves dashing over it into the calm waters of the lagoon.

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

3. Compare the original and its translation. Define means of translation used by the translator.

The fair boy allowed his feet to come down and sat on the steamy earth.

Ralf stood, one hand against a grey trunk, and screwed up his eyes against the shimmering water. Out there, perhaps a mile away, the white surf flinked on a coral reef, and beyond that open sea was dark blue.

Then he leapt back on the terrace, pulled off his shirt, and stood there among the skull-like coconuts with green shadows from the palms and the forest sliding over his skin.

The top of this was covered with a thin layer of soil and coarse grass and shaded with young palm trees.

Something creamy lay among the ferny weeds.

The most usual feature of the rock was a pink cliff surmounted by a skewed block; and that again surmounted, and that again, till the pinkness became a stack of balanced rock projecting through the looped fantasy of the forest creepers.

Inside was peacock water, rocks

Светлый сбросил ноги и сел на распаренную землю.

Ральф замер, забыв руку на сером стволе, и щурясь смотрел на сверкающую воду. Там, наверное, в расстоянии мили лохматилась белая кипень прибоя и дальше темной синью стлалось открытое море.

Снова вспрыгнул на террасу, стянул рубашку, стал среди больших, как черепа, кокосов, в скользящих зеленых тенях от леса и пальм.

Сверху площадку припорошило землей, и она поросла жесткой травой и молоденькими пальмами.

Что-то кремовое мерцало среди лохматых водорослей.

Чаще всего розовый утес налезал на скошенную глыбу, та належала на другую, а та на следующую, все выше, так что розовость пробивалась ровными уступами сквозь петлистый бред лиан.

По эту сторону рифа была

and weed showing as in an aquarium; outside was the dark blue of the sea.

The separate noises of the fire merged into a drum-roll that seemed to shake the mountain.

In the west, and unheeded, the sun lay only an inch or two above the sea.

A great tree, fallen across one corner, leaned against the trees that still stood and a rapid climber flaunted red and yellow sprays right to the top.

Nothing moved but a pair of gaudy butterflies that danced round each other in the hot air.

переливчатая вода, и все камни и водоросли видны, как в аквариуме; дальше стлалось темное море.

Треск огня дружно ударял в уши барабанным боем, и гору от него будто бросало в дрожь.

На западе всего в дюйме от моря висело забытое солнце.

С краю опушки большое мертвое дерево привалилось к другим, еще крепким, и проворный вьюнок бойко исчертил его щегольским красно-желтым узором до самого верха.

Все застыло на свету, только две пестрые бабочки плясали под зноем.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

Перевод Е. Суриц

4. Translate the following sentences paying attention to the epithets. Explain what means of translation you have used.

1. He was clambering heavily among the creepers and broken trunks when a bird, a vision of red and yellow, flashed upwards with a witch-like cry.

2. The ground beneath them was a bank covered with coarse grass, torn everywhere by the upheavals of fallen trees, scattered with decaying coconuts and palm saplings.

3. He undid the snake-clasp of his belt, lugged off his shorts and pants and stood there naked, looking at the dazzling beach and water.

4. But the island ran true to form and the incredible pool, which clearly was only invaded by the sea at high tide, was so deep at one end as to be dark green.

5. With openness came the sun; it dried the sweat that had soaked their clothes in the dark damp heat.

6. High over this end of the island, the shattered rocks lifted up their stacks and chimneys. This one, against which Jack leaned, moved with grating sound when they pushed.

7. Either the wandering breezes or perhaps the decline of the sun allowed a little coolness to lie under the trees.

8. At the sight of the flames and the irresistible course of fire, the boys broke into shrill, excited cheering.

9. The bottom part of the trickle, as though conscious of their gaze, thickened to a creamy blur which crept up to a feeble column.

10. With the fading of the light the riotous colours died and the heat and urgency cooled away.

11. There was a pool at the end of the river, a tiny mere dammed back by sand and full of white water-lilies and needle-like reeds.

12. Over the island the build-up of clouds continued. A steady current of heated air rose all day from the mountain and was thrust to ten thousand feet; revolving masses of gas piled up the static until the air was ready to explode.

13. Nothing prospered but the flies who blackened their lord and made the spilt guts look like a heap of glistening coal.

14. Further along the beach, beyond the little river and near a great slab of rock, a thin trickle of smoke was climbing into the sky.

15. Words could not express the dull pain of these things. He fell silent, while the vivid stars were spilt and danced all ways.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

5. Translate the following sentences paying attention to the epithets. Explain what means of translation you have used.

1. Когда он [фрегат] опустится вниз, по сторонам его вздымаются водяные стены.

2. «Крепкий ветер, жестокий ветер! – говорил по временам капитан, входя в каюту и танцуя в ней. – А вы это все сидите? Еще не приобрели *морских ног*».

3. – Пойдемте, я вас отбуксирую! – сказал он и повел меня на шканцы. Опираясь на него, я вышел «на улицу» в тот самый момент, когда палуба как будто вырвалась из-под ног и скрылась, а перед глазами очутилась целая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами, с белыми, будто жемчужными, верхушками, блеснула и тотчас скрылась за борт.

4. В этом расположении я выбрался из каюты, в которой просидел полторы суток, неблагоприятно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими – «угрюмый, мрачный, могучий», и Фаддеевым – «сердитый». «Соленый, скучный, безобразный и однообразный! – прибавил я к этому списку, сходя по трапу вниз, – заладил одно – и конца нет!».

5. Вместо уродливых бугров с пеной и брызгами – крупная, но ровная зыбь.

6. Мне казалось, что я с этого утра только и начал путешествовать, что судьба нарочно послала нам грозные, тяжелые и скучные испытания, крепкий, семь дней без усталости свирепствовавший холодный ветер и серое небо, чтоб живее тронуть мягкостью воздуха, теплым блеском солнца, нежным колоритом красок и всей этой гармонией волшебного острова <...>.

7. На Мадере я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистейшую ключевую воду <...>.

8. Внезапно развернувшаяся перед нами картина острова, жаркое солнце, яркий вид города, хотя чужие, но ласковые лица – все это было неожиданным, веселым, праздничным мгновением и влило живительную каплю в однообразный, долгий путь.

9. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнце и в тени.

10. Сады их окаймляли дорогу тенистыми дубами, кустами алоэ, но всего более айвой, которая росла непроходимыми кустами, с желтыми фруктами.

11. Он очень мил; у него много природного юмора, и он мастерски владеет шуткой. Существо вечно поющее, хохочущее и рассказывающее, никогда никого не оскорбляющее и никем не оскорбляемое.

12. Индийский океан встретил нас еще хуже, нежели Атлантический: там дул хоть крепкий, но попутный ветер, а здесь и крепкий и противный, обратившийся в шторм, который на берегу называют *бурей*.

13. Белая бумажная кофта, вроде женских ночных кофт, и шаровары, черные, а более синие, у богатых атласные, потом бритая передняя часть головы и длинная до пят коса, природная или искусственная, отсутствие шляпы и присутствие веера, заменяющего ее, – вот их костюм.

14. Впрочем, простой народ, работающий на воздухе, носит плетеные из легкого тростника шляпы, конической формы, с преширокими полями.

15. В одном месте на лугу мы видели группу мужчин, женщин и детей, в ярких, режущих глаза, красных и синих костюмах: они собирали что-то с деревьев.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

6. *Translate the extract from Ex. 1. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.*

7. *Translate the extract from Ex. 2. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.*

8. *Translate the following texts paying attention to epithets. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.*

Extract 1

Нельзя записать тропического неба и чудес его, нельзя измерить этого необъятного ощущения, которому отдаешься с трепетной покорностью, как чувству любви. Где вы, где вы, Владимир Григорьевич? Плывайте скорей сюда и скажите, как назвать этот нежный воздух, который, как теплые волны, омывает нежит и лелеет вас, этот блеск неба в его фантастическом неопisanном уборе, эти цвета, среди которых утопает вечернее солнце? Океан в золоте или золото в океане, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вечный, непрерывный пожар без дыма, без малейшей былинки, напоминающей землю. Покой неба и моря – не мертвый и сонный покой: это покой как будто удовлетворенной страсти, в котором небо и море, отдыхая от ее сладостных мучений, любят друг друга в объятиях друг друга. Солнце уходит как осчастливленный любовник, оставивший долгий, задумчивый след счастья на любимом лице.

На этом пламенно-золотом, необозримом поле лежат целые миры волшебных городов, зданий, башен, чудовищ, зверей – всё из облаков. Вот, смотрите, громада исполинской крепости рушится медленно, без шума; упал один бастион, за ним валится другой; там опустилась, подавляя собственный фундамент, высокая башня, и опять все тихо отливается в форму горы, островов, с лесами, с куполами. Не успело воображение воспринять этот рисунок, а он уже тает и распадается, и на место его тихо воздвигся откуда-то корабль и повис на воздушной почве; из огромной колесницы уже сложился стан исполинской женщины; плеча еще целы, а бока уже отпали, и вышла голова верблюда; на нее напирает и поглощает все собою ряд солдат, несущихся целым строем.

Изумленный глаз смотрит вокруг, не увидит ли руки, которая, играя, строит воздушные видения. Тихо, нежно и лениво ползут эти тонкие и прозрачные узоры в золотой атмосфере, как мечты тянутся в дремлющей душе, слагаясь в пленительные образы и разлагаясь опять, чтоб слиться в фантастической игре...

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

Extract 2

Ночь же настала страшная и великолепная. Она была черная, тревожная, с беспорядочным ветром и с таким полным светом шумно взметывавшихся вокруг парохода волн, что порою Чанг, бегавший за быстро и безостановочно гулявшим по палубе капитаном, с визгом отскакивал от борта. И капитан опять взял Чанга на руки и, приложив щеку к его бьющемуся сердцу, – ведь оно билось совершенно так же, как и у капитана! – пришел с ним в самый конец палубы, на ют, и долго стоял там в темноте, очаровывая Чанга дивным и ужасным зрелищем: из-под высокой, громадной кормы, из-под глухо бушующего винта, с сухим шорохом сыпались мириады белоогненных игл, вырывались и тотчас же уносились в снежную искристую дорогу, прокладываемую пароходом, то огромные голубые звезды, то какие-то тугие синие клубы, которые ярко разрывались и, угасая, таинственно дымились внутри кипящих водяных бугров бледно-зеленым фосфором. Ветер с разных сторон, сильно и мягко бил из темноты в морду Чанга, раздувал и охлаждал густой мех на его груди, и, крепко, родственно прижимаясь к капитану, обонял Чанг запах как бы холодной серы, дышал взрытой утробой морских глубин, а корма дрожала, ее опускало и поднимало какой-то великой и несказанно свободной силой, и он качался, качался, возбужденно созерцая эту слепую и темную, но стократ живую, глухо бунтующую Бездну. И порой какая-нибудь особенно шальная и тяжелая волна, с шумом пролетавшая мимо кормы, жутко озаряла руки и серебряную одежду капитана...

Из рассказа «Сны Чанга» И.А. Бунина

2.2 Simile

☞ Simile is a stylistic device, partial assimilation of two different objects / actions or their attributes. Simile is a imaginative comparison (*He shone like a new pin.* – S. Maugham). Simile can be expressed in various forms: a) compound word (*dog-like, tasty-looking*); b) construction with conjunction *like* (*to*

fit like a glove) or *as*; in some cases double *as* can be used (*as bright as a button, as proud as a peacock*); c) simile can be implied in other phrases, i.e. of-phrases (*to have an eye of an eagle*).

Possible means of translation:

✍ full translation;

Darkness poured out, submerging the ways between the trees till they were dim and strange as the bottom of the sea.

Тьма хлынула на лес, затопляя проходы между стволами, пока они не стали тусклыми и чужими, как дно морское.

✍ substitution of the image;

The pig's head hung down with gaping neck and seemed to search for something on the ground.

Голова металась под зияющим горлом и будто вынюхивала дорогу.

✍ conversion (structural transformation);

Now the sea would suck down, making cascades and waterfalls of retreating water, would sink past the rocks and plaster down the seaweed like shining hair <...>.

Упадёт, взметнув брызги, разденет скалы, облепленные мокрыми прядями водорослей <...>.

✍ omission / addition (extension).

Sometimes land loomed where there was no land and flicked out like a bubble as the children watched.

А то земля вдруг вставала там, где никакой земли не было, и тут же на глазах у детей исчезала, как мыльный пузырь.

At last the way to the top looked like a scramble over a pink rock, with no more plunges through darkness.

К вершине теперь вели только голые розовые скалы, и больше не приходилось нырять во тьму.

✍ Also: concrete definition, descriptive translation, etc.

Exercises

1. Find in the given text words used in metaphorical sense and write all their meanings out of a dictionary. Compose your own sentences using every word in direct and figurative meaning. Translate the sentences into Russian.

While we were talking, as I have said, we noticed a dark line, like a low cloud or fog-bank, on the seaward horizon. The day was a fine one, though cloudy, and a gentle breeze was blowing, but the sea was not rougher, or the breaker on the reef higher, than usual. At first we thought that this looked like a thunder-cloud; and, as we had had a good deal of broken weather of late, accompanied by occasional peals of thunder, we supposed that a storm must be approaching. Gradually, however, this line seemed to draw nearer, without spreading up over the sky, as would certainly have been the case if it had been a storm-cloud. Still nearer it came, and soon we saw that it was moving swiftly towards the island; but there was no sound till it reached the islands out at sea. As it passed these islands, we observed, with no little anxiety, that a cloud of white foam encircled them, and burst in spray into the air: it was accompanied by a loud roar. This led us to conjecture that the approaching object was an enormous wave of the sea; but we had no idea how large it was till it came near to ourselves. When it approached the outer reef, however, we were awe-struck with its unusual magnitude; and we sprang to our feet, and clambered hastily up to the highest point of the precipice, under an indefinable feeling of fear.

I have said before that the reef opposite Spouting Cliff was very near to the shore, while, just in front of the bower, it was at a considerable distance out to sea. Owing to this formation, the wave reached the reef at the latter point before it struck at the foot of Spouting Cliff. The instant it touched the reef we became aware, for the first time, of its awful magnitude. It burst completely over the reef at all points, with a roar that seemed louder to me than thunder; and this roar continued for some seconds, while the wave rolled gradually along towards the cliff on which we stood. As its crest reared before us, we felt

that we were in great danger, and turned to flee; but we were too late. With a crash that seemed to shake the solid rocks the gigantic billow fell, and instantly the spouting-holes sent up a gush of water-spouts with such force that they shrieked on issuing from their narrow vents. It seemed to us as if the earth had been blown up with water.

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

2. Find in the given texts similes and define their forms, their function and appropriateness of their usage in the text.

Extract 1

Towards noon, as the floods of light fell more nearly to the perpendicular, the stark colours of the morning were smoothed in pearl and opalescence; and the heat – as though the impending sun’s height gave it momentum – became a blow that they ducked, running to the shade and lying there, perhaps even sleeping.

Strange things happened at mid-day. The glittering sea rose up, moved apart in planes of blatant impossibility; the coral reef and the few, stunted palms that clung to the more elevated parts would float up into the sky, would quiver, be plucked apart, run like raindrops on a wire or be repeated as in an odd succession of mirrors. Sometimes land loomed where there was no land and flicked out like a bubble as the children watched. Piggy discounted all this learnedly as a “mirage”; and since no boy could reach even the reef over the stretch of water where the snapping sharks waited, they grew accustomed to these mysteries and ignored them, just as they ignored the miraculous, throbbing stars. At mid-day the illusions merged into the sky and there the sun gazed down like an angry eye. Then, at the end of the afternoon, the mirage submerged and the horizon became level and blue and clipped as the sun declined. That was another time of comparative coolness but menaced by the coming of the dark. When the sun sank, darkness dropped on the island like an extinguisher and soon the shelters were full of restlessness, under the remote stars.

From “Lord of the Flies”, by W. Golding

Extract 2

You did not hear them coming. You hardly heard them go. The grass bent down, sprang up again. They passed like cloud shadows downhill... the boys of summer, running.

Douglas, left behind, was lost. Panting, he stopped by the rim of the ravine, at the edge of the softly blowing abyss. Here, ears pricked like a deer, he snuffed a danger that was old a billion years ago. Here the town, divided, fell away in halves. Here civilization ceased. Here was only growing earth and a million deaths and rebirths every hour.

And here the paths, made or yet unmade, that told of the need of boys traveling, always traveling, to be men.

Douglas turned. This path led in a great dusty snake to the ice house where winter lived on the yellow days. This path raced for the blast-furnace sands of the lake shore in July. This to trees where boys might grow like sour and still-green crab apples, hid among leaves. This to peach orchard, grape arbor, watermelons lying like tortoise-shell cats slumbered by sun. That path, abandoned, but wildly swiveling, to school! This, straight as an arrow, to Saturday cowboy matinees. And this, by the creek waters, to wilderness beyond town...

Douglas squinted.

Who could say where town or wilderness began? Who could say which owned what and what owned which? There was always and forever that indefinable place where the two struggled and one of them won for a season to possess a certain avenue, a dell, a glen, a tree, a bush. The thin lapping of the great continental sea of grass and flower, starting far out in lonely farm country, moved inward with the thrust of seasons. Each night the wilderness, the meadows, the far country flowed down-creek through ravine and welled up in town with a smell of grass and water, and the town was disinhabited and dead and gone back to earth. And each morning a little more of the ravine edged up into town, threatening to swamp garages like leaking rowboats, devour ancient cars which had been left to the flaking mercies of rain and therefore rust.

From "Dandelion Wine", by R. Bradbury

3. Compare the original and its translation. Define means of translation used by the translator.

When these breezes reached the platform the palm-fronds would whisper, so that spots of blurred sunlight slid over their bodies or moved like bright, winged things in the shade.

Normally the underside of the green roof was lit by a tangle of golden reflections, and their faces were lit upside down, like – thought Ralph, when you hold an electric torch in your hands.

The sky, as if in sympathy with the great changes among them, was different today and so misty that in some places the hot air seemed white. The disc of the sun was dull silver as though it were nearer and not so hot, yet the air stifled.

The pile of guts was a black blob of flies that buzzed like a saw.

There were no shadows under the palms on the platform; only this strange light that seemed to come from everywhere at once. High up among the bulging clouds thunder went off like a gun.

Иногда он задувал на площадку, и тогда пальмы перешептывались, и свет стекал кляксами им на кожу, а тени порхал на блестящих крылышках.

Обычно зеленая кровля снизу высвечивалась золотыми бликами и тени на лицах были перевернуты, как когда держишь фонарик в руке.

Словно в лад всем их переменам небо сегодня переменялось, как бы подернулось пылью, и горячий воздух пошел белыми пятнами. Мутный серебряный диск будто приблизился и остыл, но жара все равно давила, душила.

Над черным комом кишок, как пила, жужжали мухи.

Под пальмами на площадке не было теней; и странный свет бил сразу отовсюду. В вышине по вспученным тучам ружейным выстрелом ухнул гром.

Nothing prospered but the flies who blackened their lord and made the spilt guts look like a heap of glistening coal.

There was no sigh left of the storm, and the beach was swept clean like a blade that has been scoured.

Ralph edged forward, feeling his way over the uneven surface as though he was blind. There were miles of vague water at his right and the restless ocean lay under his left hand, as awful as the shaft of a pit.

Down, down, the waters went, whispering like the wind among the heads of the forest. There was one flat rock there, spread like a table, and the waters sucking down on the four weedy sides made them seem like cliffs.

Только мухам все это было нипочем, они вытемнили своего повелителя, а сваленные кишки из-за них сделались похожи на груды блестящего угля.

От бури не осталось следа, берег блистал, как наточенное лезвие.

Ральф пополз вперед, он ощупывал неровности, как слепой. Справа были смутные воды, по левую руку, как шахта колодца, зиял неумный океан.

Ниже, ниже, ниже падали воды и всхлипывали, как ветер в листве. Вот показалась плоская скала, гладкая, как стол, и воды, засасываясь под нее, открыли с четырех сторон одетые водорослями грани утеса.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

Перевод Е. Суриц

4. Translate the following sentences paying attention to the similes. Explain what means of translation you have used.

1. The fair boy stopped and jerked his stockings with an automatic gesture that made the jungle seem for a moment like the Home Counties.

2. The rock was as large as a small motor car.

3. For yards round the fire the heat was like a blow, and the breeze was a river of sparks.
4. All at once they were aware of the evening as the end of light and warmth.
5. One patch touched a tree trunk and scrambled up like a bright squirrel.
6. The flames, as though they were kind of wild life, crept as a jaguar creeps on its belly towards a line of birch-like saplings that fledged an outcrop of the pink rock.
7. Sixty feet above Roger, a cluster of nuts, fibrous lumps as big as rugby balls, were loosed from their stems.
8. He abandoned the noiseless transparencies and pointed at the centre of the spreading ring like a setter.
9. The hunters sat, stuffing themselves with this easy meal, trying to convince themselves that they had got sufficient kick out of bananas and that other olive-grey, jelly-like fruit.
10. The forest re-echoed; and birds lifted, crying out of the tree-tops, as on that first morning ages ago.
11. A great noise as of sea-gulls rose behind him.
12. His hair was full of dirt and tapped like tendrils of a creeper.
13. But the hunters had only sneaked into the fringes of the greenery, retrieving spears perhaps, and then rushed back to the sunny rock as if terrified of the darkness under the leaves.
14. The red rock that he could see at the top of the cliff vanished like a curtain, and he could see figures and blue sky. A moment later the earth jolted, there was a rushing sound in the air, and the top of the thicket was cuffed as with a gigantic hand.
15. Below him, someone's legs were getting tired and the desperate ululation advanced like a jagged fringe of menace and was almost overhead.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

5. Translate the following sentences paying attention to the similes. Explain what means of translation you have used.

1. Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются да стон носится в воздухе.

2. Вдруг в это время стало кренить на мою сторону.

– Вот, вот так! – учил он, опускаясь на пол. – Ай, ай! – закричал он потом, ища руками кругом, за что бы ухватиться. Его потащило с горы, и он стремительно домчался вплоть до меня... на всегда готовом экипаже.

3. Холмы, как пустая декорация, поднимались из воды и, кажется, грозили рухнуть, лишь только подойдешь ближе.

4. Но нам, особенно после низменных и сырых берегов Англии, гора показалась исполином.

5. Ужели это город: эти белеющие внизу у самой подошвы, на берегу, дома, как будто крошки сахара или отвалившейся откуда-то штукатурки?

6. Мы пошли по улицам, расположенным амфитеатром, потому что гора начинается прямо от берега.

7. Еще досаднее, что они носятся с своею гордостью, как курица с яйцом, и кудахтают на весь мир о своих успехах <...>.

8. Я обернулся на Мадеру в последний раз: она вся закуталась, как в мантию, в облака, как будто занавес опустился на волшебную картину, и лежала далеко за нами темной массой; впереди довольно уже близко неслась на нас другая масса – наш корабль.

9. Индия, Манила, Сандвичевы острова – все это вертелось у меня в голове, как у пьяного неясные лица его собеседников.

10. Вверху, однако ж, небо было свободно от туч, и оттуда, как из отверстий какого-то озаренного светом храма, сверкали миллионы огней всеми красками радуги, как не сверкают звезды у нас никогда.

11. Самый близкий, Сант-Яго, лежал, как громадный ком красной глины.

12. Долина скрылась из глаз, и опять вся картина острова стала казаться такою увядшею, сухою и печальною, точно старуха, но подрумяненная на этот раз пурпуровым огнем солнечного заката.

13. Мы вопросительно озирались вокруг, а небо, море сияют нестерпимым блеском, точно смеются, как иногда смеется сильная злоба над немощью. <...> Море колыхается целой массой, как густой расплавленный металл; ни малейшей чешуи, даже никакого всплеска.

14. Исполинские скалы, почти совсем черные от ветра, как зубцы громадной крепости, ограждают южный берег Африки.

15. А после, когда я увидел Столовую гору, эта мне показалась пригорком.

16. Южная ночь таинственна, прекрасна, как красавица под черной дымкой: темна, нема; но все кипит и трепещет жизнью в ней, под прозрачным флером.

17. Черная, как поношенный атлас, старуха негритянка, с платком на голове, чистила ножи.

18. Может быть, стелленбошская коллегия будет со временем африканским Геттингеном или Оксфордом.

19. Мы вышли и нарвали себе несколько веток [камфарного дерева], с листьями и плодами, величиной с крупную горошину, от которых вдруг в экипажах разлился запах, напоминающий зубную боль и подушечки.

20. Если б он не был гражданский инженер и геолог, то, конечно, был бы африканский Рубини: у него изумительный фальцетто.

21. Кругом теснились скалы, выглядывая одна из-за другой, как будто вставали на цыпочки.

22. Мы переправились вброд через реку, остановились на минуту около какого-то шалаша, где продавали проходим хлеб, кажется еще водку, и где наши купили страусовых яиц, величиной с маленькую дыню.

23. Я успел заметить только белокурого полного пастора с женой и с детьми. Нельзя не заметить: крик, шум, везде дети, в сенях, по ступеням лестницы, в номерах, на крыльце, – и все пастора. Настоящий Авраам – после божественного посещения.

24. Они [буруны], как будто ряд гигантских всадников, наскакивали с шумом, похожим на пушечные выстрелы, и с облаком пены на камень, прыгали через них, как взбесившиеся кони через пропасти и преграды, и, наконец, обессиленные, падали клочьями грязной, желтой пены на песок.

25. У подошвы ее, по берегу, толпятся дома, и между ними, как напоказ, выглядывают кое-где пучки банановых листьев, которые сквозят и желтеют от солнечных лучей, да еще видна иногда из-за забора, будто широкая метла, верхушка убитого солнцем дерева.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

6. Translate the extract from Ex. 1. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

7. Translate the extract from Ex. 2. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

8. Translate the following texts paying attention to similes. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

Extract 1

Тут на дверях висела связка каких-то незнакомых мне плодов, с виду похожих на огурцы средней величины. Кожа, как на бобах – на иных зеленая, на других желтая. «Что это такое?» – спросил я. «Бананы», – говорят. «Бананы! тропический плод! Дайте, дайте сюда!» Мне подали всю связку. Я оторвал один и очистил – кожа слезает почти от прикосновения; попробовал – не понравилось мне: пресно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкус мучнистый, похоже немного и на картофель, и на дыню, только не так сладко, как дыня, и без аромата или со своим собственным, каким-то грубоватым букетом. Это скорее овощ, нежели плод, и между плодами он – parvenu.

Extract 2

И ночи не приносили пролады, хотя и были великолепны. Каждую ночь на горизонте, во всех углах, играла яркая зарница. Небо млело избытком жара, и по вечерам носились в нем, в виде пыли, какие-то атомы, помрачавшие немного огнистые зори, как будто семена и зародыши жаркой производительной силы, которую так обильно лили здесь на землю и воду солнечные лучи. Мы часто видели метеоры, пролетавшие по горизонту. В этом воздухе природа, как будто явно и открыто для человека, совершает процесс творчества; здесь можно непосвященному глазу следить, как образуются, растут и зреют ее чудеса; подслушать, *как растет трава*. Творческие мечты ее так явны, как вдохновенные мысли на лице художника. Авось услышим, как растет – хоть сладкий картофель или табак. По ночам реомюр показывал только градусом меньше против дня.

Extract 3

Жар несносный; движения никакого, ни в воздухе, ни на море. Море – как зеркало, как ртуть: ни малейшей ряби. Вид пролива и обоих берегов поразителен под лучами утреннего солнца. Какие мягкие, нежащие глаз цвета небес и воды! Как ослепительно ярко блещет солнце и разнообразно играет лучами в воде! В одном месте пучина кипит золотом, там как будто горит масса раскаленных угольев: нельзя смотреть; а там подальше, кругом до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глаз глубоко проникает в прозрачные воды. Земли нет: все леса и сады, густые, как щетка. Деревья сошли с берега и теснятся в воду. За садами вдали видны высокие горы, но не обожженные и угрюмы, как в Африке, а все заросшие лесом. Направо явайский берег, налево, среди пролива, зеленый островок, а сзади, на дальнем плане, синее Суматра.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

2.3 Hyperbole

☞ Hyperbole (overstatement) is a trope aimed at deliberate exaggeration of dimensions or other attributes of the object. This device of expressiveness imparts emphatic character to the phrase. Hyperbole does not mean the actual state of objects or phenomena, but emotional evaluation of reality by a speaker. When characteristic features of an object or phenomenon are underrated, we deal with the opposite stylistic device – understatement (meiosis). The mechanism of its creation and functioning is identical with that of hyperbole. Hyperbole and meiosis can be expressed by various parts of speech; owing to this they can be similar to other stylistic devices (mostly epithets and metaphors).

Possible means of translation:

✍ literal translation;

Acres of black and yellow smoke rolled steadily towards the sea.

Акры чёрного и рыжего дыма упрямо валили к морю.

✍ contextual substitution;

Flower and fruit grew together on the same tree and everywhere was the scent of ripeness and the booming of a million bees at pasture.

Цветы и фрукты росли рядом, вперемешку, и вокруг стоял запах спелости и густое жужжание несметных пасущихся пчёл.

✍ conversion (structural transformation);

Down here, almost on a level with the sea, you could follow with your eye the ceaseless, bulging passage of the deep sea waves.

Тут, чуть не вровень с водой, можно было следить глазами, как без конца взбухают и накатывают глубинные волны.

✍ omission / addition (extension).

The beach between the palm terrace and the water was a thin bow-stave, endless apparently <...>.

*Полоска песка между пальмовой террасой и морем убежала тонкой
лукой неведомо куда <...>.*

Exercises

1. Find in the given text words used in metaphorical sense and write all their meanings out of a dictionary. Compose your own sentences using every word in direct and figurative meaning. Translate the sentences into Russian.

“You must know,” said he, “I walked about all the forenoon, till I was as tired as an old donkey, without seeing a single grunter, not so much as a track of one; but, as I was determined not to return empty-handed, I resolved to go without my dinner and –”

“What!” exclaimed Jack, “did you REALLY resolve to do that?”

“Now, Jack, hold your tongue,” returned Peterkin; “I say that I resolved to forego my dinner and to push to the head of the small valley, where I felt pretty sure of discovering the hogs. I soon found that I was on the right scent, for I had scarcely walked half a mile in the direction of the small plum tree we found there the other day, when a squeak fell on my ear. ‘Ho, ho,’ said I, ‘there you go, my boys;’ and I hurried up the glen. I soon started them, and singling out a fat pig, ran tilt at him. In a few seconds I was up with him, and stuck my spear right through his dumpy body. Just as I did so, I saw that we were on the edge of a precipice, whether high or low I knew not, but I had been running at such a pace that I could not stop, so the pig and I gave a howl in concert and went plunging over together. I remembered nothing more after that, till I came to my senses and found you bathing my temples, and Ralph wringing his hands over me.”

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

2. Find in the given texts hyperboles or understatements and define their forms, their function and appropriateness of their usage in the text.

Extract 1

When we approached Cape Horn, at the southern extremity of America, the weather became very cold and stormy, and the sailors began to tell stories about the furious gales and the dangers of that terrible cape.

“Cape Horn,” said one, “is the most horrible headland I ever doubled. I’ve sailed round it twice already, and both times the ship was a’most blow’d out o’ the water.”

“An’ I’ve been round it once,” said another, “an’ that time the sails were split, and the ropes frozen in the blocks, so that they wouldn’t work, and we was all but lost.”

“An’ I’ve been round it five times,” cried a third, “an’ every time was wuss than another, the gales was so tree-mendous!”

“And I’ve been round it no times at all,” cried Peterkin, with an impudent wink of his eye, “an’ THAT time I was blow’d inside out!”

Extract 2

Peterkin did as he was directed, and we both burst into uncontrollable laughter at the changes that instantly passed over his expressive countenance. No sooner had he put the nut to his mouth, and thrown back his head in order to catch what came out of it, than his eyes opened to twice their ordinary size with astonishment, while his throat moved vigorously in the act of swallowing. Then a smile and look of intense delight overspread his face, except, indeed, the mouth, which, being firmly fixed to the hole in the nut, could not take part in the expression; but he endeavoured to make up for this by winking at us excessively with his right eye. At length he stopped, and, drawing a long breath, exclaimed –

“Nectar! Perfect nectar! I say, Jack, you’re a Briton – the best fellow I ever met in my life. Only taste that!” said he, turning to me and holding the nut to my mouth.

Extract 3

“Oh! don’t stop him from speaking, Jack,” said Peterkin, who, now that his fears for my safety were removed, busied himself in erecting a shelter of broken branches in order to protect me from the wind; which, however, was almost unnecessary, for the rock beside which I had been laid completely broke the force of the gale. “Let him speak, Jack; it’s a comfort to hear that he’s alive, after lying there stiff and white and sulky for a whole hour, just like an Egyptian mummy. Never saw such a fellow as you are, Ralph; always up to mischief. You’ve almost knocked out all my teeth and more than half choked me, and now you go shamming dead! It’s very wicked of you, indeed it is.”

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

3. Compare the original and its translation. Define means of translation used by the translator.

<...> to Ralph’s left the perspectives of palm and beach and water drew to a point at infinity; and always, almost visible, was the heat.

With that word the heat seemed to increase till it became a threatening weight and the lagoon attacked them with a blinding effulgence.

<...> ever so expensive. I bet if you wanted to buy one, you’d have to pay pounds and pounds and pounds –

A storm of laughter arose and even the tiniest child joined in.

<...> только где-то в бесконечности слева от Ральфа пальмы, вода и берег сливались в одну точку; и, почти видимая глазу, плавала вокруг жара.

От этих слов жара будто набрякла, навалилась тяжестью, и лагуна обдала непереносимым сиянием.

Жуть какой дорогой. Ей-богу, если бы покупать, так это тьму-тьмущую денег надо выложить...

Тут раздался настоящий взрыв хохота, хохотали все, даже самые маленькие.

They were miles wide, apparently not breakers or the banked ridges of shallow water.

Presently they all began to inch forward sweating in the silence and heat.

<...> the conch exploded into a thousand white fragments and ceased to exist.

There were miles of vague water at his right and the restless ocean lay under his left hand, as awful as the shaft of a pit.

He had just time to realize that the age-long nightmares of falling and death were past and that the morning has come, when he heard the sound again.

It would take them a week to break a path through the thicket; and anyone who wormed his way in would be helpless.

Шириною в целые мили, не какие-то буруны, не складки на отмелях <...>.

Дюйм за дюймом они стали пробираться в немой жаре.

<...> рог разлетелся на тысячу белых осколков и перестал существовать.

Справа были смутные воды, по левую руку, как шахта колодца, зиял неумный океан.

Он успел сообразить, что долгое-долгое падение, смерть – остались во сне, позади, что уже утро. И тут он снова слышал звук.

Им и за неделю не проложить тропу в этих зарослях; ну, а если кто-то один попробует проползти сюда так же, как он, то пусть на себя пеняет.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

Перевод Е. Суриц

4. Translate the following sentences paying attention to the hyperboles and understatements. Explain what means of translation you have used.

1. The water was warmer than his blood and he might have been swimming in a huge bath.

2. Clouds of birds rose from the tree-tops, and something squealed and ran in the undergrowth.

3. I bet you can hear that for miles.
4. Here, the roots and stems of creepers were in such tangles that the boys had to thread through them like pliant needles.
5. Round the castles was a complex of marks, tracks, walls, railway lines, that were of significance only if inspected with the eye at beach-level.
6. Like a myriad of tiny teeth in a saw, the transparencies came scavenging over the beach.
7. “There was lashings of blood”, said Jack, laughing and shuddering, “you should have seen it!”.
8. My daddy says there’s things, what d’you call ’em that make ink-squids – that are hundreds of yards long and eat whales whole.
9. Jack’s face went so white that the freckles showed as clear, brown flecks.
10. He was surrounded on all sides by chasms of empty air.
11. Soon, in a matter of centuries, the sea would make an island of the castle.
12. Now he saw the landsman’s view of the swell and it seemed like the breathing of some stupendous creature.
13. A steady current of heated air rose all day from the mountain and was thrust to ten thousand feet; revolving masses of gas piled up the static until the air was ready to explode.
14. There was only one other rock up there that they might conceivably move; but that was half as big as a cottage, big as a car, a tank.
15. Perhaps he can hear my heart over the noises of the fire.
16. Peterkin immediately put them on, but they were so large that, as Jack said, they would have done for boots, trousers, and vest².

From “Lord of the Flies”, by W. Golding

² This sentence is from “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

5. *Translate the following sentences paying attention to the hyperboles and understatements. Explain what means of translation you have used.*

1. А съевши один апельсин, я должен было сознаться, что хороших апельсинов до этой минуты никогда не ел.

2. Улицы так длины, что конца нет: версты две и более.

3. Вероятно, эти деревья ровесники местечку, а оно старше почти всех других в колонии <...>.

4. Мы застали уже накрытый стол <...>. Чего только не было наставлено на столе: это лавочка съестных припасов.

5. Я познакомился с ними, и мы пошли за город, к мосту, через мост по полю, и уже темным вечером, почти ощупью, воротились в город.

6. Эти шесть миль, которые мы ехали с доктором, большею частью по побочным дорогам, были истинным истязанием, несмотря на живописные овраги и холмы: дорогу размыло дождем, так что по горам образовались глубокие рывины, и экипажи наши не катились, а перескакивали через них.

7. Надо отдать справедливость Вандику: он в искусстве владеть вожжами стоит если не выше, то так же высоко, как его соименник в искусстве владеть кистью.

8. На крыльце лежало бесчисленное множество тыкв; шагая между ними, мы добрались до хозяина и до его руки, которую потрясли все по очереди.

9. Нельзя нарочно правильнее обставить горами, как обставлена эта долина.

10. Тут же был и портрет хозяина: я узнал таким образом, который настоящий: этот – небритый, в рубашке и переднике; говорил в нос, топал, ходя, так, как будто хотел продавить пол.

11. Он от ученых разговоров легко переходит к шутке, поет так, что мы хором не могли перекричать его.

12. По дороге могли проехать два экипажа, но это пространство измерено с такою точностью, что сверх этого и мыши негде было бы пройти.

13. Вот барон Криднер, напротив, ничего не помнил, ни местности, ни лиц, и тоже никогда не смотрел вперед.

14. Темнота адская; мы не видели, куда ехали: перед глазами стояла как будто стена.

15. Веллингтон лежал как будто у ног наших, несмотря на то, что мы были милях в пяти от него.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

6. Translate the extract from Ex. 1. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

7. Translate the extract from Ex. 2. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

8. Translate the following texts paying attention to the hyperboles. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

Extract 1

Представьте себе над головой сплошную каменную стену гор, которая заслоняет небо, солнце и которой не видать вершины. По этим горам брошены другие, меньшие горы; они, упав, раздробились, рассыпались и покатались в пропасти, но вдруг будто были остановлены на пути и повисли над бездной. То видишь точно целый город, с обрушившимися от какого-нибудь страшного переворота башнями, столбами и основаниями зданий, то толпы слонов, носорогов и других животных, которые дрались в общей свалке и вдруг окаменели. Так, кажется, сидят группой изваяния великанов. Здесь, на горе, чуть-чуть держится скала, цепляясь за гору одним углом, и всем основанием висит над бездной. Далее и далее всё стены гор и всё разбросанные на них громадные обломки, похожие на монастыри, на исполинские надгробные памятники, точно следы страшного опустошения.

Кажется, довольно одного прикосновения к этим глыбам, чтоб они полетели вниз, между тем здесь даже Архимедов рычаг бессилен. Нужно по крайней мере землетрясение или мистера Бена, чтоб сдвинуть их с места.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

Extract 2

– Как там сегодня Егор – живой, нет?

– Ой! – радостно спохватывалась Настасья. – Егор-то, Егор-то... едва нонче не помер. У старого ума нету, взял сколупнул бородавку и весь кровью изошел. Цельный таз кровушки.

– А теперь-то как – остановилась?

– Вся вышла, дак остановилась. Едва дышит. Ой, до того жалко старика. Побегу досмотрю, че с им.

А Егор в это время ковылял по другой стороне улицы и зло и беспомощно косил на Настасью глазом: опять, блажная, типун ей на язык, рассказывает про него сказки.

Из повести «Прощание с Матерой» В. Распутина

2.4 Metaphor

☞ Metaphor is the most widespread stylistic device. Sometimes the name of metaphor is used to denote any trope. But in narrow sense metaphor is a figurative device representing expressive renaming on the basis of associated likeness between two objects. In other words metaphor is a latent simile (*bottle's neck, silver disc (= the moon), golden hands*).

Sometimes the metaphorical denomination becomes widely accepted and traditional; such metaphors are called trite. Contrary to them there are living (original) metaphors; the general function of a living metaphor is expressive characterization.

Depending on the structure one can distinguish simple and sustained metaphors. Sustained metaphor consists of a few images followed one another; each of them contains continuation, development of the previous one.

As for the form of a metaphor it can be any speech unit: from a word to phrasal unity.

Possible means of translation:

✍ full translation;

Between the point, worn away into a little hole, and the pink lips of the mouth, lay eighteen inches of shell with a slight spiral twist and covered with delicate, embossed pattern.

От кончика с узкой дырочкой к разинутым розовым губам легкой спиралью вились восемнадцать сверкающих дюймов, покрытых тонким тиснёным узором.

✍ substitution of the image;

The sun had swung over vertically and the afternoon heat was closing in the island.

Солнце подобралось к зениту, и остров душила полуденная жара.

✍ conversion (structural transformation);

The maze of the darkness sorted into near and far, and at the high point of the sky the cloudlets were warmed with colour.

Путаная тьма уже расслаивалась на даль и близь, и затеплели подсветкой облачка в вышине.

✍ using of traditional adequacy;

The rock bounded on, thumping and smashing towards the beach, while a shower of broken twigs and leaves fell on him.

Глыба, стуча и круша, неслась уже дальше, к берегу, а Ральфа засыпало градом поломанных веток и листьев.

✍ omission and compensation.

He knelt down and the arrow of the sun fell on him.

Он опустился на колени, и солнце хлестнуло его лучом.

Exercises

1. Find in the given text the words used in metaphorical sense and write all their meanings out of a dictionary. Compose your own sentences using every word in direct and figurative meaning. Translate the sentences into Russian.

It was a bright, clear, beautiful morning, when we first launched our little boat and rowed out upon the placid waters of the lagoon. Not a breath of wind ruffled the surface of the deep. Not a cloud spotted the deep blue sky. Not a sound that was discordant broke the stillness of the morning, although there were many sounds, sweet, tiny, and melodious, that mingled in the universal harmony of nature. The sun was just rising from the Pacific's ample bosom and tipping the mountain tops with a red glow. The sea was shining like a sheet of glass, yet heaving with the long deep swell that, all the world round, indicates the life of ocean; and the bright sea-weeds and the brilliant corals shone in the depths of that pellucid water, as we rowed over it, like rare and precious gems. Oh! it was a sight fitted to stir the soul of man to its profoundest depths, and, if he owned a heart at all, to lift that heart in adoration and gratitude to the great Creator of this magnificent and glorious universe.

At first, in the strength of our delight, we rowed hither and thither without aim or object. But after the effervescence of our spirits was abated, we began to look about us and to consider what we should do.

"I vote that we row to the reef," cried Peterkin.

"And I vote that we visit the islands within the lagoon," said I.

"And I vote we do both," cried Jack, "so pull away, boys."

As I have already said, we had made four oars, but our boat was so small that only two were necessary. The extra pair were reserved in case any accident should happen to

the others. It was therefore only needful that two of us should row, while the third steered, by means of an oar, and relieved the rowers occasionally.

First we landed on one of the small islands and ran all over it, but saw nothing worthy of particular notice. Then we landed on a larger island, on which were growing a few cocoa-nut trees. Not having eaten anything that morning, we gathered a few of the nuts and breakfasted. After this we pulled straight out to sea and landed on the coral reef.

This was indeed a novel and interesting sight to us. We had now been so long on shore that we had almost forgotten the appearance of breakers, for there were none within the lagoon; but now, as we stood beside the foam-crested billow of the open sea, all the enthusiasm of the sailor was awakened in our breasts; and, as we gazed on the wide-spread ruin of that single magnificent breaker that burst in thunder at our feet, we forgot the Coral Island behind us; we forgot our bower and the calm repose of the scented woods; we forgot all that had passed during the last few months, and remembered nothing but the storms, the calms, the fresh breezes and the surging billows of the open sea.

This huge, ceaseless breaker, to which I have so often alluded, was a much larger and more sublime object than we had at all imagined it to be. It rose many yards above the level of the sea, and could be seen approaching at some distance from the reef. Slowly and majestically it came on, acquiring greater volume and velocity as it advanced, until it assumed the form of a clear watery arch, which sparkled in the bright sun. On it came with resistless and solemn majesty, – the upper edge lipped gently over, and it fell with a roar that seemed as though the heart of Ocean were broken in the crash of tumultuous water, while the foam-clad coral reef appeared to tremble beneath the mighty shock!

We gazed long and wonderingly at this great sight, and it was with difficulty we could tear ourselves away from it. As I have once before mentioned, this wave broke in many places over the reef and scattered some of its spray into the lagoon, but in most places the reef was sufficiently broad and elevated to receive and check its entire force. In many places the coral rocks were covered with vegetation, – the beginning, as it appeared to us, of future islands. Thus, on this reef, we came to perceive how most of the small islands of those seas are formed. On one part we saw the spray of the breaker washing over the rocks, and millions of little, active, busy creatures continuing the work of building

up this living rampart. At another place, which was just a little too high for the waves to wash over it, the coral insects were all dead; for we found that they never did their work above water. They had faithfully completed the mighty work which their Creator had given them to do, and they were now all dead. Again, in other spots the ceaseless lashing of the sea had broken the dead coral in pieces, and cast it up in the form of sand. Here sea-birds had alighted, little pieces of sea-weed and stray bits of wood had been washed up, seeds of plants had been carried by the wind and a few lovely blades of bright green had already sprung up, which, when they died, would increase the size and fertility of these emeralds of Ocean. At other places these islets had grown apace, and were shaded by one or two cocoa-nut trees, which grew, literally, in the sand, and were constantly washed by the ocean spray; yet, as I have before remarked, their fruit was most refreshing and sweet to our taste.

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

2. Find in the previous text metaphors and define their types, their function and appropriateness of their usage in the text.

3. Compare the original and its translation. Define means of translation used by the translator.

All round him the long scar
smashed into the jungle was a bath of
heat.

The shore was fledged with palm
trees. These stood or leaned or reclined
against the light and their green feathers
were a hundred feet up in the air.

It was clear to the bottom and
bright with the efflorescence of tropical

Шрамом врезавшаяся в джунгли
длинная полоса порушенного леса
держала жару, как баня.

Берег был весь опушен
пальмами. Они стояли, клонились,
никли в лучах, а зеленое оперенье
висело в стофудовой выси.

Она была ясная до самого дна и
вся расцвела тропическими

weed and coral.

He trotted through the sand, enduring the sun's enmity, crossed the platform and found his scattered clothes.

Every coign of the mountain held up trees – flowers and trees.

Tall trunks bore unexpected pale flowers all the way up to the dark canopy where life went on clamorously.

The whole space was walled with dark aromatic bushes, and was a bowl of heat and light.

Beyond the screen of leaves the sunlight pelted down and the butterflies danced in the middle their unending dance.

Then the clouds open and let down the rain like a water-fall.

He forgot his wounds, his hunger and thirst, and became fear; hopeless fear on flying feet, rushing through the forest towards the open beach.

водорослями и кораллами.

Он бросился по песку под нещадными, злыми лучами, пересек площадку и собрал раскиданные вещи.

По всем торцам горы были деревья, цветы и деревья.

Высокие стволы поросли неожиданно бледными цветами до самых вершин, а там во тьме кипела шумная жизнь.

Тёмные пахучие кусты обнесли опушку стеной, и в этой ограде, как в чаше, плавали свет и жара.

К лиственной бахrome льнул солнечный свет, и на лужайке плясали без усталости бабочки.

Потом тучи разверзлись, и водопадом обрушился дождь.

Ральф забыл раны, голод, жажду, он весь обратился в страх. Страх на летящих ногах мчался лесом к открытому берегу.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

Перевод Е. Суриц

4. *Translate the following sentences paying attention to the metaphors. Explain what means of translation you have used.*

1. The palms that still stood made a green roof, covered on the underside with a quivering tangle of reflections from the lagoon.

2. Ralph lolled in the water. Sleep enveloped him like the swathing mirages that were wrestling with the brilliance of the lagoon.

3. Here, the eye was first attracted to a black, bat-like creature that danced on the sand, and only later perceived the body above it. The bat was the child's shadow, shrunk by the vertical sun to a patch between hurrying feet.

4. Now that the pallor of his faint was over, he was a skinny, vivid little boy, with a glance coming up from under a hut of straight hair that hung down, black and coarse.

5. The difficulty was not to steep ascent round the shoulders of rock, but the occasional plunges through the undergrowth to get to the next path.

6. Their only guide, apart from the brown ground and occasional flashes of light through the foliage, was the tendency of slope: whether this hole, laced as it was with the cables of creepers, stood higher than that.

7. They were on the lip of a cirque, or a half-cirque, in the side of the mountain. This was filled with a blue flower, a rock plant of some sort; and the overflow hung down the vent and spilled lavishly among the canopy of the forest. The air was thick with butterflies, lifting, fluttering, settling.

8. The tide was running so that long streaks of foam tailed away from the reef and for a moment they felt that the boat was moving steadily astern.

9. Beyond falls and cliffs there were a gash visible in the trees; there were the splintered trunks and the drag, leaving only a fringe of palms between the scar and the sea.

10. He was a shrimp of a boy, about six years old, and one side of his face was blotted out by a mulberry-coloured birthmark. He stood now, warped out of the perpendicular by the fierce light of publicity, and he bored into the coarse grass with one toe.

11. The beard of flame diminished quickly; then the pile fell inwards with a soft, cindery sound, and sent a great tree of sparks upwards that leaned away and drifted downwind.

12. The smoke increased, sifted, rolled outwards. The squirrel leapt on the wings of the wind and clung to another standing tree, eating downwards.

13. Beneath the capering boys a quarter of a mile square of forest was savage with smoke and flame.

14. Only when Jack himself roused a gaudy bird from a primitive nest of sticks was the silence shattered and echoed set ringing by a harsh cry that seemed to come out of the abyss of ages.

15. Swearing, he turned off the trail and pushed his way through until the forest opened a little and instead of bald trunks supporting a dark roof there were light grey trunks and crowns of feathery palm.

16. They walked along, two continents of experience and feeling, unable to communicate.

17. There were creatures that lived in this last fling of the sea, tiny transparencies that came questing in with the water over the hot, dry sand.

18. Jack planned his new face. He made one cheek and one eye-socket white, then he rubbed red over the other half of his face and slashed a black bar of charcoal across from right ear to left jaw.

19. Piggy stood behind him, islanded in a sea of meaningless colour, while Ralph knelt and focused the glossy spot.

20. The assembly looked with him; considered the vast stretches of water, the high sea beyond, unknown indigo of infinite possibility; heard silently the cough and whisper from the reef.

21. The rays of the sun that were fanning upwards from below the horizon, swung downwards to eye-level. Ralph looked for a moment at the growing slice of gold that lit them from the right hand and seemed to make speech possible.

22. <...> then, pausing, gather and rise with a roar, irresistibly swelling over the point and outcrop, climbing a cliff, sending at last an arm of surf up a gully to end a yard or so from him in fingers of spray.

23. Over the island the build-up of clouds continued.

24. The dark sky was shattered by a blue-white scar.

25. Towards midnight the rain ceased and the clouds drifted away, so that the sky was scattered once more with the incredible lamps of stars.

26. Here and there a larger pebble clung to its own air and was covered with a coat of pearls.

27. An oblong of blackness relieved with brilliant spangles hung before them and there was the hollow sound of surf on the reef.

28. The afternoon died away; the circular spots of sunlight moved steadily over green fronds and brown fibre but no sound came from behind the Rock.

29. He yearned for a bed and sheets – but the only whiteness here was the slow spilt milk, luminous round the rock forty feet below, where Piggy had fallen.

30. Under the thicket, the earth was vibrating very slightly; or perhaps there was a sound beneath the obvious thunder of the fire and scribbled ululations that was too low to hear.

From “Lord of the Flies”, by W. Golding

5. Translate the following sentences paying attention to the metaphors. Explain what means of translation you have used.

1. Группа гор тесно жалась к одной главной горе – это первая большая гора, которую увидели многие из нас, и то она помещена в аристократию гор не за высоту <...>, а за свое вино.

2. Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почве, во всех климатах пускают корни и всюду прививаются эти корни.

3. Мы были на одном из уступов горы, на половине ее высоты... и того нет: под ногами нашими целое море зелени, внизу город, точно игрушка; там чуть-чуть

видно, как ползают люди и животные, а дальше вовсе не игрушка – океан; на рейде опять игрушки – корабли, в том числе и наш.

4. Затверживаешь узор ближайших созвездий, смотришь на переливы этих зеленых, синих, кровавых огней, потом взгляд утонет в розовой пучине Млечного Пути.

5. Выйдешь на палубу, взглянешь и ослепнешь на минуту от нестерпимого блеска неба, моря; от меди на корабле, от железа отскакивают снопы лучей; палуба и та нестерпимо блещет и уязвляет глаз своей белизной.

6. Звезды искрятся сильно, дерзко и как будто спешат воспользоваться промежутком от солнца до луны; их прибывает все больше и больше, они проступают сквозь небо.

7. Та же невидимая рука, которая чертила воздушные картины, поспешно зажигает огни во всех углах тверди, и – засиял вечерний пир!

8. Опять, как вчера, она [душа] ищет в огнях – разума, жадно читает огненные буквы и порывается туда...

9. Здесь вечная борьба титанов – моря, ветров и гор, вечный прибой, почти вечные бури.

10. Облако, о котором я говорил, разрослось, пока мы шли садами, и густым слоем, точно снегом, покрыло плотно и непроницаемо всю вершину и спускалось по бокам ровно: это *стол накрывался скатертью*.

11. Столовая гора может хоть вся закутаться в саван – они не боятся. Беда, когда *лев накинёт чепчик!*

12. Такая фура очень живописна: представьте себе длинную телегу сажени в три с круглым сводом из парусины, набитую до того этим магометанским народом, что некоторые мужчины и дети, не помещаясь под холстиной, едва втиснуты туда, в кучу публики, и торчат, как сверхкомплектные поленья в возах с дровами. Пары три волов медленно и важно выступают с этим зверинцем.

13. Кто знает, какой дуб учености вырастет со временем в этой старинной, но еще молодой и формирующейся на новый лад колонии?

14. Это место действительно перл во всей колонии по красоте местоположения, по обилию и качеству произведений, особенно вина.

15. Домики, что за домики – игрушки!

16. Вечер был тих. С неба уже сходил румянец. Кое-где прорезывались звезды.

17. Из глубины мрака вышел человек, в шляпе и пальто, и взял меня за руку.

18. На дне их текли ручьи, росла густая зелень, в которой утопал глаз.

19. Едешь по плечу исполинской горы и, несмотря на всю уверенность в безопасности, с невольным смущением глядишь на громады, которые как будто сдвигаются все ближе и ближе, грозя раздавить путников.

20. Я тоже, наконец, хотел лечь спать, но прежде посвятил несколько минут тщательному осмотру своей кровати. <...> Я раза три обошел вокруг этого катафалка и не знал, как приступить к угрюмому ложу: робость напала на меня.

21. Громады были местами зелены, местами изрыты и дики, с наростами седых камней, с группами деревьев, с фермами и виноградниками.

22. В первый день пасхи, когда мы обедали у адмирала, вдруг с треском, звоном вылетела из полупортика рама, стекла разбились вдребезги, и кудрявый, седой вал, как сам Нептун, влетел в каюту и разлился по полу. <...> Пришли матросы и вывели швабрами нежданного гостя вон.

23. Завидели берега Явы, хотели войти в Зондский пролив между Явой и островком Принца, <...> но течением отнесло дальше. Пришлось войти прямо в ворота, минуя калитку.

24. Нет, не вынесешь долго этой жизни, среди роз, ядов, баядерок, пальм, под отвесными стрелами, которые злобно мечет солнечный шар!

25. Вспомните не одну Венецию, а хоть Испанию например: уж, кажется трудно выдумать наряднее епанчу, а в какую дырявую мантию нарядилась она после!

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

6. *Translate the extract from Ex. 1. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.*

☞ There are some varieties of metaphor: personification, antonomasia, allegory. Sometimes they are distinguished as independent tropes. Allegory is a form of parable, when some concrete object is used to express an abstract conception or idea. This figurative device realizes only in the whole text.

The term “antonomasia” denotes use of some well-known proper name as a common name or vice versa. Possible means of translation: literal translation, transcription, transliteration, loan-translation, contextual substitution.

The most generally used type of metaphor is personification. We deal with this trope when some characteristics of a living creature are attached to a lifeless object (*a face of a town, an autumn cries*). In most cases verbs of action are used as personification. Means of translation are similar to those of metaphor.

7. *Find in the given texts metaphors and define their types, their function and appropriateness of their usage in the text.*

Extract 1

Roving has always been, and still is, my ruling passion, the joy of my heart, the very sunshine of my existence. In childhood, in boyhood, and in man’s estate, I have been a rover; not a mere rambler among the woody glens and upon the hill-tops of my own native land, but an enthusiastic rover throughout the length and breadth of the wide world.

It was a wild, black night of howling storm, the night in which I was born on the foaming bosom of the broad Atlantic Ocean. My father was a sea-captain; my grandfather was a sea-captain; my great-grandfather had been a marine. Nobody could tell positively what occupation HIS father had followed; but my dear mother used to assert that he had been a midshipman, whose grandfather, on the mother’s side, had been an admiral in the royal navy.

Extract 2

This was now the first time that I had looked well about me since landing, as the spot where I had been laid was covered with thick bushes which almost hid the country from our view. As we now emerged from among these and walked down the sandy beach together, I cast my eyes about, and, truly, my heart glowed within me and my spirits rose at the beautiful prospect which I beheld on every side. The gale had suddenly died away, just as if it had blown furiously till it dashed our ship upon the rocks, and had nothing more to do after accomplishing that.

Extract 3

We did, indeed, continue to enjoy our bathe in the shallow water, but Jack and I found that one great source of our enjoyment was gone, when we could no longer dive down among the beautiful coral groves at the bottom of the lagoon. We had come to be so fond of this exercise, and to take such an interest in watching the formations of coral and the gambols of the many beautiful fish amongst the forests of red and green sea-weeds, that we had become quite familiar with the appearance of the fish and the localities that they chiefly haunted. We had also become expert divers.

Extract 4

What a joyful thing it is to awaken, on a fresh glorious morning, and find the rising sun staring into your face with dazzling brilliancy! – to see the birds twittering in the bushes, and to hear the murmuring of a rill, or the soft hissing ripples as they fall upon the sea-shore! At any time and in any place such sights and sounds are most charming, but more especially are they so when one awakens to them, for the first time, in a novel and romantic situation, with the soft sweet air of a tropical climate mingling with the fresh smell of the sea, and stirring the strange leaves that flutter overhead and around one, or ruffling the plumage of the stranger birds that fly inquiringly around, as if to demand what business we have to intrude uninvited on their domains.

From “The Coral Island”, by R.M. Ballantyne

8. *Translate the following sentences paying attention to the personifications and antonomasia. Explain what means of translation you have used.*

1. The sand was thick over his black shoes and the heat hit him.

2. He turned over, holding his nose, and a golden light danced and shattered just over his face.

3. There was a jumble of the usual squareness, with one great block sitting out in the lagoon.

4. The great rock loitered, poised on one toe, decided not to return, moved through the air, fell, struck, turned over, leapt droning through the air and smashed a deep hole in the canopy of the forest.

5. Now the forest stirred, roared, flailed.

6. Small flames stirred at the bole of a tree and crawled away through leaves and brushwood, dividing and increasing.

7. Beneath the dark canopy of leaves and smoke the fire laid hold on the forest and began to gnaw.

8. A flurry of wind made the palms talk and the noise seemed very loud now that darkness and silence made it so noticeable.

9. Far beneath them, the trees of the forest sighed, then roared.

10. Then the sleeping leviathan breathed out – the waters rose, the weed streamed, and the water boiled over the table rock with a roar.

11. The clouds were sitting on the land; they squeezed, produced moment by moment, this close, tormenting heat.

12. <...> but then he saw that the white face was bone and that the pig's skull grinned at him from the top of a stick. He walked slowly into the middle of the clearing and looked steadily at the skull that gleamed as white as ever the conch had done and seemed to jeer at him cynically.

13. Every minute the water breathed round the death rock and flowered into a field of whiteness.

14. He could see the sun-splashed ground over an area of perhaps fifty yards from where he lay: and as he watched, the sunlight in every patch blinked at him.

15. The fire reached the coconut palms by the beach and swallowed them noisily. A flame, seemingly detached, swung like an acrobat and licked up the palm heads on the platform.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

9. *Translate the following sentences paying attention to the personifications and antonomasia. Explain what means of translation you have used.*

1. Фрегат взберется на голову волны, дрогнет там на гребне, потом упадет на бок и начинает скользить с горы, спустившись на дно между двух бугров, выпрямится, но только затем, чтоб тяжело перевалиться на другой бок и лезть вновь на холм.

2. Несколько стульев повольничали было, оторвались от своих мест и полетели в угол, но были пойманы и привязаны опять.

3. Какие бы, однако, ни были взяты предосторожности против падения разных вещей, но почти при всяком толчке что-нибудь да найдет случай вырваться: или книга свалится с полки, или куча бумаг, карта поползет по столу и тут же захватит по дороге чернильницу или подсвечник.

4. Там белое облако стояло неподвижно, как будто прильнуло к земле, а там раскинулось по горе другое, тонкое и прозрачное, как кисея, и сеяло дождь: гора опоясывалась радугами.

5. Гребцы, все португальцы, одетые очень картинно, в белых спенсерах с отложными воротниками, в маленьких, едва покрывавших темя, красных или синих шапочках, но без обуви.

6. Наш фрегат обнажили, спустили рангоут, сняли ванты – и закипела работа.

7. Мы молча слушали, отмахиваясь от мух, оводов и глядя по сторонам на большие горы, которые толпой как будто шли нам навстречу.

8. Нас с экипажами совсем поглотила зелень, тень и свежесть.

9. Справа у нас глиняная стена отвесно стояла над головой, слева внизу зияли овраги, но эти пропасти еще не были грозны: они как будто улыбались нам.

10. Горы вдруг раздвинулись на минуту, и образовался поперечный разрез. Солнце тотчас воспользовалось этим и ярко осветило глубокий овраг до дна.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

10. Translate the extracts from Ex. 6. . Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

11. Translate the following texts paying attention to metaphors. . Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

Extract 1

Все спит, все немеет. Нужды нет, что вы в первый раз здесь, но вы видите, что это не временный отдых, награда деятельности, но покой мертвый, непробуждающийся, что картина эта никогда не меняется. На всем лежит печать сухости и беспощадного зноя. Приезжайте через год, вы, конечно, увидите тот же песок, те же пальмы счетом, валяющихся в песке негров и негритянок, те же шалаши, то же голубое небо с белым отблеском пламени, которое мертвит и жжет все, что не прячется где-нибудь в ущелье, в тени утесов, когда нет дождя, а его не бывает здесь иногда по несколько лет сряду. И это же солнце вызовет здесь жизнь и самого камня, когда тропический ливень хоть на несколько часов напоит землю. Ужасно это вечное безмолвие, вечное немение, вечный сон среди неизмеримой водяной пустыни. Бесконечные воды расстилаются здесь, как бесконечные пески той же Африки, через которые торопливо крадется караван, боясь, чтобы жажда не застигла его в безводном пространстве. Здесь торопливо скользит по глади вод судно, боясь штилей, а с ними и жажды и голода. Пароход забросит немногие письма, возьмет другие и спешит пройти мимо обреченной на мертвый покой страны. А какие картины неба, моря! какие ночи! Пропадают эти втуне истраченные краски, это пролитое на голые скалы бесконечное тепло! Человек бежит из этого

царства дремоты, которая сковывает энергию, ум, чувство и обращает все живое в подобие камня. Я припоминал сказки об окаменелом царстве. Вот оно: придет богатырь, принесет труд, искусство, цивилизацию, разбудит и эту спящую от века красавицу, природу, и даст ей жизнь. Время, кажется, недалеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвие, ощущаешь что-то похожее на ужас или на тоску. Ничто не шевелится тут; все молчит под блеском будто разгневанных небес.

Extract 2

Но вот луна: она не тускла, не бледна, не задумчива, не туманна, как у нас, а чиста, прозрачна, как хрусталь, гордо сияет белым блеском и не воспета, как у нас, поэтами, следовательно девственна. Это не зрелая, увядшая красавица, а бодрая, полная сил, жизни и строгого целомудрия дева, как сама Диана. Хлынул по морю и по небу ее пронзительный свет; она усмирила дерзкое сверканье звезд и воцарилась кротко и величаво до утра. А океан, вы думаете, заснул? Нет; он кипит и сверкает пуще звезд. Под кораблем разверзается пучина пламени, с шумом вырываются потоки золота, серебра и раскаленных углей. Вы ослеплены, объаты сладкими тропическими снами... вперяете неподвижный взгляд в небо: там наливаются то золотом, то кровью, то изумрудной влагой Конопус, яркое светило корабля Арго, две огромные звезды Центавра. Но вы с любовью успокоиваетесь от нестерпимого блеска на четырех звездах Южного Креста: они сияют скромно и, кажется, смотрят на вас так пристально и умно. Южный Крест... Случалось ли вам (да как не случилось поэту!) вдруг увидеть женщину, о красоте, грации которой долго жужжали вам в уши, и не найти в ней ничего поражающего? «Что же в ней особенного? – говорите вы, с удивлением всматриваясь в женщину, – она проста, скромна, ничем не отличается...» Всматриваетесь долго, долго и вдруг чувствуете, что любите уже ее страстно! И про Южный Крест, увидя его в первый, второй и третий раз, вы спросите: что в нем особенного? Долго станете вглядываться и кончите тем, что, с наступлением вечера, взгляд ваш будет искать его первого, потом, обозрев все появившиеся звезды, вы опять обратитесь к нему и будете почасту и подолгу покоить на нем ваши глаза.

Наступает за знойным днем душно-сладкая долгая ночь, с мерцанием в небесах, с огненным потоком под ногами, с трепетом неги в воздухе. Боже мой! Даром пропадают здесь эти ночи: ни серенад, ни вздохов, ни шепота любви, ни пенья соловьев! Только фрегат напряженно движется и изредка простонет, да хлопнет обессиленный парус или под кормой плеснет волна – и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

2.5 Metonymy

☞ Metonymy is a kind of trope, transfer of a name by contiguity, in contrast to transfer of a name by similarity, which is called *metaphor*. Such denomination of an object can be based on different characteristics: an object and its content (*the kettle is boiling*); an object and stuff it is made of (*the discovery excited his blood*); an author and his works (*I love Dickens*), etc. A special type of metonymy is synecdoche: using the name of a part instead the whole and vice versa (*we needed all hands present*).

Possible means of translation:

✍ full translation;

Some unknown force had wrenched and shattered these cubes so that they lay askew, often piled diminishingly on each other.

Какой-то непонятной силой выворотило и раскидало эти кубы так, что они громоздились косо, наползая друг на друга.

✍ semantic transformation;

A silver of moon rose over the horizon, hardly large enough to make a path of light even when it sat right down the water <...>.

Лунный серп всплыл над горизонтом, такой маленький, что, даже висая над самой водой, почти не бросал в нее дорожки.

✍ reconstruction of direct name;

He could see a whiteness in the gloom near him so he grabbed it from Maurice and blew as loudly as he could.

Различив в сумерках около себя белый рог, он выхватил его у Мориса и задул громко, как мог.

✍ Also: conversion (structural transformation); using of traditional adequacy; descriptive translation; omission / addition (extension).

Exercises

1. Find in the given text the words used in metaphorical sense and write all their meanings out of a dictionary. Compose your own sentences using every word in direct and figurative meaning. Translate the sentences into Russian.

The mast and sail answered excellently; and we now sailed about in the lagoon with great delight, and examined with much interest the appearance of our island from a distance. Also, we gazed into the depths of the water, and watched for hours the gambols of the curious and bright-coloured fish among the corals and sea-weed. Peterkin also made a fishing line, and Jack constructed a number of hooks, some of which were very good, others remarkably bad. Some of these hooks were made of iron-wood, which did pretty well, the wood being extremely hard, and Jack made them very thick and large. Fish there are not particular. Some of the crooked bones in fish- heads also answered for this purpose pretty well. But that which formed our best and most serviceable hook was the brass finger-ring belonging to Jack. It gave him not a little trouble to manufacture it. First he cut it with the axe; then twisted it into the form of a hook. The barb took him several hours to cut. He did it by means of constant sawing with the broken pen-knife. As for the point, an hour's rubbing on a piece of sandstone made an excellent one.

It would be a matter of much time and labour to describe the appearance of the multitudes of fish that were day after day drawn into our boat by means of the brass hook. Peterkin always caught them, – for we observed that he derived much pleasure from fishing, – while Jack and I found ample amusement in looking on, also in gazing down at

the coral groves, and in baiting the hook. Among the fish that we saw, but did not catch, were porpoises and sword- fish, whales and sharks. The porpoises came frequently into our lagoon in shoals, and amused us not a little by their bold leaps into the air, and their playful gambols in the sea. The sword-fish were wonderful creatures; some of them apparently ten feet in length, with an ivory spear, six or eight feet long, projecting from their noses. We often saw them darting after other fish, and no doubt they sometimes killed them with their ivory swords. Jack remembered having heard once of a sword-fish attacking a ship, – which seemed strange indeed; but, as they are often in the habit of attacking whales, perhaps it mistook the ship for one. This sword- fish ran against the vessel with such force, that it drove its sword quite through the thick planks; and when the ship arrived in harbour, long afterwards, the sword was found still sticking in it!

Sharks did not often appear; but we took care never again to bathe in deep water without leaving one of our number in the boat to give us warning, if he should see a shark approaching. As for the whales, they never came into our lagoon, but we frequently saw them spouting in the deep water beyond the reef. I shall never forget my surprise the first day I saw one of these huge monsters close to me. We had been rambling about on the reef during the morning, and were about to re-embark in our little boat, to return home, when a loud blowing sound caused us to wheel rapidly round. We were just in time to see a shower of spray falling, and the flukes or tail of some monstrous fish disappear in the sea a few hundred yards off. We waited some time to see if he would rise again. As we stood, the sea seemed to open up at our very feet; an immense spout of water was sent with a snort high into the air, and the huge blunt head of a sperm whale arose before us. It was so large that it could easily have taken our little boat, along with ourselves, into its mouth! It plunged slowly back into the sea, like a large ship foundering, and struck the water with its tail so forcibly as to cause a sound like a cannon shot. We also saw a great number of flying fish, although we caught none; and we noticed that they never flew out of the water except when followed by their bitter foe, the dolphin, from whom they thus endeavoured to escape. But of all the fish that we saw, none surprised us so much as those that we used to find in shallow pools after a shower of rain; and this not on account of their appearance, for they were ordinary-looking and very small, but on account of their having descended

in a shower of rain! We could account for them in no other way, because the pools in which we found these fish were quite dry before the shower, and at some distance above high-water mark. Jack, however, suggested a cause which seemed to me very probable. We used often to see water-spouts in the sea. A water-spout is a whirling body of water, which rises from the sea like a sharp-pointed pillar. After rising a good way, it is met by a long tongue, which comes down from the clouds; and when the two have joined, they look something like an hour-glass. The water-spout is then carried by the wind, sometimes gently, sometimes with violence, over the sea, sometimes up into the clouds, and then, bursting asunder, it descends in a deluge. This often happens over the land as well as over the sea; and it sometimes does much damage, but frequently it passes gently away. Now, Jack thought that the little fish might perhaps have been carried up in a water-spout, and so sent down again in a shower of rain. But we could not be certain as to this point; yet we thought it likely.

During these delightful fishing and boating excursions we caught a good many eels, which we found to be very good to eat. We also found turtles among the coral rocks, and made excellent soup in our iron kettle. Moreover, we discovered many shrimps and prawns, so that we had no lack of variety in our food; and, indeed, we never passed a week without making some new and interesting discovery of some sort or other, either on the land or in the sea.

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

2. Translate the following sentences paying attention to the metonymies. Define their types and function. Explain what means of translation you have used.

From "Lord of the Flies", by W. Golding

1. Something creamy lay among the ferny weeds.
2. In colour the shell was deep cream, touched here and there with fading pink.
3. Between the point, worn away into a little hole, and the pink lips of the mouth, lay eighteen inches of shell with a slight spiral twist and covered with a delicate, embossed pattern.

4. Their heads clustered above the trunks in the green shade; heads brown, fair, black, chestnut, sandy, mouse-coloured; heads muttering, whispering, heads full of eyes that watched Ralph and speculated.

5. They raised wet lips at Ralph, for they seemed provided with not quite enough skin, so that their mouths pulled open.

6. Within the diamond haze of the beach something dark was fumbling along.

7. Ralph saw it first, and watched till the intentness of his gaze drew all eyes that way.

8. Then dog-like, uncomfortably on all fours yet unheeding his discomfort, he stole forward five yards and stopped.

9. Freckles and sandy eyebrows appeared.

10. In a moment the platform was full of arguing, gesticulating shadows.

11. A shadow fronted him tempestuously.

12. Somewhere over the darkened curve of the world the sun and moon were pulling; and the film of water on the earth planet was held, bulging slightly on one side while the solid core turned.

13. He saw something red that turned over slowly as a mill-wheel.

14. Then the red thing was past and the elephantine progress diminished towards the sea.

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

15. We were able to wind in and out, and to follow the banks of the stream quite easily, although, it is true, the height and thickness of foliage prevented us from seeing far ahead.

16. We now saw the shark quite distinctly swimming round and round us, its sharp fin every now and then protruding above the water.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

17. Мимо меня проскакала, на небольшой красивой лошадке, плотная барыня, вся в белой кисее, в белой шляпе; подле, держась за уздечку, бежал проводник.

18. Слышу топот за собой. За мной мчится паланкин; проводники догнали меня и поставили носилки на землю.

3. Translate the extract from Ex. 1. Comment on the use of means of translation and the translation process as a whole.

2.6 Other figurative devices

☞ There are some other stylistic devices used in fiction to create artistic images.

Litotes. The function of such means is to depreciate any characteristic of an object (usually a positive one). Litotes has a specific structure: particle *not* before characteristic word.

The film was not bad.

Periphrasis. It is a stylistic device of substitution consisted in replacement of object's name by description or indication of its significant features. Sometimes periphrasis becomes a speech synonym of a word that designate the same denotation. Figurative periphrases are based on a sustained metaphor or metonymy.

Root of evil (= money), *to tie a knot* (= to marry).

Euphemism. This stylistic device (a variety of periphrasis) is used to substitute rude, indecent or unpleasant expressions by more polite. Like periphrasis euphemism is based on metaphorical or metonymical attributes. In fiction this device represents a method of parable.

To breathe one's last (= to die), *the thunder* (= damn!).

Pun (play upon words). One-word form is used in two meanings to violate reader's expectations. This device is based on polysemy or homonymy of words. The effect of pun is humorous.

The child is father (= predecessor) *of the man.*

Oxymoron. In this stylistic device meanings of words combined comes to contradiction. It ascribes some feature to an object incompatible with this object. In its structure oxymoron can be attributive combination (the most common), adverbial and predicative combination.

Unreadable books, falsely true, bad good.

Allusion. It is a brief reference to some historical or literary fact commonly known, to some well-known statement or to some art work. Sometimes allusion is considered as a variety of metaphor. Mechanism of their effect is the same.

“For somewhere,” said Poirot to himself, indulging in an absolute riot of mixed metaphors, “there is in the hay a needle, and among the sleeping dogs there is one whom I shall put my foot, and by shooting the arrow into the air, one will come down and hit a glass-house!” (A. Christie) (“I shot an arrow into the air...” – H. Longfellow)

Antithesis. In general antithesis is any confrontation or contrast. It have two forms. The first one occurs when two opposed features refer to the same object. Another variety concerns two opposite object which correspondingly is given opposite characteristics.

Black holes and white stains.

Irony. Irony is such stylistic device in which the contextual evaluative meaning of a word is opposite to its language meaning. Irony does not exist outside the context and has no specific structure. Irony can be expressed through words, word combinations or expressions, sometimes fragments of text.

Such are the most frequent stylistic devices used in belles-lettres style. For their translation we can use previously mentioned means. But in cases with pun and irony a translator usually faces with impossibility to transfer the device into another language but to use word-for-word translation with comments.

1. *Translate the following sentences paying attention to different stylistic devices. Define their types and function. Explain what means of translation you have used.*

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

1. At any rate we knew that, as far back as our family could be traced, it had been intimately connected with the great watery waste.

2. "And I've been round it no times at all," cried Peterkin, with an impudent wink of his eye, "an' THAT time I wos blow'd inside out!"

3. "Ah! that's lucky," remarked Jack. "I'll be able to keep you in good order now, Master Peterkin. You know you can't dive any better than a cat. So, sir, whenever you behave ill, you shall have no oysters for breakfast."

4. My sling answered very well, but I had fallen so much out of practice that my first stone knocked off Peterkin's hat, and narrowly missed making a second Goliath of him.

5. I must say that it seemed to me that the club was, to use his own style of language, not worth a button-hole; for it was all knotted over at the head, something like the club which I remember to have observed in picture-books of Jack the Giant Killer, besides being so heavy that he required to grasp it with both hands in order to wield it at all.

6. Peterkin used to say, in reference to this arrangement, that had he been as tall as either of us, our order of march might have been the same, for, as Jack often used to scold him for letting everything we said to him pass in at one ear and out at the other, his head could of course form no interruption to our discourse.

7. "Hum!" returned Peterkin; "suppose a salamander was to propose to you 'only to keep still,' and he would carry you through a blazing fire in a few seconds, what would you say?"

8. We had much serious conversation on this subject of the tides; and Jack told us, in his own quiet, philosophical way, that these tides did great good to the world in many ways, particularly in the way of cleansing the shores of the land, and carrying off the filth

that was constantly poured into the sea there-from; which, Peterkin suggested, was remarkably TIDY of it to do.

From “Lord of the Flies”, by W. Golding

9. His face was dark with the violent pleasure of making this stupendous noise, and his heart was making the stretched shirt shake.

10. Even the butterflies deserted the open space where the obscene thing grinned and dripped.

11. Nothing prospered but the flies who blackened their lord and made the spilt guts look like a heap of glistening coal.

12. On the other side of the island, swathed at midday with mirage, defended by the shield of the quiet lagoon, one might dream of rescue; but here, faced by the brute obtuseness of the ocean, the miles of division, one was clamped down, one was helpless, one was condemned, one was – .

13. “He wants to know what you’re going to do about the snake-thing”.

14. On one side the air was cool, but on the other the fire thrust out a savage arm of heat that crinkled hair on the instant.

15. Ever since then he had been peaked, red-eyed, and miserable; a littlun who played little and cried often.

16. The decrease in size, from Ralph down, was gradual; and though there was a dubious region inhabited by Simon and Robert and Maurice, nevertheless no one had any difficulty in recognizing biguns at one end and littluns at the other.

17. Percival was mouse-coloured and had not been very attractive even to his mother; Johnny was well-built, with fair hair and a natural belligerence.

18. Now, though there was no parent to let fall a heavy hand, Maurice still felt the unease of wrong-doing.

19. He paused, half frightened by the recollection yet proud of the sensation he was creating.

20. Soon the darkness was full of claws, full of the awful unknown and menace.

21. Simon shook his head violently till the coarse black hair flew backwards and forwards across his face.

22. Daylight might have answered yes; but darkness and the horrors of death said no.

23. Birds were screaming, mice shrieking, and a little hopping thing came under the mat and cowered.

2. Define the types and function of stylistic devices in the following sentences. Translate the following sentences and name means of translation you have used.

1. Вдруг поддало, то есть шальной или, пожалуй, девятый вал ударил в корму.

2. «Крепкий ветер, жестокий ветер! – говорил по временам капитан, входя в каюту и танцуя в ней. – А вы это все сидите? Еще не приобрели морских ног». – «Я и свои потерял», – сказал я.

3. Диван был пригвожден и не упал, а я, как ни крепился, но должен был, к крайнему прискорбию, расстаться с диваном.

4. Cogito ergo sum – путешествую, следовательно наслаждаюсь, перевел я на этот раз знаменитое изречение, поднимаясь в носилках по горе и упиваясь необыкновенным воздухом <...>.

5. Оссиановской, сырой и туманной, погоды здесь не бывает.

6. Поговорив немного с хозяином и помолчав с хозяйкой, мы объявили, что хотим гулять.

7. Он представил нас ей, но, к сожалению, она не говорила ни на каком другом языке, кроме португальского, и потому мы только поглядели на нее, а она на нас.

8. «Зима – хороша зима!» – думал я, скидая жакетку. А консул советовал еще надеть пальто, говорил, что в горах воздух холоден. Как не холоден – печет!

9. Хороша зима: олеандр в цвету!

10. Хороша зима! А кто ж это порхает по кустам, поет? Не наши ли летние гости? А там какие это цветы выглядывают из-за забора? Бывают же такие зимы на свете!

11. Он живо напомнил мне сцену из «Фенеллы»: такая же толпа мужчин и женщин, пестро одетых, да ещё вдобавок были тут негры, монахи; все это покупает и продает.

12. «А я ночью озяб», – заметил я. «Как так?» – «Так, взял да и озяб: видно, кто-нибудь из нас охладел, или я, или тропики. Я лежал легко одетый под самым люком, а «ночной зефир струил эфир» прямо на меня».

13. На четвертый день и я собрался съехать на берег с нашими докторами и с бароном Криднером. Первые собрались ботанизировать, а мы с бароном Криднером – мешать им.

14. Мы спросили инбирного пива и констанского вина, произведения знаменитой Констанской горы. Пиво мальчик вылил все на барона Криднера, а констанское вино так сладко, что из рук вон.

15. Она была прекрасного роста, с прекрасной талией, с прекрасными глазами и предупредными руками – прекрасная девушка!

16. О пирожном я не говорю: оно такое же, что и в Англии, то есть яичница с вареньем, круглый пирог с вареньем и маленькие пирожки с вареньем, да еще что-то вроде крема, без сахара, но, кажется... с вареньем.

17. Когда кончили обед, Ричард мгновенно потаскал прочь, одно за другим, блюда, потом тарелки, ножи, вилки, куски хлеба, наконец потащил скатерть. Я так и ждал, что он начнет таскать собеседников, хотя никто в этом надобности и не чувствовал.

18. Я думал прихлопнуть ночных забияк и не раз издали, тихонько целился ладонью в темноте: бац – больно – только не комару, и вслед за пощечиной раздавалось опять звонкое пение: комар юлил около другого уха и пел так тихо и насмешливо.

19. Здесь все в полном брожении теперь: всеодолевающая энергия человека борется почти с неодолимою природою, дух – с материей, жадность приобретения – с скупостью бесплодия.

20. Хозяйка, заметив, как встречает нас арабка, показала на нее, потом на свою голову и поводила пальцем по воздуху взад и вперед, давая понять, что та не в своем уме.

21. Все были дома, сидели около круглого стола и пили микстуру с песком, то есть чай с сахаром.

22. Видим: в одном месте из травы валит, как из миски с супом, густой пар и стелется по долине, обозначая путь ключа. <...> «Где же холодный ключ?» – спросил я. «А вот», – сказали мне, указывая под ноги. «Где?» – «Да вот». – «Это?» Я посмотрел, не пролили где поблизости из ушата воду, и та бы стремительнее потекла. На сажень от горячего источника струилась из-под дерева нить воды и тихо пропадала в траве – вот вам и минеральный ключ!

23. Ричард сначала сморщился, потом осклабился от радости, невероятно скривил рот и нос на сторону, хотел было и лоб туда же, но не мог, видно платок на голове крепко завязан: у него только складки на лбу из горизонтальных сделались вертикальными.

24. Она, волосок к волоску, расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозга.

25. В это время пришли с вахты сказать, что виден пароход не пароход, а бог знает что. Я бросился наверх, вскочил на пушку, смотрю: близко, в полуверсте, мчится на нас – в самом деле «бог знает что»: черный крутящийся столб с дымом, похожий, пожалуй, и на пароход; но с неба, из облака, тянется к нему какая-то темная узкая полоса, будто рукав; все ближе, ближе.

26. От дома и от него так и повеяло Поль Поттером, Миерисом, Теньером .

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

3. Define the type of the stylistic device used in the following sentence. Translate the sentence into English.

У подъезда, на нижней ступеньке, встретил нас совсем черный слуга; потом слуга малаец, не совсем черный, но и не белый, с красным платком на голове; в сенях – служанка, англичанка, побелее; далее, на лестнице – девушка лет 20, красавица, положительно белая, и наконец – старуха, хозяйка, нес plus ultra белая, то есть седая.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

4. Translate the following texts in consideration of irony. Explain which lexical units have ironical meaning.

Extract 1

Через полчаса он явился с двумя тарелками в руках. На одной был хлеб, солонка, нож, вилка и салфетка, а на другой кушанье. Он шел очень искусно, упираясь то одной, то другой ногой и держа в равновесии руки, а местами вдруг осторожно приседал, когда покатошь пола становилась очень крута. «Вот тебе!» – сказал он (мы с ним были на *ты*; он говорил *вы* уже в готовых фразах: «ваше высокоблагородие» или «воля ваша» и т.п.). Он сел подле меня на полу, держа тарелки. «Что же ты мне принес?» – спросил я. «Тут все есть, всякие кушанья», – сказал он. «Как все?» Гляжу: в самом деле – все; вот курица с рисом, вот горячий паштет, вот жареная баранина – вместе в одной тарелке, и все прикрыто вафлей. «Помилуй, ведь это есть нельзя. Недоставало только, чтоб ты мне супу налил сюда!» «Нельзя было, – отвечал он простодушно, – того гляди, прольешь». Я стал разбирать куски порознь, кладя кое-что в рот, и так мало-помалу дошел – до вафли. «Зачем ты не положил и супу!» – сказал я, отдавая тарелки назад.

Extract 2

Славная дорога, славные места! Как мы въехали из кустов в Веллингтон, так и выехали из него прямо в кусты. Тут уже начиналось создание Бена – шоссе. Налево была гора Гринберг, зеленая не по одному названию. Она очень красива, с большими отлогостями, живописными холмами и оврагами. Она похожа на гору, какие есть везде. Это общее место по части гор. Зато бывшие впереди горы уже ни на что не походили. Громады все росли перед нами, выставляя, одна за другой, дикие, голые вершины. Они, казалось, все более и более жались друг к другу; и когда подъедешь к ним вплоть, они смыкаются сплошной стеной, как будто толпа богатырей, которые стеснились, чтоб дать отпор нападению и не пускать сквозь. «Как же мы проедем через плеча этих великанов?» – думал я, видя, что мы едем прямо на эту массу. «Где дорога?» – спросил я Вандика. Он молча показал на тропинку и бичом провел по воздуху извилину параллельно ей. Эта дорога для экипажей – невероятно! Тропинка бежала кругом горы, пропадала, потому вдруг являлась выше, пропадала опять и так далее.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

2.7 Supplementary exercises

1. Explain the meaning of the following figurative expressions. What is the direct meaning of metaphorical units?

From “Lord of the Flies”, by W. Golding

- 1) a strip of weed-strewn beach;
- 2) the forest minutely vibrated;
- 3) the creepers were as thick as their thighs and left little but tunnels for further penetration;
- 4) the whole island was shuddering with flame;
- 5) the fire racing forward like a tide;
- 6) thunder of the fire;
- 7) bird-like cry;

- 8) the stars spilled over the sky;
- 9) vivid stars;
- 10) smashed acres of fruit;
- 11) the steamy earth;
- 12) a blur of sunlight was crawling across his hair;
- 13) moo-ed like a cow;
- 14) the heat-haze;
- 15) bullet-headed;
- 16) his face was blocked out in white and red;
- 17) insect-like figures;
- 18) Jack's face was white under the freckles;
- 19) the fetch and miss of Piggy's breathing;
- 20) the snake-thing;
- 21) black caps of maintenance;
- 22) there were no words, and no movements but the tearing of teeth and claws;
- 23) the crowd was as silent as death;
- 24) "We might get taken prisoner by the reds";
- 25) the sticks fell and the mouth of new circle crunched and screamed;

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

- 26) my heart glowed ardently;
- 27) he and I and Peterkin afterwards became the best and stanchest friends that ever tossed together on the stormy waves;
- 28) the glassy waves;
- 29) the pure, white, dazzling shores;
- 30) a rag of sail;
- 31) for five days the tempest raged in all its fury;
- 32) left us at the mercy of the wind and waves;
- 33) my heart sank within me;
- 34) the tail of the island;

- 35) clouds of spray;
- 36) the darkness of sorrow and desolation;
- 37) a cold chill at our hearts;
- 38) a burning desire;
- 39) our long confinement to the gloom of our prison;
- 40) a short sailor-like reply;
- 41) save twice to recruit our failing energies with a mouthful of food and a draught of water;
- 42) “That’s my idea precisely,” said Peterkin, endeavoring to wink, but he had wept so much of late, poor fellow, that he found it difficult <...>;
- 43) the sun’s lower limb dipped on the gilded edge of the sea;
- 44) a monstrous economy of time;
- 45) the still bosom of the ocean;
- 46) a morsel of food;
- 47) the sky assumed that lurid aspect which portends a thunder-storm;
- 48) a growl of thunder;
- 49) rain cut across the land in sheets;
- 50) lightning played like forked serpents.

2. Make up your own tropes according to description.

- the rising sun;
- the setting sun;
- the full moon;
- the new moon;
- a royal ball;
- a sea;
- a violent storm;
- a lake;
- a snow-cap mountain;

- a book;
- a flowering field/meadow;
- an aquarium;
- boiling water;
- an old house;
- snow.

3. Compare two original texts and their translations. Find stylistic devices and explain means of their translation. Assess the quality of translation. Give your own variants in cases you have criticized.

Extract 1

About seven o'clock you could hear the chairs scraping back from the tables, someone experimenting with a yellow-toothed piano, if you stood outside the dining-room window and listened. Matches being struck, the first dishes bubbling in the suds and tinkling on the wall racks, somewhere, faintly, a phonograph playing. And then as the evening changed the hour, at house after house on the twilight streets, under the immense oaks and elms, on shady porches, people would begin to appear, like those figures who tell good or bad weather in rain-or-shine clocks.

Uncle Bert, perhaps Grandfather, then Father, and some of the cousins; the men all coming out first into the syrupy evening, blowing smoke, leaving the women's voices

Часов в семь раздаётся легкий скрип – от столов отодвигают стулья, а если постоять под окном столовой, услышишь, как там бренчат на разбитом фортепьяно с пожелтевшими от старости клавишами. Чиркают спички, булькает вода – во всех кухнях моют посуду, со звоном ставят тарелки сушить на полку. А потом понемногу на сумеречных улицах под огромными дубами и вязами оживает дом за домом, на тенистые веранды выходят люди, точно фигурки на часах с барометром, предсказывающих погоду.

Вот появляется дядя Берт, а то и дедушка, потом отец и еще кто-нибудь из родных; женщины еще переговариваются в остывающей кухне,

behind in the cooling-warm kitchen to set their universe aright. Then the first male voices under the porch brim, the feet up, the boys fringed on the worn steps or wooden rails where sometime during the evening something, a boy or a geranium pot, would fall off.

At last, like ghosts hovering momentarily behind the door screen, Grandma, Great-grandma, and Mother would appear, and the men would shift, move, and offer seats. The women carried varieties of fans with them, folded newspapers, bamboo whisks, or perfumed kerchiefs, to start the air moving about their faces as they talked.

What they talked of all evening long, no one remembered next day. It wasn't important to anyone what the adults talked about; it was only important that the sounds came and went over the delicate ferns that bordered the porch on three sides; it was only important that the darkness filled the town like black water being poured over the

мужчины первыми выходят в сладостную тишь вечера, попыхивая сигаретами, и наводят порядок в своем собственном мире. На веранде зазвучат мужские голоса; мужчины расположатся поудобнее, задрав ноги повыше, а мальчишки, точно воробьи, усядутся рядком на стертых ступеньках или на деревянных перилах, и оттуда за вечер уж непременно что-нибудь свалится – либо мальчишка, либо горшок с геранью.

И наконец за дверью на веранде вдруг возникнут, точно привидения, бабушка, прабабушка и мама, и тогда мужчины зашевелиятся, встанут и придвинут им стулья и качалки. Женщины принесут с собой всевозможные веера, сложенные газеты, бамбуковые метелочки или надушенные носовые платки и за разговором будут ими обмахиваться.

Они болтают без умолку целый вечер, а о чем – назавтра никто уже и не вспомнит. Да никому и не важно, о чем говорят взрослые; важно только, что звук их голосов то нарастает, то замирает над тонкими папоротниками, окаймляющими веранду с трех сторон; важно, что город понемногу наполняется тьмой, как будто

houses, and that the cigars glowed and that the conversations went on, and on. The female gossip moved out, disturbing the first mosquitoes so they danced in frenzies on the air. The male voices invaded the old house timbers; if you closed your eyes and put your head down against the floor boards you could hear the men's voices rumbling like a distant, political earthquake, constant, unceasing, rising or falling a pitch.

Douglas sprawled back on the dry porch planks, completely contented and reassured by these voices, which would speak on through eternity, flow in a stream of murmurings over his body, over his closed eyelids, into his drowsy ears, for all time. The rocking chairs sounded like crickets, the crickets sounded like rocking chairs, and the moss-covered rain barrel by the dining-room window produced another generation of mosquitoes to provide a topic of conversation through endless summers ahead.

Sitting on the summer-night porch was so good, so easy and so reassuring that it could never be done away with. These

черная вода льется на дома с неба, и в этой тьме алыми точками мерцают огоньки, и журчат, журчат голоса. Женщины сплетничают и отмахиваются от первых москитов, и те начинают в воздухе свою неистовую пляску. Мужские голоса проникают в старое дерево домов; если закрыть глаза и прижаться головой к доскам пола, слышно, как рокочут голоса мужчин, точно отдаленное землетрясение, оно не прекращается ни на миг, только слышится то чуть тише, то погромче.

Дуглас растянулся на сухих досках веранды, счастливый и умиротворенный, – голоса эти никогда не умолкнут, они будут вечно обволакивать говорливым потоком его тело, его сомкнутые веки, вливаться в сонные уши. Качалки потрескивают, как сверчки, сверчки стрекочут, как качалки, а поросшая мхом бочка для дождевой воды под окном столовой рождает все новые поколения москитов и дает тему для разговора еще на множество лет.

Как хорошо летним вечером сидеть на веранде; как легко и спокойно; вот если бы этот вечер никогда не кончался!

were rituals that were right and lasting; the lighting of pipes, the pale hands that moved knitting needles in the dimness, the eating of foil-wrapped, chilled Eskimo Pies, the coming and going of all the people. For at some time or other during the evening, everyone visited here; the neighbors down the way, the people across the street; Miss Fern and Miss Roberta humming by in their electric runabout, giving Tom or Douglas a ride around the block and then coming up to sit down and fan away the fever in their cheeks; or Mr. Jonas, the junkman, having left his horse and wagon hidden in the alley, and ripe to bursting with words, would come up the steps looking as fresh as if his talk had never been said before, and somehow it never had. And last of all, the children, who had been off squinting their way through a last hide-and-see or kick-the-can, panting, glowing, would sickle quietly back like boomerangs along the soundless lawn, to sink beneath the talking talking of the porch voices which would weigh and gentle them down...

Это – вечные, надежные обряды; всегда, до скончания века, будут вспыхивать трубки курильщиков, в полутьме будут мелькать бледные руки и в них – вязальные спицы, будет шуршать серебряная обертка мороженого, кто-нибудь все время будет приходить и уходить. Потому что за вечер непременно кто-нибудь придет – из соседних домов или те, кто живет на другой стороне улицы; проедут на своем маленьком жужжащем автомобильчике мисс Ферн и мисс Роберта, иногда они захватят Тома или Дугласа прокатиться вокруг дома, а возвращаясь, посидят на веранде, обмахивая веером пылающие щеки; или мистер Джонас, старьевщик, поставит свой фургон с лошадьё где-нибудь под деревьями и впопыхах поднимется по ступенькам – сразу видно, ему не терпится рассказать что-то новенькое, еще не слышанное, и, как ни странно, это и правда бывает что-нибудь новое. И, наконец, дети – они бегают где-то в темноте, напоследок играют в прятки или в мяч, а потом, когда уже вовсе ничего не разглядеть, запыхавшись, с разгоревшимися лицами, точно бумеранги, неслышно

Oh, the luxury of lying in the fern night and the grass night and the night of susurrant, slumbrous voices weaving the dark together. The grownups had forgotten he was there, so still, so quiet Douglas lay, noting the plans they were making for his and their own futures. And the voices chanted, drifted, in moonlit clouds of cigarette smoke while the moths, like late apple blossoms come alive, tapped faintly about the far street lights, and the voices moved on into the coming years...

возвращаются к дому по бархатной лужайке и затихают под мерное журчание на веранде, и голоса журчат, журчат, баюкают их и усыпляют...

Как чудесно лежать в ночи папоротников, трав, в ночи негромких сонных голосов, все они шелестят и сплетаются, и из них соткана тьма. Взрослые давно о нем забыли – ведь он притаился, лежит тихий, как мышонок, слушает, как они строят планы для него и для себя тоже. И голоса их замирают, плывут с освещенным луной табачным дымком, а мотыльки, точно оживший поздний яблоневый цвет, тихонько стучатся в далекие уличные фонари, и голоса уплывают и льются в грядущие годы...

From "Dandelion Wine" by R. Bradbury

Перевод Э. Кабалевской

Extract 2

Original text

Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна <успокоит его.>

Волшебные черные кони и те утомились и несли своих всадников медленно, и неизбежная ночь стала их догонять. Чужая ее за спиною, притих даже

неугомонный Бегемот и, вцепившись в седло когтями, летел молчаливый и серьезный, распушив свой хвост. Ночь начала закрывать черным платком леса и луга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огоньки. Ночь обгоняла кавалькаду, сеялась на нее сверху и выбрасывала то там, то тут в загрустившем небе белые пятнышки звезд.

Ночь густела, летела рядом, хватала скачущих за плащи и, содрав их с плеч, разоблачала обманы. И когда Маргарита, обдуваемая прохладным ветром, открывала глаза, она видела, как меняется облик всех летящих к своей цели. Когда же на- встречу им из-за края леса начала выходить багровая и полная луна, все обманы исчезли, свалилась в болото, утонула в туманах колдовская нестойкая одежда.

Вряд ли теперь узнали бы Коровьева-Фагота, самозванного переводчика при таинственном и не нуждающемся ни в каких переводах консультанте, в том, кто теперь летел непосредственно рядом с Воландом по правую руку подружки мастера. На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Коровьева-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотую цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом. Он уперся подбородком в грудь, он не глядел на луну, он не интересовался землею под собою, он думал о чем-то своем, летя рядом с Воландом.

– Почему он так изменился? – спросила тихо Маргарита под свист ветра у Воланда.

– Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил, – ответил Воланд, поворачивая к Маргарите свое лицо с тихо горящим глазом, – его каламбур, который он сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не совсем хорош. И рыцарю пришлось после этого прошутить немного больше и дольше, нежели он предполагал. Но сегодня такая ночь, когда сводятся счеты. Рыцарь свой счет оплатил и закрыл!

Ночь оторвала и пушистый хвост у Бегемота, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам. Тот, кто был котом, потешавшим князя тьмы, теперь оказался худеньким юношей, демоном-пажом, лучшим шутком, какой

существовал когда-либо в мире. Теперь притих и он и летел беззвучно, подставив свое молодое лицо под свет, льющийся от луны.

Сбоку всех летел, блистая сталью доспехов, Азazelло. Луна изменила и его лицо. Исчез бесследно нелепый безобразный клык, и кривоглазие оказалось фальшивым. Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное. Теперь Азazelло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца.

Себя Маргарита видеть не могла, но она хорошо видела, как изменился мастер. Волосы его белели теперь при луне и сзади собирались в косу, и она летела по ветру. Когда ветер отдувал плащ от ног мастера, Маргарита видела на ботфортах его то потухающие, то загорающиеся звездочки шпор. Подобно юноше-демону, мастер летел, не сводя глаз с луны, но улыбался ей, как будто знакомой хорошо и любимой, и что-то, по приобретенной в комнате №118-й привычке, сам себе бормотал.

И, наконец, Воланд летел тоже в своем настоящем обличье. Маргарита не могла бы сказать, из чего сделан повод его коня, и думала, что возможно, что это лунные цепочки и самый конь – только глыба мрака, и грива этого коня – туча, а шпоры всадника – белые пятна звезд.

Так летели в молчании долго, пока и сама местность внизу не стала меняться. Печальные леса утонули в земном мраке и увлекли за собою и тусклые лезвия рек. Внизу появились и стали отблескивать валуны, а между ними зачернели провалы, в которые не проникал свет луны.

Из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова

Translation 1

Gods, my gods! How sad the earth is at eventide! How mysterious are the mists over the swamps. Anyone who has wandered in these mists, who has suffered a great deal before death, or flown above the earth, bearing a burden beyond his strength knows this. Someone who is exhausted knows this. And without regret he forsakes the mists of the earth, its swamps and rivers, and sinks into the arms of death with a light heart, knowing

that death alone...

Even the magical black horses had tired and were carrying their riders slowly, and the inevitable night was beginning to catch up with them. Sensing the night at his back, even the irrepressible Behemoth had fallen silent and was flying along, serious and silent, his claws dug into his saddle, his tail fluffed out behind him.

Night began covering the forests and meadows with its black kerchief. The night ignited sad little lights somewhere far below, alien lights that were no longer of any interest or use either to Margarita or the Master. Night overtook the cavalcade, spreading over them from above and scattering white specks of stars here and there in the saddened sky.

Night was thickening, flying alongside the riders, grabbing at their cloaks and pulling them off, unmasking all illusions. And whenever Margarita, buffeted by the cool breeze, opened her eyes, she saw the changes that were taking place in the appearances of all who were flying to their destination. And when the crimson full moon rose up to meet them from behind the edge of the forest, all illusions vanished and the magical, mutable clothing fell into the swamp and drowned in the mist Korovyov-Fagot, the self-titled interpreter for the mysterious consultant who never required any interpretation, was hardly recognizable now in the figure who was flying beside Woland, to the right of the Master's beloved. In place of the fellow who had left Sparrow Hills in a torn circus outfit under the name of Korovyov-Fagot, there now galloped, his gold reins clinking softly, a dark-violet knight with an extremely somber face that never smiled. He flew along beside Woland with his chin on his chest, not looking at the moon and taking no interest in the earth below, but, rather, completely immersed in his own thoughts.

"Why is he so changed?" Margarita softly asked Woland to the whistling of the wind.

"That knight once made a joke that fell flat," replied Woland, turning his quietly smoldering eye toward Margarita. "While conversing about darkness and light he made up a pun that was not entirely satisfactory. And after that, he was forced to work a bit longer and harder at making his jokes than he imagined. But tonight is the kind of night when accounts are settled. The knight has paid his bill and closed his account!"

Night had also torn off Behemoth's fluffy tail, stripped him of his fur and scattered clumps of it over the swamps. The one who had been the cat who amused the Prince of Darkness turned out to be a lean youth, a demon-page, the best jester the world has ever known. Now he, too, had fallen silent and was flying noiselessly, his young face raised to the light flowing from the moon.

Over to the side of the rest, the steel of his armor gleaming, flew Azazello. The moon had transformed his face as well. The absurd ugly fang was gone, and the blind eye turned out to have been fake. Both Azazello's eyes were alike, empty and black, and his face was cold and white. Azazello was now flying in his true aspect, as the demon of the waterless desert, the demon-killer.

Margarita could not see herself, but she could certainly see how the Master had changed. His hair looked white in the moonlight and was gathered behind him in a queue that flew in the wind. Whenever the wind blew the Master's cloak away from his legs, Margarita could see the stars flickering on the spurs of his jackboots. Like the demon-youth, the Master flew with his eyes fixed on the moon, but he was smiling at it as if it were someone he knew and loved, and he was mumbling to himself, a habit acquired in Room 118.

And finally, Woland, too, was flying in his true aspect. Margarita could not have said what his horse's reins were made of and thought they might have been moonbeam chains, and his horse – just a clump of darkness, and the horse's mane – a cloud, and the rider's spurs – the white specks of stars.

They flew in silence like that for a long time until the landscape below began to change. The mournful forests drowned in the darkness of the earth, taking with them the dull blades of the rivers. Down below boulders appeared, and began giving off reflections, and in between the boulders were gaps of blackness where the moonlight could not penetrate.

*From "The Master and Margarita", by M. Bulgakov,
translated by D. Burgin and K. O'Connor*

Translation 2

Gods, my gods! How sad the evening earth! How mysterious the mists over the swamps! He who has wandered in these mists, he who has suffered much before death, he who has flown over this earth bearing on himself too heavy a burden, knows it. The weary man knows it. And without regret he leaves the mists of the earth, its swamps and rivers, with a light heart he gives himself into the hands of death, knowing that she alone can bring him peace.

The magical black horses also became tired and carried their riders slowly, and ineluctable night began to overtake them. Sensing it at his back, even the irrepressible Behemoth quieted down and, his claws sunk into the saddle, flew silent and serious, puffing up his tail.

Night began to cover forests and fields with its black shawl, night lit melancholy little lights somewhere far below - now no longer interesting and necessary either for Margarita or for the master – alien lights. Night was outdistancing the cavalcade, it sowed itself over them from above, casting white specks of stars here and there in the saddened sky.

Night thickened, flew alongside, caught at the riders' cloaks and, tearing them from their shoulders, exposed the deceptions. And when Margarita, blown upon by the cool wind, opened her eyes, she saw how the appearance of them all was changing as they flew to their goal. And when, from beyond the edge of the forest, the crimson and full moon began rising to meet them, all deceptions vanished, fell into the swamp, the unstable magic garments drowned in the mists.

Hardly recognizable as Koroviev-Fagott, the self-appointed interpreter to the mysterious consultant who needed no interpreting, was he who now flew just beside Woland, to the right of the master's friend. In place of him who had left Sparrow Hills in a ragged circus costume under the name of Koroviev-Fagott, there now rode, softly clinking the golden chains of the bridle, a dark-violet knight with a most gloomy and never-smiling face. He rested his chin on his chest, he did not look at the moon, he was not interested in the earth, he was thinking something of his own, flying beside Woland.

‘Why has he changed so?’ Margarita quietly asked Woland to the whistling of the wind.

‘This knight once made an unfortunate joke,’ replied Woland, turning his face with its quietly burning eye to Margarita. ‘The pun he thought up, in a discussion about light and darkness, was not altogether good. And after that the knight had to go on joking a bit more and longer than he supposed. But this is one of the nights when accounts are settled. The knight has paid up and closed his account.’

Night also tore off Behemoth’s fluffy tail, pulled off his fur and scattered it in tufts over the swamps. He who had been a cat, entertaining the prince of darkness, now turned out to be a slim youth, a demon-page, the best jester the world has ever seen. Now he, too, grew quiet and flew noiselessly, setting his young face towards the light that streamed from the moon.

At the far side, the steel of his armour glittering, flew Azazello. The moon also changed his face. The absurd, ugly fang disappeared without a trace, and the albugo on his eye proved false. Azazello’s eyes were both the same, empty and black, and his face was white and cold. Now Azazello flew in his true form, as the demon of the waterless desert, the killer-demon.

Margarita could not see herself, but she saw very well how the master had changed. His hair was now white in the moonlight and gathered behind in a braid, and it flew on the wind. When the wind blew the cloak away from the master’s legs, Margarita saw the stars of spurs on his jackboots, now going out, now lighting up. Like the demon-youth, the master flew with his eyes fixed on the moon, yet smiling to it, as to a close and beloved friend, and, from a habit acquired in room no.118, murmuring something to himself.

And, finally, Woland also flew in his true image. Margarita could not have said what his horse’s bridle was made of, but thought it might be chains of moonlight, and the horse itself was a mass of darkness, and the horse’s mane a storm cloud, and the rider’s spurs the white flecks of stars.

Thus they flew in silence for a long time, until the place itself began to change below them. The melancholy forests drowned in earthly darkness and drew with them the

dim blades of the rivers. Boulders appeared and began to gleam below, with black gap between them where the moonlight did not penetrate.

*From "Master and Margarita", by M. Bulgakov,
translated by R. Pevear and L. Volokhonsky*

Translation 3

Gods, gods! How sad the evening earth! How mysterious the mists over the bogs! Whoever has wandered in these mists, whoever suffered deeply before death, whoever flew over this earth burdened beyond human strength knows it. The weary one knows it. And he leaves without regret the mists of the earth, its swamps and rivers, and yields himself with an easy heart to the hands of death, knowing that it alone can bring surcease.

Even the magical black horses tired and bore their riders slowly, and the inevitable night was catching up with them. Sensing it behind his back, even the irrepressible Behemoth grew quiet and flew, clutching the saddle with his claws, silent and serious, with his tail fluffed out.

Night began to cover forests and fields with its black shawl, night kindled melancholy little lights somewhere far below-alien lights, uninteresting now and unnecessary either to Margarita or the Master. Night overtook the cavalcade, spread itself above them and threw out here and there in the saddened sky white specks of stars.

Night grew more dense, flew side by side with the riders, catching their cloaks, pulling them off, uncovering deceptions. When Margarita, washed by the cool wind, opened her eyes, she saw the gradual change in the appearance of her companions, flying to their goal. And when the full scarlet moon began to rise over the rim of the wood to meet them, all deception vanished, and the fragile vestments of enchantment dropped into the swamp, and drowned in the mists.

It would be difficult now to recognize Koroviev-Fagot, the self-styled interpreter of the mysterious consultant who needed no interpreters, in him who was now flying directly beside Woland, on the right of the Master's beloved. In place of the one who had left the Vorobiev Hills in the torn garb of a circus clown under the name of Koroviev-Fagot, there galloped, clinking delicately with the golden chain of his reins, a purple knight with a

somber, never-smiling face. His chin rested on his chest, he did not look at the moon and cared nothing for the earth, he was thinking his own thoughts as he flew at Woland's side.

The night had torn off Behemoth's fluffy tail, pulled off his pelt and scattered the pieces in the swamps. He who had been a tom cat, amusing the Prince of Darkness, now turned out to be a slender youth, a demon page, the best jester who had ever existed in the world. Quiet now, he flew without a sound, giving his young face to the light streaming from the moon.

At the end of the line flew Azazello, gleaming with the steel of his armor. The moon had altered his face as well. The absurd, revolting fang had disappeared without a trace, and his blindness turned out to have been false. Both of his eyes were the same, empty and black, and his face was white and cold. Now Azazello was flying in his true shape, the demon of the waterless desert, the killer-demon.

Margarita could not see herself, but she could see the change in the Master. His hair, gleaming white now in the moon, was gathered in the back into a queue, flying in the wind. When the wind blew the ends of the cloak away from the Master's feet, Margarita saw the glimmering little stars of the spurs on his jack boots. Like the demon youth, the Master flew with his eyes fixed on the moon, but he smiled to it as though he knew and loved it well, and muttered something to himself by force of habit acquired in room 118.

And finally, Woland himself was also flying in his true shape now. Margarita would have found it difficult to say what his horse's reins were made of. She thought they might be chains of moonlight, and the horse itself might only be a hulk of darkness, his mane – a cloud, and the rider's spurs – white blurs of stars.

For a long time they flew in silence, until the land below them began to change as well. The melancholy forests drowned in the darkness of the earth, taking with them the dully glinting blades of rivers. Huge boulders began to flash below, with black gaps between them where the moonlight did not penetrate.

*From "The Master and Margarita", by M. Bulgakov,
translated by M. Ginsburg*

Translation 4

How sad, ye gods, how sad the world is at evening, how mysterious the mists over the swamps. You will know it when you have wandered astray in those mists, when you have suffered greatly before dying, when you have walked through the world carrying an unbearable burden. You know it too when you are weary and ready to leave this earth without regret; its mists, its swamps and its rivers ; ready to give yourself into the arms of death with a light heart, knowing that death alone can comfort you.

The magic black horses were growing tired, carrying their riders more slowly as inexorable night began to overtake them. Sensing it behind him even the irrepressible Behemoth was hushed, and digging his claws into the saddle he flew on in silence, his tail streaming behind him.

Night laid its black cloth over forest and meadow, night lit a scattering of sad little lights far away below, lights that for Margarita and the master were now meaningless and alien. Night overtook the cavalcade, spread itself over them from above and began to seed the lowering sky with white specks of stars.

Night thickened, flew alongside, seized the riders' cloaks and pulling them from their shoulders, unmasked their disguises. When Margarita opened her eyes in the freshening wind she saw the features of all the galloping riders change, and when a full, purple moon rose towards them over the edge of a forest, all deception vanished and fell away into the marsh beneath as their magical, trumpery clothing faded into the mist.

It would have been hard now to recognise Koroviev-Faggot, self-styled interpreter to the mysterious professor who needed none, in the figure who now rode immediately alongside Woland at Margarita's right hand. In place of the person who had left Sparrow Hills in shabby circus clothes under the name of Koroviev-Faggot, there now galloped, the gold chain of his bridle chinking softly, a knight clad in dark violet with a grim and unsmiling face. He leaned his chin on his chest, looked neither at the moon nor the earth, thinking his own thoughts as he flew along beside Woland.

'Why has he changed so?' Margarita asked Woland above the hiss of the wind.

'That knight once made an ill-timed joke,' replied Woland, turning his fiery eye on Margarita. 'Once when we were talking of darkness and light he made a somewhat

unfortunate pun. As a penance he was condemned to spend rather more time as a practical joker than he had bargained for. But tonight is one of those moments when accounts are settled. Our knight has paid his score and the account is closed.’

Night stripped away, too. Behemoth’s fluffy tail and his fur and scattered it in handfuls. The creature who had been the pet of the prince of darkness was revealed as a slim youth, a page-demon, the greatest jester that there has ever been. He too was now silent and flew without a sound, holding up his young face towards the light that poured from the moon.

On the flank, gleaming in steel armour, rode Azazello, his face transformed by the moon. Gone was the idiotic wall eye, gone was his false squint. Both Azazello’s eyes were alike, empty and black, his face white and cold. Azazello was now in his real guise, the demon of the waterless desert, the murderer-demon.

Margarita could not see herself but she could see the change that had come over the master. His hair had whitened in the moonlight and had gathered behind him into a mane that flew in the wind. Whenever the wind blew the master’s cloak away from his legs, Margarita could see the spurs that winked at the heels of his jackboots. Like the page-demon the master rode staring at the moon, though smiling at it as though it were a dear, familiar friend, and – a habit acquired in room No. 118 – talking to himself.

Woland, too, rode in his true aspect. Margarita could not say what the reins of his horse were made of; she thought that they might be strings of moonlight and the horse itself only a blob of darkness, its mane a cloud and its rider’s spurs glinting stars.

They rode for long in silence until the country beneath began to change. The grim forests slipped away into the gloom below, drawing with them the dull curved blades of rivers. The moonlight was now reflected from scattered boulders with dark gulleys between them.

*From “The Master and Margarita”, by M. Bulgakov,
translated by M. Glenny*

4. Compare the translations of M. Bulgakov's "Master and Margarita" (extract 2 in Ex. 3) and say which you like most. Give you reasons and examples of best translation decisions.

5. Translate the texts and explain what means of translation you have used.

Extract 1

It was with feelings of awe, not unmingled with fear, that I now seated myself on the cabin sky-light and gazed upon the rigid features of my late comrade, while my mind wandered over his past history and contemplated with anxiety my present position. Alone! in the midst of the wide Pacific, having a most imperfect knowledge of navigation, and in a schooner requiring at least eight men as her proper crew. But I will not tax the reader's patience with a minute detail of my feelings and doings during the first few days that followed the death of my companion. I will merely mention that I tied a cannon ball to his feet and, with feelings of the deepest sorrow, consigned him to the deep.

For fully a week after that a steady breeze blew from the east, and, as my course lay west-and-by-north, I made rapid progress towards my destination. I could not take an observation, which I very much regretted, as the captain's quadrant was in the cabin; but, from the day of setting sail from the island of the savages, I had kept a dead reckoning, and as I knew pretty well now how much lee-way the schooner made, I hoped to hit the Coral Island without much difficulty. In this I was the more confident that I knew its position on the chart (which I understood was a very good one), and so had its correct bearings by compass.

As the weather seemed now quite settled and fine, and as I had got into the trade-winds, I set about preparations for hoisting the top-sails. This was a most arduous task, and my first attempts were complete failures, owing, in a great degree, to my reprehensible ignorance of mechanical forces. The first error I made was in applying my apparatus of blocks and pulleys to a rope which was too weak, so that the very first heave I made broke it in two, and sent me staggering against the after-hatch, over which I tripped, and, striking against the main-boom, tumbled down the companion ladder into the cabin. I was much

bruised and somewhat stunned by this untoward accident. However, I considered it fortunate that I was not killed. In my next attempt I made sure of not coming by a similar accident, so I unreeved the tackling and fitted up larger blocks and ropes. But although the principle on which I acted was quite correct, the machinery was now so massive and heavy that the mere friction and stiffness of the thick cordage prevented me from moving it at all. Afterwards, however, I came to proportion things more correctly; but I could not avoid reflecting at the time how much better it would have been had I learned all this from observation and study, instead of waiting till I was forced to acquire it through the painful and tedious lessons of experience.

From "The Coral Island", by R.M. Ballantyne

Extract 2

With my stick, my knife, my chalks, and my brown paper, I went out on to the great downs. I crawled across those colossal contours that express the best quality of England, because they are at the same time soft and strong. The smoothness of them has the same meaning as the smoothness of great cart-horses, or the smoothness of the beech-tree; it declares in the teeth of our timid and cruel theories that the mighty are merciful. As my eye swept the landscape, the landscape was as kindly as any of its cottages, but for power it was like an earthquake. The villages in the immense valley were safe, one could see, for centuries: yet the lifting of the whole land was like the lifting of one enormous wave to wash them all away.

I crossed one swell of living turf after another, looking for a place to sit down and draw. Do not, for heaven's sake, imagine I was going to sketch from Nature. I was going to draw devils and seraphim, and blind old gods that men worshipped before the dawn of right, and saints in robes of angry crimson, and seas of strange green, and all the sacred or monstrous symbols that look so well in bright colors on brown drawing paper. They are much better worth drawing than Nature; also they are much easier to draw. When a cow came slouching by in a field next to me, a mere artist might have drawn it; but I always get wrong in the hind legs of quadrupeds. So I drew the soul of the cow; which I saw there plainly walking before me in the sunlight; and the soul was all purple and silver, and had

seven horns and the mystery that belongs to all beasts. But though I could not with a crayon get the best out of the landscape, it does not follow that the landscape was not getting the best out of me. And this, I think, is the mistake that people make about the old poets who lived before Wordsworth, and were supposed not to care very much about Nature because they did not describe it much.

They preferred writing about great men to writing about great hills; but they sat on the great hills to write about it. They gave out much less about Nature, but they drank it in, perhaps, much more. They painted the white robes of their holy virgins with the blinding snow, at which they had stared all day. They blazoned the shields of their paladins with the purple and gold of many heraldic sunsets. The greenness of a thousand green leaves clustered into the live green figure of Robin Hood. The blueness of a score of forgotten skies became the blue robes of the Virgin. The inspiration went in like sunbeams and came out like Apollo.

From "A Piece of Chalk", by G.K. Chesterton

Extract 3

Плетни устроены из кустов кактуса и алоэ: не дай бог схватиться за куст – что наша крапива! Не только честный человек, но и вор, даже любовник, не перелезут через такой забор: миллион едва заметных глазу игл вонзится в руку. И камень не такой, и песок рыжий, и травы странные: одна какая-то кудрявая, другая в палец толщиной, третья бурая, как мох, та дымчатая. Пошли за город, по мелкому и чистому песку, на взморье: под ногами хрустели раковинки. «Все не наше, не такое», – твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнет воробей – гораздо наряднее нашего, франт, а сейчас видно, что воробей, как он ни франти. Тот же лёт, те же манеры, и так же копается, как и наш, во всякой дряни, разбросанной по дороге. И ласточки и вороны есть; но не те: ласточки серее, а ворона чернее гораздо. Собака залаяла, и то не так, отдает чужим, как будто на иностранном языке лает. По улицам бегали черномазые, кудрявые мальчишки, толпились черные или коричневые женщины, малайцы, в высоких соломенных шляпах, похожих на колокола, но с более раздвинутыми или поднятыми несколько кверху полями.

Только свинья так же неопрятна, как и у нас, так же неистово чешет бок об угол, как будто хочет своротить весь дом, да кошка, сидя в палисаднике, среди мирт, преусердно лижет лапу и потом мажет ею себе голову. Мы прошли мимо домов, садов, по песчаной дороге, миновали крепость и вышли налево в город.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

Extract 4

Здесь была полная коллекция всех племен, населяющих колонию. Черный цвет, от самого черно-бархатного с глянцем, как лакированная кожа, переходил, постепенными оттенками, до смугло-желтого. Самые черные негры племени финго, мозамбик, бичуанов и сулу. У этих племен лицо большей частью круглое, с правильными чертами, с выпуклым лбом и щеками, с толстыми губами; волосы, сравнительно с другими, длинные, хотя и курчавы. Негры все здорового телосложения; мускулы у них правильны и красивы – это африканские адонисы; зрачки у них подернуты желтоватою влагою и покрыты сетью жилок. Кафры, не уступая им в пропорциональности членов, превышают их ростом. Это самое рослое племя – атлеты. Но лицом они не так красивы, как первые; у них лоб и виски плоские, скулы выдаются; лицо овальное, взгляд выразительный и смелый; они бледнее негров; цвет более темно-шоколадный, нежели черный. Готтентоты еще бледнее. Они коричневого цвета; впрочем, как многочисленное племя, они довольно разнообразны. Я видел готтентотов тусклого, но совершенно черного цвета. У них, как у кафров, лоб вдавлен, скулы, напротив, выдаются; нос у них больше, нежели у других черных. Вообще лицо измято, обильно перерезано глубокими чертами; вид старческий, волосы скудны. Они малорослы, худощавы, ноги и руки у них тонкие, так, тряпка тряпкой, между тем это самый деятельный народ. Они отличные земледельцы, скотоводы, хорошие слуги, кучера и чернорабочие.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

Extract 5

Задолго до въезда в город глазам нашим открылись три странные массы гор, непохожих ни на одну из виденных нами. Одна предлинная, довольно отлогая, с углублением в середине, с возвышенностями по концам; другая высокая, ровная и одинаково широкая и в основании, и наверху. Вершины нет: она как будто срезана, и гора оканчивается кверху площадью, почти равную основанию. К ней прислонилась третья гора, вся в рытвинах, более первых заросшая зеленью: «Что это?» – спросил я кучера малайца, указывая на одну гору. «Tablemountain», – сказал он (Столовая гора). «А это?» – «Lion's head» (Львиная гора). «А это?» – «Deavilspick» (Чертов пик).

Столовая гора названа так потому, что похожа на стол, но она похожа и на сундук, и на фортепиано, и на стену – на что хотите, всего меньше на гору. Бока ее кажутся гладкими, между тем в подзорную трубу видны большие уступы, неровности и углубления; но они исчезают в громадности глыбы. Эти три горы, и между ними особенно Столовая, недаром приобрели свою репутацию.

Обливают ли их солнечные лучи, лежит ли густой туман на них, или опоясывают облака – во всех этих уборах они прекрасны, оригинальны и составляют вечно занимательное и грандиозное зрелище для путешественника. Три странные формы, как три чудовища, облегли город. Столовая гора, мрачная, серая, как все горы, окаймляющие южный берег Африки, состоит из песчаника, почерневшего от солнца и воздуха. Кое-где зеленеет травка, да кустарниковые растения забрались в промытые дождями рытвины. По подошве кучками разбросаны рощицы и сады, с дачами и виноградниками. С вида кажется невозможным войти в эту стену; между тем там проложены тропинки, и любопытные, с проводниками, беспрестанно отправляются туда. И некоторые из наших ходили: пошли в сапогах, а воротились босые. Вершина горы, сказывали они, плоская, поросшая кустарником во всю площадь. Львиная гора похожа, говорят, на лежащего льва: продолговатый холм в самом деле напоминает хребет какого-то животного, но конический пик, которым этот холм примыкает к Столовой горе, вовсе не похож на львиную голову. Зато коронка пика образует совершенно

правильную фигуру спящего львенка. Товарищи мои заметили то же самое: нельзя нарочно сделать лучше; так и хочется снять ее и положить на стол, как *presse papier*.

Из книги очерков «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова

Extract 6

Вот и теперь посадили огороды – да не все: три семьи снялись еще с осени, разъехались по разным городам, а еще три семьи вышли из деревни и того раньше, в первые же годы, когда стало ясно, что слухи верные. Как всегда, посеяли хлеба – да не на всех полях: за рекой пашню не трогали, а только здесь, на острове, где поближе. И картошку, моркошку в огородах тыкали нынче не в одни сроки, а как пришлось, кто когда смог: многие жили теперь на два дома, между которыми добрых пятнадцать километров водой и горой, и разрывались пополам. Та Матера и не та: постройки стоят на месте, только одну избенку да баню разобрали на дрова, все пока в жизни, в действии, по-прежнему голосят петухи, режут коровы, трезвонят собаки, а уж повяла деревня, видно, что повяла, как подрубленное дерево, откоренилась, сошла с привычного хода. Все на месте, да не все так: гуще и нахальней полезла крапива, мертво застыли окна в опустевших избах и растворились ворота во дворы – их для порядка закрывали, но какая-то нечистая сила снова и снова открывала, чтоб сильнее сквозило, скрипело да хлопало; покосились заборы и прясла, почернели и похилились стайки, амбары, навесы, без пользы валялись жерди и доски – поправляющая, подлаживающая для долгой службы хозяйская рука больше не прикасалась к ним.

Из повести «Прощание с Матерой» В. Распутина

2.8 Questions for self-control

1. What is trope? What is its function?
2. What is epithet? Explain the difference between logical and figurative epithets.

3. What is simile? What is the difference between simile and comparison? What forms of simile do you know?
4. Hyperbole and meiosis: their likeness and difference. How do these tropes refer to reality?
5. Metaphor and its varieties.
6. Means of translation used to reproduce metaphors in the text.
7. Metonymy and its varieties.
8. Means of translation used to reproduce metonymies in the text.
9. Other stylistic devices.
10. Summarize all means of translation used to refer stylistic devices into another language.

3 General problems of literary translation

3.1 Speaking names

☞ In general proper names are characterized by untranslatability; they belong to culture-specific vocabulary and thus have no equivalents in other languages. There is a discussion in linguistics on whether we should consider proper names as void words, with no meaning, or they are real words in entirety. The discussion is especially relevant to speaking names.

In belles-lettres speaking names are a kind of trope similar to metaphor and simile; it is used to give additional attributes to fictional characters. Speaking names can be considered as a type of pun as well.

They are difficult for translation, because the reader perceives both the name in its nominative, “vocative” function and its direct meaning as a word at one time. This arouses the question: should the translator translate speaking names as other linguistic units that have equivalents or analogues in the target language, or they should be treated as culture-specific words?

Possible means of translation:

✍ transcription;

✍ transliteration;

✍ semantization (loan-translation, proper translation, functional translation).

The latter means of translation implies translation of notional part of the name in a manner that is peculiar to the target language. But names should characterize their bearers as Russians or Englishmen, thus semantization as it is will ruin the author's intention. At the same time transcription and transliteration lead to loss in meaning because pragmatic aspect, emotive component, associative background, social status of the name, etc. won't be reflected in transcription.

To avoid these situations we can use footnotes explaining the real meaning of the transcribed or transliterated word or we can translate the notional stem and add some elements that will mark the word as foreign. For example: *учитель Роззги, доктора Фершалл и О'Коновалл, торговец Купли и аптекарь Капли*³.

Exercises

1. Find 10 names and nicknames of characters in English fairytales, write them down. Define principles of nomination. Translate the names into Russian.

2. Find 10 names and nicknames of characters in Russian fairytales, write them down. Define principles of nomination. Translate the names into English.

3. Compare the original and its translation. Define means of translation. Read the whole text in original. Do you think the translation is adequate? Give your variants of translation.

³ Examples are from the article "Английские имена в русских переводах", by I. Bernstein (И. Бернштейн)/

From "The School for Scandal", by R.B. Sheridan

Dramatis Personæ	Действующие лица:	
Sir Peter Teazle	Сэр Питер Тизл	сэр Петер Тицль
Sir Oliver Surface	Сэр Оливер Сэрфес	
Joseph Surface	Джозеф Сэрфес	
Charles Surface	Чарлз Сэрфес	
Crabtree	Крэбтри	
Sir Benjamin Backbite	Сэр Бенджамен Бэкбайт	
Rowley	Раули	Беззаботный
Moses	Мозес	Ехидный
Trip	Трип	Крэбтри
Snake	Снейк	Роули
Careless	Кейрлесс	Моисей
Sir Toby Bumper	Сэр Гарри Бэмпер	Трип
Lady Teazle	Леди Тизл	
Maria	Мария	леди Снирвель
Lady Sneerwell	Леди Снируэл	
Mrs. Candour	Миссис Кэндэр	
	Слуги, гости	
In the text:		
Miss Gadabout	Мисс Гэдэбаут	Мисс Гадебут
Sir Filagree Flirt	Сэр Филигри Флертом	Сэр Филигри Флир
Miss Prim	Мисс Прим	Мисс Прим
Mrs. Festino	Миссис Фестино	Мистрис Фестино
Colonel Cassino	Полковника Кассино	Полковник Кассино
Mr. and Mrs. Honeymoon	Мистер и миссис Хонимун	Мистер и мистрис Гонимун

Miss Tattle
Lord Buffalo
Sir Harry Bouquet
Tom Saunter
Lord Spindle
Sir Thomas Splint
Captain Quinze
Mr. Nickit
Lady Frizzle
Mrs. Drowzy
Miss Nicely
Miss Letitia Piper
Mrs. Ponto
Dowager Lady Dundizzy
Lady Betty Curricl
Miss Vermillion
Mrs. Evergreen
Widow Ocre
Miss Simper
Mrs. Prim
Mrs. Pursy
Mrs. Codille
Miss Sallow
Lady Stucco
Cousin Ogle

Мисс Тэттл
Лорд Бэффэло
Сэр Генри Бокет
Том Саунтер
Лорд Спиндл
Сэр Томас Сплинт
Капитан Куинз
Мистер Никкит
Леди Фриزل
Миссис Драузи
Мисс Найсли
Мисс Летиция Пайпер
Миссис Понто
Старая леди Дэндизи
Леди Бэтти Кэррикл
Мисс Вермильон
Миссис Эвергрин
Вдова Окр
Мисс Симпер
Миссис Прим
Миссис Пэрси
Миссис Кэдрил
Мисс Саллоу
Леди Стукко
Кузина Огл

Мисс Тэтль
Лорд Бэффль
Сэр Гарри Букет
Том Соунтер,
Лорд Спиндель
Сэр Сплинт
Капитан Кэнц
Мистер Никит
Леди Фрицль
Мистрис Дроузи
Мисс Найсли

Перевод М. Лозинского

Перевод П.И. Вейнберга⁴

⁴ According to the article “Перевод П.И. Вейнбергом «Школы злословия» Р. Шеридана в контексте традиций осмысления этого произведения в России”, by D. Zhatkin (Д. Жаткин) and T. Kornaukhova (Т. Корнаухова).

Действующие лица:

Сэр Питер Тизл	Джозэф Сэрфэс
Сэр Оливер Сэрфэс	Чарльз Сэрфэс
Сэр Гарри Бэмпэр	Кэйрлесс
Сэр Бэнджамэн Бэкбайт	Снэйк
Крэбтри	Лэди Тизл
Раули	Лэди Снизуэл
Мозэс	Миссис Кэндэр
Трип	Мария

Джентльмены, горничная и слуги

Место действия – Лондон.

Драматурги эпохи Шеридана очень часто выбирали имена действующих лиц так, чтобы в них отражался характер того или иного человека. Этим приемом пользуется и Шеридан в «Школе злословия». Имя «Тизл» – взято от глагола to tease – раздражать, сердить; «Сэрфэс» – наружность; «Бэмпэр» – полный до краев стакан; «Бэкбайт» – от глагола to backbite – злословить за глаза; «Кэйрлесс» – беззаботный, легкомысленный; «Снэйк» – змея; «Крэбтри» – дерево – дикая яблоня; «Раули» – от row – шум, суматоха; «Трип» – обмолвка; «Снизуэл» – насмешница; «Кэндэр» – откровенность.

Мисс Гадабаут

Сэр Филигри Флэрт

Мисс Прим

М-с Фестино

Полковник Кассино

М-р и м-с Хонимун («Хонимун» – медовый месяц)

Мисс Таттл («Таттл» – от глагола tattle – сплетничать)

Лорд Буффало

Сэр Гарри Букет

Том Соунтэр («Соунтэр» – гуляка)

Лорд Спиндл

Сэр Томас Сплинт
Капитан Квинз
М-р Никкит
Лэди Фриزل («Фриزل» – кудряшка)
М-с Драузи («Драузи» – соня)
Мисс Найсли (От слова «nice» – красивый)
Мисс Летиция Пайпер
М-с Понто
Вдовствующая лэди Дэндиззи
Лэди Бэтти Кэррикл («Кэррикл» – двухколесный экипаж)
Мисс Вермильон («Вермильон» – румяна)
М-с Эвергрин («Эвергрин» – вечнозеленая)
Вдова Охр («Охр» – охра)
Мисс Симпэр («Симпэр» – от глагола *simper* – скалить зубы)
М-с Прим («Прим» – жеманница)
М-с Пэрси («Пэрси» – толстуха)
М-с Куодрил («Куодрил» – кадрили)
Мисс Саллоу («Саллоу» – желтая)
Лэди Стэкко («Стэкко» – штукатурка)
Кузина Огл («Огл» – делать глазки)

Перевод Ч. Ветринского

4. Translate the following texts. Pay attention to the translation of the names in the context.

Extract 1

Cloë Hannah, yes. Will you be all right? (*She stands up wearing the boots*) I won't be... (*But she has lost him*) Mr Nightingale?

Bernard (*Waking up*) Yes. Thank you. Miss Jarvis is Hannah Jarvis the author?

Cloë Yes. Have you read her book?

Bernard Oh, yes. Yes.

Cloë I bet she's in the hermitage, can't see from here with the marquee...

Bernard Are you having a garden party?

Cloë A dance for the district, our annual dressing up and general drunkenness. The wrinklies won't have it in the house, there was a teapot we once had to bag back from Christie's in the nick of time, so anything that can be destroyed, stolen or vomited on has been tactfully removed; tactless, I should say – *(She is about to leave)*

Bernard Um – look – would you tell her – would you mind not mentioning my name just yet?

Cloë Oh. All right.

Bernard *(smiling)* More fun to surprise her. Would you mind?

Cloë No. But she is bound to ask... Should I give you another name, just for the moment?

Bernard Yes, why not?

Cloë Perhaps another bird, you're not really a Nightingale.

<...>

Hannah Mr Peacock?

Bernard looks round vaguely the checks over his shoulder for the missing Peacock, then recovers himself and turns on the Nightingale bonhomie

Bernard Oh... hello! Miss Jarvis, of course. Such a pleasure. I was thrown for a moment – the photograph doesn't do you justice.

<...>

Hannah Mr Peacock, what can I do for you?

Bernard Well, to begin with, you can call me Bernard, which is my name.

Extract 2

Bernard No. Because of the tapes, three documents survived undisturbed in the book. *(He has been carefully opening a package produced from his bag. He has the originals. He holds them carefully one by one.)* “Sir – we have a matter to settle. I wait on you in the gun room. E. Chater, Esq.”

“My husband has sent to town for pistols. Deny what cannot be proven – for Charity’s sake – I keep my room this day.” Unsigned.

“Sidley Park, April 11th 1809. Sir – I call you a liar, a lecher, a slanderer in the press and a thief of my honour. I wait upon your arrangements for giving me satisfaction as a man and a poet. E. Chater, Esq.”

<...>

Bernard I *said* he was dead. What year? 1810! Oh my God, 1810! Well *done*, Hannah! Are you going to tell me it’s a different Mrs Chater?

Hannah Oh no. It’s her all right. Note her Christian name.

Bernard Charity. Charity... “Deny what cannot be proven for Charity’s sake!”

Extract 3

Hannah You can stop being silly now, Bernard. English landscape was invented by gardeners imitating foreign painters who were evoking classical authors. The whole thing was brought home in the luggage from the grand tour. Here, look – Capability Brown doing Claude, who was doing Virgil. Arcadia! And here, superimposed by Richard Noakes, untamed nature in the style of Salvator Rosa. It’s the Gothic novel expressed in landscape. Everything but vampires. There’s an account of my hermit in a letter by your illustrious namesake.

Bernard Florence?

Hannah What?

Bernard No. You go on.

Hannah Thomas Love Peacock.

<...>

Lady Croom Well, do not despair of it. (*Returning to the window impatiently.*) Where is ‘Culpability’ Noakes? (*She looks out and is annoyed.*) Oh! – he has gone for his hat so that he may remove it. (*She returns to the table and touches the bowl of dahlias.*)

From “Arcadia”, by T. Stoppard

5. Read the translation of the text from ex. 4. Comment on the translator's decision.

Extract 1

Хлоя. Да, Ханна. Так я оставлю вас на минуту? Я быстренько. *(Она уже надела боты. Распрямляется. Видит, что он не слушает.)* Мистер Солоуэй?

Бернард *(очнувшись)*. Да-да, спасибо. Значит, мисс Джарвис – писательница Ханна Джарвис?

Хлоя. Конечно. Вы читали ее книгу?

Бернард. Еще бы!

Хлоя. Она наверняка в эрмитаже, просто отсюда не видно, шатер мешает.

Бернард. Вы принимаете гостей в саду?

Хлоя. Ежегодно даем бал для всей округи. Все наряжаются, танцуют и напиваются вдрызг. Но предки теперь не разрешают гудеть в доме. Однажды нам пришлось перед самым закрытием гнать на аукцион Кристи – покупать чайничек эпохи Реставрации. С тех пор все, что можно разбить, украсть или заблевать, убирается заранее. Тактично. А на самом деле – совершенно бестактно.

Она уже у двери в сад.

Бернард. Гм... послушайте... скажите ей, что... Не говорите пока моей фамилии.

Хлоя. Не говорить? Хорошо...

Бернард *(улыбаясь)*. Пусть будет сюрприз. Не возражаете?

Хлоя. Нет... Но она спросит, кто вы... Может, дать вам другую фамилию?

Бернард. Отлично! Прекрасная мысль.

Хлоя. Так, Солоуэй... Возьмем какую-нибудь другую птицу... На соловья вы все равно не похожи.

<...>

Ханна. Мистер Павлини?

Бернард озирается – сперва рассеянно, затем недоуменно: он ищет несуществующего Павлини. Потом, очнувшись, соображает, что Павлини, по всей вероятности, он сам, Солоуэй, и есть, и рассыпается в неумеренно восторженных

приветствиях.

Бернард. О! Здравствуйте! Здравствуйте! Мисс Джарвис? Ну разумеется, мисс Джарвис! Очень, очень рад. Я, признаться, опешил, просто онемел поначалу: вы такая красивая, намного, намного красивее, чем на фотографии!

<...>

Ханна. Мистер Павлини, вы ведь по делу? Чем могу служить?

Бернард. Ну, во-первых, меня зовут Бернард. Давайте уж по имени, запросто.

Extract 2

Бернард. Это еще не все. В книге, благодаря застёжкам, сохранились три документа. *(Достает из портфеля пакет, вынимает три бумажки. Это подлинники. Он зачитывает их поочередно.)* «Сэр, нам необходимо уладить дело, не терпящее отлагательства. Жду вас в оружейной комнате. Э.Чейтер, эсквайр».

«Муж послал в город за пистолетами. Отрицайте то, чего нельзя доказать, – во имя Любови. Я сегодня у себя, к столу не выйду». Без подписи.

«Сидли-парк, 11 апреля 1809 года. Сэр, вы лжец и развратник! Вы оклеветали меня в прессе и покусились на мою честь! Извольте дать мне сатисфакцию – как мужчине и поэту. Э. Чейтер, эсквайр».

<...>

Бернард. Я же говорил, что он умер! Какой год? 1810-й? Господи, десятый!!! Отлично, Ханна, отлично! Надеюсь, ты не потребуешь доказательств, что это та самая миссис Чейтер?

Ханна. Ну что ты. Наша Чейтерша собственной персоной. Тут, кстати, есть ее имя.

Бернард. Любовь? Это имя? Русское, что ли? Любовь... Так, так... «Отрицайте то, чего нельзя доказать, – во имя Любови». Я-то думал. «Любови» вместо «любви» – орфографическая ошибка.

Extract 3

Ханна. Не говори ерунды, Бернард. Английский пейзаж изобрели садовники в

подражание иноземным художникам, а те, в свою очередь, возрождали классических авторов. Английский пейзаж завезли в Англию в чемодане: сувенир из заморского путешествия. Суди сам: Дар Браун подражал Клоду, а тот воплощал на холсте Вергилиевы тексты. Короче, аркадская идиллия! Ну а здесь, благодаря вмешательству Ричарда Ноукса, природа становится дикой, бурной, неукротимой – в стиле Сальватора Розы. Готический роман в пейзаже. Только вампиров не хватает... Да, между прочим, моего отшельника упоминает в письме твой прославленный однофамилец.

Бернард. Который?

Ханна. Томас Лав Павлини.

<...>

Леди Крум. Не отчаивайтесь, мой друг. Старайтесь. *(Нетерпение гонит ее к окну.)* Где же Ноукс? Все-таки Дар Браун был воистину дар, а Ноукс – настоящий бездарь!!! *(Раздраженно выглядывает.)* А-а, теперь он ищет свою шляпу. Больше ему перед дамой и снять нечего. *(Возвращается к столу, дотрагивается до горшка с дальями.)*

Из пьесы Т. Стоппарда «Аркадия»

Перевод О. Варшавер

6. Look at the list of characters and geographical names and define the principle of nomination. Translate. Mind that these names are pronounced in the movie and their Russian variants should be of the same length in pronunciation. Watch the movie if you need more information on the characters. Compare your variants of translation with the official translation of the movie.

Characters

Judy Hopps, a bunny, a police officer

Carrots, Fluff, Flatfoot, Cottontail, Copper, Flopsy the Copsy, Jude the Dude –
Judy's nicknames

Stu and Bonnie Hopps, bunnies, carrot farmers

Gideon Grey, a fox, a baker
Travis, a polecat
Nick Wilde, a fox, a hustler
Chief Bogo, a cape buffalo, a chief of police
Benjamin Clawhauser, a cheetah, a police officer
Francine and Trunkaby, elephants, police officers
Snarlof, a polar bear, a police officer
Fangmeyer, a tiger, a police officer
Delgato, a lion, a police officer
McHorn and Rhinowitz, rhinoceros, police officers
Wolford and Grizzoli, wolves, police officers
Higgins, a hippo, a police officer
Mr. Big, an arctic shrew, a crime boss
Fru Fru, an arctic shrew, Mr Big's daughter
Mr. Manchas, a jaguar, a driver
Kevin and Raymond, polar bears, Mr Big's associates
Leodore Lionheart, a lion, a mayor
Lionfart – Lionheart's nickname
Dawn Bellweather, a sheep, an assistant mayor
Smellwether – Bellweather's nickname
Gazelle, a female singer
Nangi, an elephant, a female yoga instructor
Emmitt Otterton, an otter, a florist
Mrs Otterton, an otter, Emmitt Otterton's wife
Flash and Pricilla, sloths, clerks at Department of Mammal Vehicles
"Flash, Flash, hundred yard dash" – Flash's nickname
Duke Weaselton, a weasel, a thief
Duke of Bootleg – Weaselton's nickname
Gary, a timber wolf, a guard
Doug, Woolter and Jesse, rams, criminals

Places

Tundratown

Sahara Square

Rainforest District

Zootopia

Bunnyburrow

Deerbrooke County

Grand Pangolin Arms

Little Rodentia

Acacia Alley, Ficus Underpass, South Canyon

From “Zootopia”

7. Find in the works by Russian writers A.N. Ostrovskiy, A.P. Chekhov, M.A. Bulgakov speaking names. Explain their origin and role in character's description. Give your variants of translation.

8. Read a novel «Между двух стульев», by Yevgeniy Klyuyev, make a list of characters. Translate their names into English.

3.2 Time distance

☞ When a translator translate some text much more later than the original was written, problems of time adaptation arise. In this case a translator can follow one of three ways:

✍ modernisation. Translators choose this way if they want to preserve communicative intention of the author who wrote the text in contemporary language. A reader will not have problems in understanding the text, but there may be contradiction between the language on one hand and values, moral and behavior of characters on the other. Thus the text may be deprived of its social and psychological background;

✍ using the language of corresponding time, i.e. a translator should translate S. Richardson's works in a language of M. Lomonosov and B. Johnson's plays in a language of the Time of Troubles in Russia. In this case a great number of archaic words and names of historical objects will prevent the reader from understanding the text breaking the equality of impressions;

✍ historical stylisation. A translator may make a text slightly "archaic" to give the reader an impression of time distance. Readers will take the text as written in previous times, but this will not prevent the reader from understanding.

Both vocabulary and syntax may be means of such stylization. A translator should avoid words and phrases that are perceived as modern and colloquial, and words that are from cultural-specific vocabulary. The depth of historic stylization may be different, the more archaic the text under translation is, the more archaic words and constructions may be used. But a translator should mind the limits (one and a half or two centuries from the time of translation) over which they return to the second way.

If the text is written some time ago and purposefully attributed to more ancient times a 'double' historical stylization may be needed: to mark the text as not contemporary and to create a time layer in the text that is more archaic than the other part.

Exercises

1. Read the extract from the novel "The Expedition of Humphry Clinker" by T. Smollett. Define the time when the novel was written by the contents and language. Note the linguistic units that are the indicators of the time.

The tide of luxury has swept all the inhabitants from the open country. – The poorest squire, as well as the richest peer, must have his house in town, and make a figure with an extraordinary number of domestics. The plough-boys, cow-herds, and lower hinds

are debauched and seduced by the appearance and discourse of those coxcombs in livery, when they make their summer excursions. They desert their dirt and drudgery, and swarm up to London, in hopes of getting into service, where they can live luxuriously and wear fine clothes, without being obliged to work; for idleness is natural to man. – Great numbers of these, being disappointed in their expectation, become thieves and sharpers; and London being an immense wilderness, in which there is neither watch nor ward of any signification, nor any order or police, affords them lurking-places as well as prey.

There are many causes that contribute to the daily increase of this enormous mass; but they may be all resolved into the grand source of luxury and corruption. – About five and twenty years ago, very few, even of the most opulent citizens of London, kept any equipage, or even any servants in livery. Their tables produced nothing but plain boiled and roasted, with a bottle of port and a tankard of beer. At present, every trader in any degree of credit, every broker and attorney, maintains a couple of footmen, a coachman, and postilion. He has his town-house, and his country-house, his coach, and his post-chaise. His wife and daughters appear in the richest stuffs, bespangled with diamonds. They frequent the court, the opera, the theatre, and the masquerade. They hold assemblies at their own houses: they make sumptuous entertainments, and treat with the richest wines of Bordeaux, Burgundy, and Champagne. The substantial tradesman, who wont to pass his evenings at the ale-house for fourpence half-penny, now spends three shillings at the tavern, while his wife keeps card-tables at home; she must likewise have fine clothes, her chaise, or pad, with country lodgings, and go three times a week to public diversions. Every clerk, apprentice, and even waiter of tavern or coffeehouse, maintains a gelding by himself, or in partnership, and assumes the air and apparel of a petit maitre. – The gayest places of public entertainment are filled with fashionable figures; which, upon inquiry, will be found to be journeymen taylors, serving-men, and abigails, disguised like their betters.

From “The Expedition of Humphry Clinker”, by T. Smollett

2. Compare the text and its translation. Explain the means of recreating the time distance.

The tide of luxury has swept all the inhabitants from the open country. – The poorest squire, as well as the richest peer, must have his house in town, and make a figure with an extraordinary number of domestics. The plough-boys, cow-herds, and lower hinds are debauched and seduced by the appearance and discourse of those coxcombs in livery, when they make their summer excursions. They desert their dirt and drudgery, and swarm up to London, in hopes of getting into service, where they can live luxuriously and wear fine clothes, without being obliged to work; for idleness is natural to man. – Great numbers of these, being disappointed in their expectation, become thieves and sharpers; and London being an immense wilderness, in which there is neither watch nor ward of any signification, nor any order or police, affords them lurking-places as well as prey.

There are many causes that contribute to the daily increase of this enormous mass; but they may be all resolved into the grand source of luxury and corruption. – About

Жажда роскоши, как морской прибой, унесла с собой жителей поместий; самый бедный сквайр, так же как и богачейший пэр, желает иметь дом в городе и изображать собой персону с огромным количеством домочадцев. Пахарей, пастухов и прочих батраков соблазняют и развращают вид и речи щеголей в ливреях, приезжающих летом в поместья. Они стараются бежать от грязи и черной работы и толпами устремляются в Лондон в надежде поступить там в услужение, жить в роскоши и наряжаться, не утруждая себя работой; леньность свойственна человеческой природе. Очень многие из них, обманувшись в своих ожиданиях, становятся ворами и мошенниками, а Лондон, сия огромная дикая страна, где нет ни охраны, ни бдительного надзора, ни порядка, ни благочиния, предоставляет к их услугам вертепы, равно как и добычу.

Много есть причин, кои способствуют ежедневному притоку этих людей, но все эти причины сливаются в одном могучем источнике – в жажде

five and twenty years ago, very few, even of the most opulent citizens of London, kept any equipage, or even any servants in livery. Their tables produced nothing but plain boiled and roasted, with a bottle of port and a tankard of beer. At present, every trader in any degree of credit, every broker and attorney, maintains a couple of footmen, a coachman, and postilion. He has his town-house, and his country-house, his coach, and his post-chaise. His wife and daughters appear in the richest stuffs, bespangled with diamonds. They frequent the court, the opera, the theatre, and the masquerade. They hold assemblies at their own houses: they make sumptuous entertainments, and treat with the richest wines of Bordeaux, Burgundy, and Champagne. The substantial tradesman, who wont to pass his evenings at the ale-house for fourpence half-penny, now spends three shillings at the tavern, while his wife keeps card-tables at home; she must likewise have fine clothes, her chaise, or pad, with country lodgings, and go three times a week to public diversions. Every clerk, apprentice, and even waiter of tavern or coffeehouse, maintains a gelding by himself, or in partnership, and assumes the

роскоши и в растлении нравов. Лет двадцать пять назад очень немногие из числа наиболее богатых граждан Лондона держали собственные кареты или ливрейных слуг. На столе у них не бывало разносолов, одни только простые кушанья, бутылка портвейна да кувшин вина. А ныне любой купец, хоть сколь-нибудь преуспевающий, любой биржевой маклер или адвокат держит двух-трех лакеев, кучера и форейтора. У него есть городской дом, карета и портшез. Его жена и дочери красуются в самых дорогих нарядах, усыпанных брильянтами. Они бывают при дворе, в опере, в театре, на маскарадах. У себя дома они устраивают ассамблеи, роскошные приемы и угощают бордоскими, бургонскими и шампанскими винами.

Зажиточный торговец, который раньше привык проводить в пивной и тратил четыре с половиной пенса, теперь оставляет в таверне три шиллинга, покуда его жена забавляется картами дома; у нее должны быть прекрасные наряды, портшез, либо иноходец; она снимает помещение за городом и трижды в неделю посещает места публичных

air and apparel of a petit maitre. – The gayest places of public entertainment are filled with fashionable figures; which, upon inquiry, will be found to be journeymen taylors, serving-men, and abigails, disguised like their betters.

увеселений. Любой клерк, либо ученик ремесленника, даже слуга из таверны или кофейни, держит мерина, либо собственного, либо в компании с кем-нибудь, и старается видом и нарядом походить на петиметра. В самых оживленных местах публичных увеселений полным-полно модников и модниц, которые на поверку оказываются поденными портными, лакеями, горничными, разодетыми не хуже своих господ.

From “The Expedition of Humphry Clinker”, by T. Smollett

Перевод А. Кривцовой

3. Read the text and define the units showing the time difference. Translate the following text paying attention to recreating the time difference.

To Dr LEWIS.

DOCTOR,

The pills are good for nothing – I might as well swallow snowballs to cool my reins. – I have told you over and over how hard I am to move; and at this time of day, I ought to know something of my own constitution. Why will you be so positive? Prithee send me another prescription – I am as lame and as much tortured in all my limbs as if I was broke upon the wheel: indeed, I am equally distressed in mind and body. – As if I had not plagues enough of my own, those children of my sister are left me for a perpetual source of vexation – what business have people to get children to plague their neighbours? A ridiculous incident that happened yesterday to my niece Liddy, has disordered me in such a manner, that I expect to be laid up with another fit of the gout – perhaps, I may explain myself in my next. I shall set out tomorrow morning for the Hot Well at Bristol,

where I am afraid I shall stay longer than I could wish. On the receipt of this send Williams thither with my saddle-horse and the demi pique. Tell Barns to thresh out the two old ricks, and send the corn to market, and sell it off to the poor at a shilling a bushel under market price. – I have received a snivelling letter from Griffin, offering to make a public submission and pay costs. I want none of his submissions, neither will I pocket any of his money. The fellow is a bad neighbour, and I desire, to have nothing to do with him: but as he is purse-proud, he shall pay for his insolence: let him give five pounds to the poor of the parish, and I will withdraw my action; and in the mean time you may tell Prig to stop proceedings. – Let Morgan’s widow have the Alderney cow, and forty shillings to clothe her children: but don’t say a syllable of the matter to any living soul – I’ll make her pay when she is able. I desire you will lock up all my drawers, and keep the keys till meeting; and be sure you take the iron chest with my papers into your own custody. – Forgive all, this trouble from,

Dear Lewis, Your affectionate M. BRAMBLE GLOUCESTER, April 2.

From “The Expedition of Humphry Clinker”, by T. Smollett

4. Read the text and define the units showing the time difference. Translate the following text paying attention to recreating the time difference.

The violent explosion which made Mrs. Dalloway jump and Miss Pym go to the window and apologise came from a motor car which had drawn to the side of the pavement precisely opposite Mulberry’s shop window. Passers-by who, of course, stopped and stared, had just time to see a face of the very greatest importance against the dove-grey upholstery, before a male hand drew the blind and there was nothing to be seen except a square of dove grey.

Yet rumours were at once in circulation from the middle of Bond Street to Oxford Street on one side, to Atkinson’s scent shop on the other, passing invisibly, inaudibly, like a cloud, swift, veil-like upon hills, falling indeed with something of a cloud’s sudden sobriety and stillness upon faces which a second before had been utterly disorderly. But now mystery had brushed them with her wings; they had heard the voice of authority; the

spirit of religion was abroad with her eyes bandaged tight and her lips gaping wide. But nobody knew whose face had been seen. Was it the Prince of Wales's, the Queen's, the Prime Minister's? whose face was it? Nobody knew. <...>

Everything had come to a standstill. The throb of the motor engines sounded like a pulse irregularly drumming through the entire body. The sun became extraordinary hot because the motor car had stopped outside Mulberry's shop window; old ladies on the tops of omnibuses spread their black parasols; here a green, here a red parasol opened with a little pop. Mrs. Dalloway, coming to the window with her arms full of sweet peas, looked out with her little pink face pursed in enquiry. Every one looked at the motor car. Boys on bicycles sprang off. Traffic accumulated. <...>

It is probably the Queen, thought Mrs. Dalloway, coming out of Mulberry's with her flowers; the Queen. And for a second she wore a look of extreme dignity standing by the flower shop in the sunlight while the car passed at a foot's pace, with its blinds drawn. The Queen going to some hospital; the Queen opening some bazaar, thought Clarissa.

The crush was terrific for the time of day. Lords, Ascot, Hurlingham, what was it? she wondered, for the street was blocked. The British middle classes sitting sideways on the tops of omnibuses with parcels and umbrellas, yes, even furs on a day like this, were, she thought, more ridiculous, more unlike anything there has been than one could conceive; and the Queen herself held up; the Queen herself unable to pass. Clarissa was suspended on one side of Brook Street; Sir John Buckhurst, the old Judge on the other, with the car between them (Sir John had laid down the law for years and liked a well-dressed woman) when the chauffeur, leaning ever so slightly, said or showed something to the policeman, who saluted and raised his arm and jerked his head and moved the omnibus to the side and the car passed through. Slowly and very silently it took its way. <...>

The car had gone, but it had left a slight ripple which flowed through glove shops and hat shops and tailors' shops on both sides of Bond Street. For thirty seconds all heads were inclined the same way – to the window. Choosing a pair of gloves-should they be to the elbow or above it, lemon or pale grey? – ladies stopped; when the sentence was finished something had happened. Something so trifling in single instances that no mathematical instrument, though capable of transmitting shocks in China, could register

the vibration; yet in its fullness rather formidable and in its common appeal emotional; for in all the hat shops and tailors' shops strangers looked at each other and thought of the dead; of the flag; of Empire. In a public house in a back street a Colonial insulted the House of Windsor which led to words, broken beer glasses, and a general shindy, which echoed strangely across the way in the ears of girls buying white underlinen threaded with pure white ribbon for their weddings. For the surface agitation of the passing car as it sunk grazed something very profound.

Gliding across Piccadilly, the car turned down St. James's Street. Tall men, men of robust physique, well-dressed men with their tail-coats and their white slips and their hair raked back who, for reasons difficult to discriminate, were standing in the bow window of White's with their hands behind the tails of their coats, looking out, perceived instinctively that greatness was passing, and the pale light of the immortal presence fell upon them as it had fallen upon Clarissa Dalloway. At once they stood even straighter, and removed their hands, and seemed ready to attend their Sovereign, if need be, to the cannon's mouth, as their ancestors had done before them. The white busts and the little tables in the background covered with copies of the Tatler and bottles of soda water seemed to approve; seemed to indicate the flowing corn and the manor houses of England; and to return the frail hum of the motor wheels as the walls of a whispering gallery return a single voice expanded and made sonorous by the might of a whole cathedral. <...> The sentries at St. James's saluted; Queen Alexandra's policeman approved.

From "Mrs. Dalloway", by V. Woolf

5. Think of the ways of recreating the time difference in the translation of the following extracts. Translate the texts.

Extract 1

На Тверской, против Леонтьевского переулка, высится здание бывшего булочника Филиппова, который его перестроил в конце столетия из длинного двухэтажного дома, принадлежавшего его отцу, популярному в Москве благодаря своим калачам и сайкам. <...>

Булочная Филиппова всегда была полна покупателей. В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от учащейся молодежи до старых чиновников во фризовых шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пяточный пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завел еще Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими, калачами и сайками, а главное, черным хлебом прекрасного качества.

Прилавки и полки левой стороны булочной, имевшей отдельный ход, всегда были окружены толпами, покупавшими фунтиками черный хлеб и ситный. <...>

Черный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило, и старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут.

– Почему же?

– И очень просто! Вода неводская не годится!

Кроме того, – железных дорог тогда еще не было, – по зимам шли обозы с его сухарями, калачами и сайками, на соломе испеченными, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печки, замораживали, везли за тысячу верст, а уже перед самой едой оттаивали – тоже особым способом, в сырых полотенцах, – и ароматные, горячие калачи где-нибудь в Барнауле или Иркутске подавались на стол с пылу, с жару. Калачи на отрубях, сайки на соломе...

И вдруг появилась новинка, на которую покупатель набросился стаей, – это сайки с изюмом...

– Как вы додумались?

– И очень просто! – отвечал старик.

Вышло это, действительно, даже очень просто. В те времена всевластным диктатором Москвы был генерал-губернатор Закревский, перед которым трепетали все. Каждое утро горячие сайки от Филиппова подавались ему к чаю.

– Э-то что за мерзость! Подать сюда булочника Филиппова! – заорал как-то

властитель за утренним чаем.

Слуги, не понимая, в чем дело, притащили к начальству испуганного Филиппова.

– Э-тто что? Таракан?! – и сует сайку с запеченным тараканом. – Э-тто что?!
А?

– И очень даже просто, ваше превосходительство, – поворачивает перед собой сайку старик.

– Что-о?.. Что-о?.. Просто?!

– Это изюминка-с!

И съел кусок с тараканом.

– Врешь, мерзавец! Разве сайки с изюмом бывают? Пошел вон!

Бегом вбежал в пекарню Филиппов, схватил решето изюма да в саечное тесто, к великому ужасу пекарей, и ввалил. Через час Филиппов угощал Закревского сайками с изюмом, а через день от покупателей отбою не было.

Extract 2

Когда еще не было железных дорог, ребяташек привозили в Москву с попутчиками, на лошадях. Какой-нибудь родственник, живущий в Москве, также с попутчиком приезжал на побывку в деревню, одетый в чуйку, картуз с лаковым козырьком, сапоги с калошами, и на жилете – часы с шейной цепочкой. Все его деревенские родные и знакомые восхищались, завидовали, слушая его рассказы о хорошей службе, о житье в Москве. Отец, имеющий сына десяти-двенадцати лет, упрашивал довести его до Москвы к родственникам, в бани. Снаряжают мальчонку чуть грамотного, дают ему две пары лаптей, казинетовую поддевку, две перемены домотканого белья и выхлопатывают паспорт, в котором приходилось прибавлять года, что стоило денег. В Москве мальчика доставляли к родственникам и землякам, служившим в какой-нибудь бане. Здесь его сперва стригут, моют, придают ему городской вид. Учение начинается с «географии». Первым делом показывают, где кабак и как в него проникать через задний ход, потом – где трактир, куда бегать за кипятком, где булочная. И вот будущий москвич вступает в свои права и

обязанности. Работа мальчиков кроме разгона и посылок сливалась с работой взрослых, но у них была и своя, специальная. В два «небанных» дня недели – понедельник и вторник мальчики мыли бутылки и помогали разливать квас, которым торговали в банях, а в «банные» дни готовили веники, которых выходило, особенно по субботам и накануне больших праздников, в некоторых банях по три тысячи штук. Веники эти привозили возами из глухих деревень, особенно много из-под Гжели, связанные лыком попарно. Работа мальчиков состояла в том, чтобы развязывать веники.

Extract 3

И купечество и барство валом валило в новый трактир. Особенно бойко торговля шла с августа, когда помещики со всей России везли детей учиться в Москву в учебные заведения и когда установилась традиция пообедать с детьми у Тестова или в «Саратове» у Дубровина <...>. Петербургская знать во главе с великими князьями специально приезжала из Петербурга съесть тестовского поросенка, раковый суп с расстегаями и знаменитую гурьевскую кашу, которая, кстати сказать, ничего общего с Гурьинским трактиром не имела, а была придумана каким-то мифическим Гурьевым. Кроме ряда кабинетов, в трактире были две огромные залы, где на часы обеда или завтрака именитые купцы имели свои столы, которые до известного часа никем не могли быть заняты. Так, в левой зале крайний столик у окна с четырех часов стоял за миллионером Ив. Вас. Чижевым, бритым, толстенным стариком огромного роста. Он в свой час аккуратно садился за стол, всегда почти один, ел часа два и между блюдами дремал. Меню его было таково: порция холодной белуги или осетрины с хреном, икра, две тарелки ракового супа, селянки рыбной или селянки из почек с двумя расстегаями, а потом жареный поросенок, телятина или рыбное, смотря по сезону. Летом обязательно ботвинья с осетриной, белорыбицей и сухим тертым балыком. Затем на третье блюдо неизменно сковорода гурьевской каши. Иногда позволял себе отступление, заменяя расстегаи байдаковским пирогом – огромной кулебякой с начинкой в двенадцать ярусов, где было все, начиная от слоя налимьей печенки и кончая слоем костяных

мозгов в черном масле. При этом пил красное и белое вино, а подремав с полчаса, уезжал домой спать, чтобы с восьми вечера быть в Купеческом клубе, есть целый вечер по особому заказу уже с большой компанией и выпить шампанского. Заказывал в клубе он всегда сам, и никто из компанейцев ему не противоречил.

– У меня этих разных фоли-жоли да фрикасе-куресе не полагается... По-русски едим – зато брюхо не болит, по докторам не мечемся, полоскаться по заграницам не шатаемся.

И до преклонных лет в добром здравье дожил этот гурман.

Из книги «Москва и москвичи» В.А. Гиляровского

6. Think of the ways of recreating the time difference in the translation of the following extracts. Translate the texts.

Extract 1

Оказывается, Корнеев с участка еще не уходил и уходить не собирается, хотя не спал сутки. Об этом сообщила телефонистка центральной станции. Она сразу узнала Маргулиеса по голосу и назвала его по имени-отчеству – Давид Львович.

Телефонистка центральной была в курсе бетонных работ шестого участка. В этом не было ничего странного. Участок инженера Маргулиеса в данный момент считался одним из самых важных.

– Сейчас я вам дам ячейку, – сказала телефонистка деловито. – Кажется, Корнеев там. Ему только что туда звонила жена. Между прочим, она сегодня уезжает в Москву к тамошнему мужу. Бедный Корнеев! Кстати – как вам нравится Харьков? За одну смену – триста шесть, это прямо феноменально. Ну, пока. Даю ячейку шестого.

Старик в бумажной толстовке снял с окошечка «почтового отделения и государственной трудовой сберегательной кассы» старую картонную папку с надписью «Закрето». Касса помещалась в вестибюле. Старик выглянул из окошка, как кукушка, и начал операции.

Рядом босая простоволосая девочка раскладывала на прилавке газеты и журналы.

Подошел иностранец и купил «Известия» и «Правду». Толстяк в украинской рубашке взял «Humanite» и «Berliner Tageblatt». Старушка выбрала «Мурзилку». Мальчик приобрел «Под знаменем марксизма».

Extract 2

Рядом с черепахой, клячей и велосипедом Шура Солдатова прибывала кирпичом новый плакат: харьковцы тянут на веревке большую калошу, в которой сидит Ханумов в тубетейке, Ермаков в галстук и босой Ищенко.

Красное утопическое солнце освещало допотопный пейзаж, окружавший калошу. Калоша потеряла свое скучное значение. Калоша стала метафорой.

Под калошей крупными синими буквами было написано:

«Харьковцы берут наших бетонщиков на буксир.

Харьковцы дали невиданные темпы – за одну смену 308 замесов, побив мировой рекорд. А мы в калоше сидим.

Довольно стыдно, товарищи!»

Шура стояла на цыпочках на табуретке, закусив губы, и приколачивала плакат кирпичом.

Маргулиес прошел мимо нее и мельком прочел плакат. Улыбнулся.

Шурахватила себя кирпичом по пальцу. Она густо покраснела, но не обернулась, не перестала прибывать.

Extract 3

Тайной причиной раздражения Налбандова были Маргулиес и вчерашний харьковский рекорд.

Сегодня Маргулиес будет бить Харьков. В этом нет никаких сомнений.

Это носилось в воздухе.

Налбандов предвидел это по множеству мельчайших признаков. Он почувствовал это еще вчера вечером. Сегодня это подтверждалось.

Были плакаты, разговоры, намеки, улыбки...

Он ненавидел Маргулиеса.

Он не мог простить ему славы лучшего начальника участка, любви рабочих, популярности на строительстве.

Ибо кто такой был Маргулиес в сравнении с Налбандовым? Грубый практик, скороспелый инженер, демагог и карьерист, не считавшийся с теорией ради достижения дутых производственных эффектов.

Да, Маргулиесу до сих пор везло.

Каждая его победа приводила Налбандова в ярость. Он едва владел собой.

Но вечно так продолжаться не может. Конечно, когда-нибудь Маргулиес себе сломает шею.

И этого ждать недолго. Бить Харьков – это безумие. Бить Харьков значит идти против всех традиций, нарушить элементарные требования техники, совершить грубое насилие над механизмом.

Механизм не прощает насилия.

«Строительство не французская борьба». Еще вчера вечером Налбандов пустил эту мысль по строительству. Ее подхватили. На некоторое время она овладела умами.

Налбандов сдержанно торжествовал.

Но сегодня явилась и полетела по строительству другая мысль: «Темпы в эпоху реконструкции решают все».

Две идеи: «строительство не французская борьба» и «темпы в эпоху реконструкции решают все» – вступили между собою в борьбу, и признаки этой начавшейся борьбы преследовали Налбандова всюду.

Extract 4

– Эх, не вытянут! Не вытянут!

Ханумов не находил себе места. Он ходил взад-вперед вдоль настила и бросал короткие взгляды на моториста.

Вдруг он круто свернул и побежал к Ищенко.

– Эх!

Он поймал Ищенко за рубаху.

– Слушай, Костя! Черт с тобой... Два рычага. Один подымает ковш, другой пускает воду. Разница пять – семь секунд. Соедини проволокой. Будет давать ковш и воду сразу, десять секунд выиграешь на замес. Эх, для себя держал. Ну, ничего, пользуйся. Пей мою кровь. Я тебе все равно – и так и так воткну. Мои хлопцы лучше твоих.

Он резко повернулся и быстро пошел прочь, снимая и надевая на ходу тубетейку.

Ищенко остановился и наморщил лоб. В один миг он ухватил суть дела. Правильно. Два рычага – в один рычаг.

Он бросился к настилу:

– Слесарный ремонт! Кто там на слесарном ремонте? Морозов, соедини рычаги дротом!

– Щебенка! Щебенка! – иступленно кричал Мося. – Щебенка кончается!

Шарахая короткими отсечками пара, медленно подходил паровоз.

Винкич и Георгий Васильевич соскочили с первой площадки. Загремели крюки. Упали борты.

– Принимай щебенку!

Георгий Васильевич был весь, с ног до головы, в белом каменном порошке.

<...>

Мимо бежал Корнеев.

– Понимаете, - сказал он Корнееву, сияя круглыми возбужденными глазами. – Мы им доказываем, как дважды два четыре, что щебенка необходима, а они заявляют, что не имеют права выходить из нормы. Так повысьте же норму, черт возьми, говорим мы, а они ссылаются на заводоуправление. Мы им весьма резонно указываем на необходимость всемирного повышения, а они, изволите ли видеть...

Из романа «Время, вперед!» В. Катаева

3.3 Traits of literature school

☞ To recreate traits of literature school a translator should follow some steps:

✎ read critical works about the author and the text under translation, as well as about the literature school which the text belongs to;

✎ read other work of the same school to see the traits;

✎ read other works by the author to define traits of the school peculiar to the given text;

✎ find out what traits of the same school are peculiar to belles-lettres in the target language;

✎ recreate the traits of literature school in translation using means of the target language and target culture and literature.

If there is no such literature school in the target culture a translator should be very careful in recreating the traits showing the difference between the text and other work in the target culture.

Exercises

1. *Study the characteristic traits of the gothic style in English literature. What is their reflection in the language of literary works?*

2. *Find in the given English text traits of the gothic style. Compare the English text with its translation. Explain what means the translator uses to recreate the traits of the style.*

“I tell you,” said Manfred imperiously, “Hippolita is no longer my wife; I divorce her from this hour. Too long has she cursed me by her unfruitfulness. My	– Говорю вам, – властно заявил Манфред, – Ипполита больше не жена мне; с этого часа я в разводе с ней. Слишком долго ее бесплодие тяготело
---	--

fate depends on having sons, and this night I trust will give a new date to my hopes.”

At those words he seized the cold hand of Isabella, who was half dead with fright and horror. She shrieked, and started from him, Manfred rose to pursue her, when the moon, which was now up, and gleamed in at the opposite casement, presented to his sight the plumes of the fatal helmet, which rose to the height of the windows, waving backwards and forwards in a tempestuous manner, and accompanied with a hollow and rustling sound. Isabella, who gathered courage from her situation, and who dreaded nothing so much as Manfred’s pursuit of his declaration, cried –

“Look, my Lord! see, Heaven itself declares against your impious intentions!”

“Heaven nor Hell shall impede my designs,” said Manfred, advancing again to seize the Princess.

At that instant the portrait of his grandfather, which hung over the bench

проклятием надо мной. Моя судьба зависит от того, будут у меня сыновья или нет, и я верю, что эта ночь предопределит день, когда мои надежды сбудутся.

С этими словами он схватил холодную как лед руку Изабеллы. Ни жива ни мертва от объявшего ее страха и ужаса, Изабелла вскрикнула и вырвалась от него. Манфред вскочил, чтобы настичь ее, как вдруг увидел в свете месяца, теперь уже высоко взошедшего и озарявшего противоположное окно, перья рокового шлема, которые поднимались до самых окон и раскачивались из стороны в сторону, глухо шелестя, словно деревья в бурю. Изабелле отчаяние придало храбрости, и, больше всего страшась настойчивого стремления Манфреда осуществить свой замысел, она крикнула:

– Смотрите, князь, смотрите! Само небо осуждает ваши нечестивые намерения!

– Ни небо, ни ад не помешают мне выполнить то, что я задумал, – ответил Манфред и снова бросился к Изабелле.

В этот момент портрет его деда, висевший над скамьей, на которой они

where they had been sitting, uttered a deep sigh, and heaved its breast. Isabella, whose back was turned to the picture, saw not the motion, nor knew whence the sound came, but started, and said –

“Hark, my Lord! What sound was that?” and at the same time made towards the door.

Manfred, distracted between the flight of Isabella, who had now reached the stairs, and yet unable to keep his eyes from the picture, which began to move, had, however, advanced some steps after her, still looking backwards on the portrait, when he saw it quit its panel, and descend on the floor with a grave and melancholy air.

“Do I dream?” cried Manfred, returning; “or are the devils themselves in league against me? Speak, internal spectre! Or, if thou art my grandsire, why dost thou too conspire against thy wretched descendant, who too dearly pays for –” Ere he could finish the sentence, the vision sighed again, and made a sign to Manfred to follow him.

“Lead on!” cried Manfred; “I will

перед тем сидели, явственно вздохнул и грудь его поднялась и опустилась. Изабелла, стоявшая спиной к портрету, не заметила, как он шевельнулся, и не знала, откуда донесся услышанный ею вздох, но вся задрожала. Произнеся: «Что это, князь? Вы слышите этот звук?» – она бросилась к двери. Манфреду, который не мог отвести глаз от портрета, было в этот момент не до нее, и она успела добраться до лестницы, прежде чем он, заметив ее бегство, сделал несколько шагов ей вослед, озираясь на ожившее изображение, как вдруг портрет покинул раму и, сойдя на пол, с угрюмым и скорбным видом стал перед Манфредом.

– Уж не во сне ли я вижу это? – вскричал Манфред. – Или все дьявольские силы ополчились против меня? Говори, адское виденье! А если ты действительно мой предок, то почему и ты вступил в заговор против своего несчастного потомка, который платит слишком дорогой ценой за то, что...

Он не успел окончить фразу, как призрак снова вздохнул и подал Манфреду знак следовать за ним.

– Веди меня! – воскликнул

follow thee to the gulf of perdition.”

The spectre marched sedately, but dejected, to the end of the gallery, and turned into a chamber on the right hand. Manfred accompanied him at a little distance, full of anxiety and horror, but resolved. As he would have entered the chamber, the door was clapped to with violence by an invisible hand. The Prince, collecting courage from this delay, would have forcibly burst open the door with his foot, but found that it resisted his utmost efforts.

Манфред. – Я пойду за тобой хоть в самую преисподнюю.

Призрак степенно, но с угрюмым видом прошествовал до конца галереи и свернул в горницу направо. Манфред следовал за ним на некотором расстоянии, исполненный тревоги и ужаса, но без колебаний. Когда он захотел войти в горницу вслед за призраком, незримая рука резко захлопнула перед ним дверь. Князь, собрав во время этой задержки всю свою смелость, стал ломиться в дверь, ударяя в нее ногой, но убедился, что она не поддается никаким его усилиям.

From “The Castle of Otranto”, by H. Walpole

Перевод В.Е. Шора

3. Translate the following text.

Isabella and her women tore Hippolita from the corse; but Theodore threatened destruction to all who attempted to remove him from it. He printed a thousand kisses on her clay-cold hands, and uttered every expression that despairing love could dictate.

Isabella, in the meantime, was accompanying the afflicted Hippolita to her apartment; but, in the middle of the court, they were met by Manfred, who, distracted with his own thoughts, and anxious once more to behold his daughter, was advancing to the chamber where she lay. As the moon was now at its height, he read in the countenances of this unhappy company the event he dreaded.

“What! is she dead?” cried he in wild confusion. A clap of thunder at that instant shook the castle to its foundations; the earth rocked, and the clank of more than mortal

armour was heard behind. Frederic and Jerome thought the last day was at hand. The latter, forcing Theodore along with them, rushed into the court. The moment Theodore appeared, the walls of the castle behind Manfred were thrown down with a mighty force, and the form of Alfonso, dilated to an immense magnitude, appeared in the centre of the ruins.

“Behold in Theodore the true heir of Alfonso!” said the vision: And having pronounced those words, accompanied by a clap of thunder, it ascended solemnly towards heaven, where the clouds parting asunder, the form of St. Nicholas was seen, and receiving Alfonso’s shade, they were soon wrapt from mortal eyes in a blaze of glory.

The beholders fell prostrate on their faces, acknowledging the divine will. The first that broke silence was Hippolita.

“My Lord,” said she to the desponding Manfred, “behold the vanity of human greatness! Conrad is gone! Matilda is no more! In Theodore we view the true Prince of Otranto. By what miracle he is so I know not – suffice it to us, our doom is pronounced! shall we not, can we but dedicate the few deplorable hours we have to live, in deprecating the further wrath of heaven? heaven ejects us – whither can we fly, but to yon holy cells that yet offer us a retreat.”

“Thou guiltless but unhappy woman! unhappy by my crimes!” replied Manfred, “my heart at last is open to thy devout admonitions. Oh! could – but it cannot be – ye are lost in wonder – let me at last do justice on myself! To heap shame on my own head is all the satisfaction I have left to offer to offended heaven. My story has drawn down these judgments: Let my confession atone – but, ah! what can atone for usurpation and a murdered child? a child murdered in a consecrated place? List, sirs, and may this bloody record be a warning to future tyrants!”

From “The Castle of Otranto”, by H. Walpole

4. Study the characteristic traits of postmodernism in English literature. What is their reflection in the language of literary works?

5. Find in the given extracts traits of postmodernism. Translate the extracts.

Extract 1

My father had died at the same age. I had always imagined that his would be the harder death, because I had loved him the more, whereas at best I could only be irritated fond of my mother. But it worked the other way round: what I had expected to be the lesser death proved more complicated, more hazardous. His death was just his death; her death was their death. And the subsequent house-clearing turned into an exhumation of what we had been as a family – not that we really were one after the first thirteen or fourteen years of my life. Now, for the first time, I went through my mother's hadbag. Apart from the usual stuff, it contained a cutting from the *Guardian* listing the twenty-five greatest post-war English batsmen (though she never read the *Guardian*); and a photo of our childhood dog Max, a golden retriever. This was inscribed on the back in an unfamiliar hand 'Maxim: le chien', and must have been taken, or at least annotated, in the early 1955 by P., one of my father's French *assistants*.

Extract 2

My brother distrusts the essential truth of memoirs; I distrust the way we colour them in. We each have our own cheap mail-order paintbox, and our favourite hues. Thus, I remembered Grandma a few pages ago as 'petite and unopinionated'. My brother, when consulted, takes out his paintbrush and counterproposes 'short and bossy'. His mental album also contains more snaps than mine of a rare three-generational family outing to Lundy Island in the early 1950s. For Grandma it was almost certainly the only time she left the British landmass; for Grandpa, his first since returning from France in 1917. The sea was choppy that day, Grandma wretchedly sick, and when we reached Lundy we were told it was too rough for us to disembark. My memories of all this are faded sepia, my brother's still lurid. He describes how Grandma spent the whole trip below deck, vomiting into a succession of plastic beakers, while Grandpa, flat cap pulled down over his eyebrows, doggedly received each filled receptacle. Instead of disposing of them, he lined

all the beakers up on a shelf, as if to embarrass her. This is, I think, my brother's favourite childhood memory.

Extract 3

So if, as we approach death and look back on our lives and 'we understand our narrative' and stamp a final meaning upon it, I suspect we are doing little more than confabulating: processing strange, incomprehensible, contradictory input into some kind, any kind, of believable story – but believable mainly to ourselves. I do not object to this atavistic need for narrative – not least since it is how I make my living – but I am suspicious of it. I would expect a dying person to be an unreliable narrator, because what is useful to us generally conflicts with what is true, and what is useful at that time is a sense of having lived to some purpose, and according to some comprehensible plot. <...>

A man writes a book about death. Between the time he thinks of his opening line – 'Let's get this death thing straight' – and the time he types his actual and different opening line, approximately 750,000,000 people in the world will have died. During his writing of the book, a further 75,000,000 or so die. Between his delivering the book to publishers and its appearance, a further 45,000,000 die. When you look at those figures, Edmond de Goncourt's argument – about any divine bookkeeper being far too overworked if He accorded us all some further existence – feels almost plausible.

In one of my novels I had a character imagine that there must be other possibilities beyond the brute either/or, the ultimate would-you-rather, of 1. God exists, or 2. God doesn't exist. So there were various alluring heresies, like: 3. God used to exist, but doesn't any more; 4. God does exist, but has abandoned us; 8. God did exist, and will exist again, but doesn't exist at the moment – He is merely taking a divine sabbatical (which would explain a lot); and so on. My character got up to number 15 (there is no God, but there is eternal life) by the time he, and I, reached the end of our imagining powers.

One possibility we didn't consider was that God is the ultimate ironist. Just as scientists set up laboratory experiments with rats, mazes and pieces of cheese placed behind the correct door, so God might have set up His own experiment, with us playing rat. Our task is to locate the door behind which eternal life is hidden. Near one possible

exit we hear distant ethereal music, near another smell a whiff of incense; golden light gleams around a third. We press against all these doors, yet none of them yields. With increasing urgency – for we know that the cunning box we find ourselves in is called mortality – we try to escape. But what we don't understand is that our non-escaping is the whole point of the experiment. There are many fake doors, but no real one, because there is no eternal life. The game thought up by God the ironist is this: to plant immortal longings in an undeserving creature and then observe the consequences. To watch these humans, freighted with consciousness and intelligence, rushing around like frantic rats. To see how one group of them instructs everyone else that *their* door (which even they can't open) is the only correct one, and then perhaps starts killing anyone who puts money on a different door. Wouldn't that be fun?

The experimenting, ironic, games-playing God. Why not? If God made man, or man made God, in His or his own image, then *homo ludens* implies *Deus ludens*. And the other favourite game He gets us to play is called Does God Exist? He gives various clues and arguments, drops hints, appoints agents provocateurs on both sides (didn't that Voltaire do a good job?), then sits back with a beatific smile on His face and watches us try to work it out. And don't think that a quick and craven acceptance – Yes, God, we always knew you were there from the start, before anyone else said so, You're the man! – will cut any ice with this fellow. If God were a class act, I suspect He would approve of Jules Renard.

From "Nothing to Be Frightened of", by J. Barnes

6. Translate the following extracts paying attention to the traits of postmodernism.

Extract 1

Долго не решался, не хотел, не мог ничего написать. Только сегодня удалось как-то собраться с мыслями, силами, настроениями и чувствами. Итак, я выяснил, кто я, что я, зачем и куда. Это грандиозно и кошмарно.

Я – клон, то есть точная копия такого же меня, который живет во внешнем мире. Я – половинка, я – часть, я – дробь, но я же и целое; все, что есть у него (меня), есть и у меня (него), только я – здесь, а он – там.

Попытаюсь, хотя бы сумбурно, записать здесь то, что я узнал.

Клонирование было впервые осуществлено в конце двадцатого века... Некий доктор клонировал какую-то овцу, и принцип стал понятен. Клонирование людей сперва запретили, но подпольно оно вскоре было произведено, а затем и официально. Сперва клонирование было осуществимо только внедрением взятого у младенца ДНК в другую женщину, но затем научились производить клонов в пробирках, так что каждый человек мог получить свое «второе я», которое было его младше на девять месяцев. После жуткого мора, вызванного каким-то разработанным военными вирусом, население планеты резко сократилось, умерли негры, евреи, монголоидная раса – почти вся... И остались одни беловолосые блондины с голубыми глазами. Вирус в конце концов был побежден, но тут произошло резкое смещение земной оси, вызванное перегруженностью мира добытыми и сконцентрированными в определенных местах Земли тяжелыми металлами. Вследствие этого пригодной для жизни осталась лишь южная половина Северной Америки и северная часть Британских островов. Люди объединились в одно государство – самое блистательное из блистательных... Но их оставалось очень мало. Тут вспомнили про клонирование... Вначале клонов производили в любых количествах (не меньше одного на каждую семью) и рассылали в разные географические точки, так, чтобы они по возможности никогда не могли бы встретиться. Но это была чисто утопическая идея. Человек вырастал один, понимал, что он – клон, пытался найти самого себя первого, свою семью, и так далее... Случались неприятные встречи, убийства, которые все труднее и труднее было раскрыть, ибо зачастую сами родители, поняв, что вместо их любимого сына живет и действует его клон, убивший того, кого они произвели на свет естественно-половым путем, и незаметно занявший его место, не желали его выдать, боясь потерять хотя бы этого клона. А какая разница, в конце концов?... Ведь клон и есть он. Часто женщины, недовольные своим браком, разыскивали клонов своих мужей, и, либо убегали к ним, либо опять-таки, что случалось гораздо чаще, убивали природнорожденных (их стали называть «натуралы») и припеваючи жили с клонами. Особо ретивые так делали неоднократно, если клонов хватало. Мужчины

ни в чем им не уступали, в результате создание новых семей стало большой проблемой, так как никто этого не хотел и каждый дико за себя боялся, поскольку клонов имели все. Иногда, впрочем, клоны подруживались и создавали целые коммуны. Имели место и случаи любви к своим клонам, часто обоюдной. Короче, наступил полный бардак и дурдом. Чаша всеобщего маразма была переполнена, когда вследствие скрытого правительственного заговора, кучка высокопоставленных врачей поменяла Президента на его клон. Заговор был раскрыт наблюдательным личным секретарем, обратившим внимание на странные провалы памяти у Президента и его грубые ошибки в биохимии, чего просто не могло быть, так как все знали, что Президент – золотой медалист Университета Народных Отношений. Загвоздка всей ситуации осложнялась еще и тем, что тогда нельзя было определить никаким анализом, кто клон, а кто – нет. Этим, кстати, и пользовались раскрытые клоны, когда им не удавалось сразу убить своего первого «я», и их неудачный налет превращался в бесконечную драку с самим собой. Иногда приходилось кидать жребий. Но тут группа врачей под руководством Соколова и Микитова нашла, наконец, некий способ четкого распознавания, кто есть кто. Наступила так называемая Эра Анализов. Было поголовно проверено все население обитаемой Земли. Выявленных при этом клонов хватало и сажали в специальные тюрьмы, реорганизованные затем в резервации, несмотря ни на какие протесты их близких – «натуралов». Порядок временно наступил, но все общество превратилось в один большой концлагерь, в котором одни сидели пожизненный срок, а другие их пожизненно охраняли. Конечно, это не могло понравиться клонам, и вскоре разразилась война. Война, в которой никто ничего не понимал, где каждый пытался доказать, что он – «натурал», либо, наоборот, клон, где каждый пытался убить другого самого себя и остаться в единственном числе, и все в таком духе. Высокопоставленные врачи, заблокировавшись в своем спецбункере и отгородившись от жуткой непонятной бойни, конца которой не было видно, опять, в результате длительных опытов, нашли средство. Научная группа под руководством Джейн Пепси и Рональда Кола придумала яд, убивающий только клонов. Этим ядом отравили воду по всей стране; клоны начали немедленно умирать. В результате

умерла половина членов правительства и несколько высокопоставленных врачей. Президент, который был в курсе этого проекта, остался жив. На долгие годы наступили кошмар и разруха, трупный запах объял всю Землю. Потом, через много времен, когда пришло относительное спокойствие, и все ужасы были подзабыты, человечество вновь вернулось к клонированию. Но, памятуя прежние ошибки, решили производить клонов только для трансплантации органов. Ты живешь, живешь, у тебя печень пришла в полную негодность – а вот тебе клоновская, твоя же, но новая. И так со всем. Для этого клонов вводили в состояние полной комы, либо одевали, чтобы они ничего не соображали и не представляли бы никакой опасности. Но потом было замечено, что развитие остального организма при полном идиотизме, или коме, происходит замедленно и плохо, и это влияет на столь нужные «натуралам» сердце, почки, печень, селезенку и так далее. Тогда... Тут я, наконец, подхожу к тайне самого себя... Тогда было решено вырастить клонов в закрытых подземельях, совершенно в нормальном, адекватном состоянии, но так, чтобы они никогда не смогли проникнуть за стены своей комнаты и врачебного кабинета; изолировать их друг от друга, дать им минимум информации о мире и о себе, постоянно производить над ними медпроцедуры, следя за здоровьем, ну, а когда понадобится – использовать по назначению. Это, наконец, устроило всех, и наступила Эра Всеобщего Процветания. Более того, скоро это стало настолько засекречено, что «натуралы» перестали даже догадываться, что у них где-то есть их клоны. Итак: ни они ничего не знают, ни мы ничего не знаем, все хорошо, все спокойно. И когда, например, моя почка понадобится ему (мне), я не пойму зачем мне ее вырезали, а он не задумается, откуда она, собственно, взялась. Вот так, оказывается, обстоят дела.

Изложив все это на печатной машинке, я еще раз это прочувствовал и пережил, и теперь устало иду спать, пока не зная, что мне делать дальше. Очевидно, я навсегда потерял душевный покой, что, конечно же, будет заметно на медпроцедуре. Лучше бы я не вскрывал этот гениальный компьютерный шифр!... Лучше бы я, наверное, не родился. Точнее, лучше бы меня (его) не клонировали!

Из рассказа «Дневник клона» Е. Радова

Extract 2

Я живу в моем блистательном мире, подвешенный на своей ветке, среди сверкающих изумрудов листвы вокруг и солнечного блеска надо мной. Листва – моя еда, мой сладостный пир, мое вечное занятие и предназначение, пока я здесь; моя любовь и моя среда. Дерево жизни необъемлемо, словно весь мир; небо недосыгаемо и недостижимо, поскольку оно находится прямо надо мной и касается меня лаской своего воздуха; а жизнь есть остановленное мгновение, поскольку ничто не может произойти и случиться ни с деревом, ни с небом, ни со мной, пока солнце зажигает свои лучи при каждом моем пробуждении и призывает меня к жизни и возжеленной листве, и пока я существую, висю на своей ветке.

И я жую, жую, жую. Идут дожди сквозь солнце, стекающие по мне, летят бабочки с огненным узором крыльев, садящиеся мне на лицо, отдыхая от любви и полета, наступает влажная сушь и дует ветер, убаюкивающий меня, – я все так же продолжаю жевать, упиваясь, наслаждаясь своим жеванием и вкусом моей лучшей в мире еды, которой так много вокруг.

И ничего не может измениться, поскольку все замерло и застыло в этом самом лучшем моем мире; и блаженная вечность обволакивает меня своим мягким теплом в тот самый миг, когда я забываю время.

Иногда я передвигаюсь к центру древа жизни и встречаюсь со своим народом – лучшим из всех, и мы вежливо и дружелюбно здороваемся, почти целуемся и обнимаемся, не в силах скрыть радостных чувств, а потом висим все вместе, стараясь максимально сблизиться и ощутить свое вечное единство; все жуют, и я жую, и мы превращаемся в истинное жующее и висящее совершенство, созданное из самих себя, и внутренний свет нашего древа согревает наши души и озаряет наш соборный дух. Мир совершенен, и мой народ – тем более. И мы так любим друг друга.

Сегодня я висел и жевал, пребывая в раю этих самых лучших в мире занятий, как вдруг все вокруг потемнело и начался страшный ливень с диким ветром, раскачивающим меня туда-сюда со страшной силой. Я все равно жевал, но этот дьявольский ураган был так кошмарен, что иногда целыми пачками стрясывал

своим резким порывом листья с ветки прямо буквально у моих губ, когда они нежно хотели их сорвать. Это было достаточно неприятно и неожиданно. Тут вдруг небо – обычно столь дружелюбное и голубое – испещрилось молниеносными разрядами изломанных мгновенных ярких вспышек, одна из которых угодило в соседнее дерево. Раздался треск; святую листву обуял огонь. Я впал в какое-то оцепенение и пришел в себя, когда все закончилось, и вновь воссияло солнце, и наступила влажная тихая сушь. Я обернулся на соседнее дерево – оно было обугленным и страшным; редкие листочки трепетали под мягким ветерком. Мне стало страшно – впервые в жизни.

Значит, наш мир не так совершенен, как я представлял? Что было бы, если бы ужасная вспышка попала в наше дерево жизни?...

Я подумал какое-то время, а потом внезапно понял, что этого никогда не могло бы случиться. Ибо я рожден для счастья и пребываю в счастье, а судьба других вещей – их личное дело, их личная судьба. Я все-таки переволновался, но успокоенный и приободренный своим выводом после пережитого, я пожевал еще листьев, которые показались мне особенно вкусны, и погрузился в долгий сладостный сон.

Из рассказа «Сны ленивца» Е. Радова

3.4 Author's style

 To recreate author's style a translator should:

 read critical works about the author and the text under translation to define characteristics of the style;

 read other works by the author to study the style and define peculiar traits of the text under translation;

 recreate the style in translation using means of the target language.

Exercises

1. Study the style of Ernest Hemingway, define its characteristic traits. Find in the given text units representing the author's style. Read the translation. Has the translator managed to represent Hemingway's style? Give reasons and examples.

The train went on up the track out of sight, around one of the hills of burnt timber. Nick sat down on the bundle of canvas and bedding the baggage man had pitched out of the door of the baggage car. There was no town, nothing but the rails and the burned-over country. The thirteen saloons that had lined the one street of Seney had not left a trace. The foundations of the Mansion House hotel stuck up above the ground. The stone was chipped and split by the fire. It was all that was left of the town of Seney. Even the surface had been burned off the ground.

Nick looked at the burned-over stretch of hillside, where he had expected to find the scattered houses of the town and then walked down the railroad track to the bridge over the river. The river was there. It swirled against the log spiles of the bridge. Nick looked down into the clear, brown water, colored from the pebbly bottom, and watched the trout keeping themselves steady in the current with wavering fins. As

Поезд исчез за поворотом, за холмом, покрытым обгорелым лесом. Ник сел на свой парусиновый мешок с припасами и постелью, которые ему выбросили из багажного вагона. Города не было, ничего не было, кроме рельсов и обгорелой земли. От тринадцати салунов на единственной улице Сеней не осталось и следа. Торчал из земли голый фундамент «Гранд-отеля». Камень от огня потрескался и раскрошился. Вот и все, что осталось от города Сеней. Даже верхний слой земли обратился в пепел.

Ник оглядел обгорелый склон, по которому раньше были разбросаны дома, затем пошел вдоль путей к мосту через реку. Река была на месте. Она бурлила вокруг деревянных свай. Ник посмотрел вниз, в прозрачную воду, темную от коричневой гальки, устилавшей дно, и увидел форелей, которые, подрагивая плавниками, неподвижно висели в потоке. Пока он смотрел, они вдруг

he watched them they changed their positions by quick angles, only to hold steady in the fast water again. Nick watched them a long time.

He watched them holding themselves with their noses into the current, many trout in deep, fast moving water, slightly distorted as he watched far down through the glassy convex surface of the pool, its surface pushing and swelling smooth against the resistance of the log-driven piles of the bridge. At the bottom of the pool were the big trout. Nick did not see them at first. Then he saw them at the bottom of the pool, big trout looking to hold themselves on the gravel bottom in a varying mist of gravel and sand, raised in spurts by the current.

Nick looked down into the pool from the bridge. It was a hot day. A kingfisher flew up the stream. It was a long time since Nick had looked into a stream and seen trout. They were very satisfactory. As the shadow of the kingfisher moved up the stream, a big trout shot upstream in a long angle, only his shadow marking the angle, then lost his shadow as he came through the surface of the water, caught the sun, and then, as he went back into the stream under

изменили положение, быстро вильнув под углом, и снова застыли в несущейся воде. Ник долго смотрел на них.

Он смотрел, как они держатся против течения, множество форелей в глубокой, быстро бегущей воде, слегка искаженных, если смотреть на них сверху, сквозь стеклянную выпуклую поверхность бочага, в котором вода вздувалась от напора на сваи моста. Самые крупные форели держались на дне. Сперва Ник их не заметил. Потом он вдруг увидел их на дне бочага, — крупных форелей, старавшихся удержаться против течения на песчаном дне в клубах песка и гравия, взметенных потоком.

Ник смотрел в бочаг с моста. День был жаркий. Над рекой вверх по течению пролетел зимородок. Давно уже Нику не случалось смотреть в речку и видеть форелей. Эти были очень хороши. Когда тень зимородка скользнула по воде, вслед за ней метнулась большая форель, ее тень вычертила угол; потом тень исчезла, когда рыба выплеснулась из воды и сверкнула на солнце; а когда она опять погрузилась, ее тень, казалось,

the surface, his shadow seemed to float down the stream with the current, unresisting, to his post under the bridge where he tightened facing up into the current.

Nick's heart tightened as the trout moved. He felt all the old feeling.

He turned and looked down the stream. It stretched away, pebbly-bottomed with shallows and big boulders and a deep pool as it curved away around the foot of a bluff.

Nick walked back up the ties to where his pack lay in the cinders beside the railway track. He was happy. He adjusted the pack harness around the bundle, pulling straps tight, slung the pack on his back, got his arms through the shoulder straps and took some of the pull off his shoulders by leaning his forehead against the wide band of the tump-line. Still, it was too heavy. It was much too heavy. He had his leather rod-case in his hand and leaning forward to keep the weight of the pack high on his shoulders he walked along the road that paralleled the railway track, leaving the burned town behind in the heat, and then turned off around a hill with a high, fire-

повлекло течением вниз, до прежнего места под мостом, где форель вдруг напряглась и снова повисла в воде, головой против течения.

Когда форель шевельнулась, сердце у Ника замерло. Прежнее ощущение ожило в нем.

Он повернулся и взглянул вниз по течению. Река уходила вдаль, выстланная по дну галькой, с отмелями, валунами и глубокой заводью в том месте, где река огибала высокий мыс.

Ник пошел обратно по шпалам, туда, где на золе около рельсов лежал его мешок. Ник был счастлив. Он расправил ремни, туго их затянул, взвалил мешок на спину, продел руки в боковые петли и постарался ослабить тяжесть на плечах, налегая лбом на широкий головной ремень. Все-таки мешок был очень тяжел. Слишком тяжел. В руках Ник держал кожаный чехол с удочками, и, наклоняясь вперед, чтобы переместить тяжесть повыше на плечи, он пошел по дороге вдоль полотна, оставляя позади, под жарким солнцем, городское пожарище, потом свернул в сторону между двух высоких обгорелых холмов и

scarred hill on either side onto a road that went back into the country. He walked along the road feeling the ache from the pull of the heavy pack. The road climbed steadily. It was hard work walking up-hill. His muscles ached and the day was hot, but Nick felt happy. He felt he had left everything behind, the need for thinking, the need to write, other needs. It was all back of him.

From the time he had gotten down off the train and the baggage man had thrown his pack out of the open car door things had been different. Seney was burned, the country was burned over and changed, but it did not matter. It could not all be burned. He knew that. He hiked along the road, sweating in the sun, climbing to cross the range of hills that separated the railway from the pine plains.

The road ran on, dipping occasionally, but always climbing. Nick went on up. Finally the road after going parallel to the burnt hillside reached the top. Nick leaned back against a stump and slipped out of the pack harness. Ahead of him, as far as he could see, was the pine

выбрался на дорогу, которая вела прочь от полотна. Он шел по дороге, чувствуя боль в спине от тяжелого мешка. Дорога все время шла в гору. Подниматься в гору было трудно. Все мускулы у Ника болели, и было жарко, но Ник был счастлив. Он чувствовал, что все осталось позади, не нужно думать, не нужно писать, ничего не нужно. Все осталось позади.

За это время – с той минуты, как он сошел с поезда и ему выбросили мешок из багажного вагона, – Ник увидел, что многое изменилось. Сеней сгорел, и склоны кругом обгорели и стали совсем другими, но это ничего. Все не могло же сгореть. Ник был в этом уверен. Он брел по дороге, весь в поту под жарким солнцем, поднимаясь в гору, чтобы пересечь цепь холмов, отделявшую полотно железной дороги от лесистой равнины.

Дорога шла то вверх, то вниз, но в общем все поднималась. Ник шел все дальше в гору. Наконец дорога, некоторое время тянувшаяся вдоль обгорелого склона, вывела его на вершину холма. Ник прислонился к пню и сбросил плечевые ремни. Прямо перед

plain. The burned country stopped off at the left with the range of hills. On ahead islands of dark pine trees rose out of the plain. Far off to the left was the line of the river. Nick followed it with his eye and caught glints of the water in the sun.

There was nothing but the pine plain ahead of him, until the far blue hills that marked the Lake Superior height of land. He could hardly see them, faint and far away in the heat-light over the plain. If he looked too steadily they were gone. But if he only half-looked they were there, the far-off hills of the height of land.

Nick sat down against the charred stump and smoked a cigarette. His pack balanced on the top of the stump, harness holding ready, a hollow molded in it from his back. Nick sat smoking, looking out over the country. He did not need to get his map out. He knew where he was from the position of the river.

As he smoked, his legs stretched out in front of him, he noticed a grasshopper walk along the ground and up onto his

ним, сколько он мог охватить взглядом, раскинулась равнина. Следы пожара кончались слева, у подножья холмов. Среди равнины были разбросаны островки темного соснового леса. Вдали, налево, виднелась река. Ник проследил ее взглядом и уловил блеск воды на солнце.

Равнина раскинулась до самого горизонта, где далекие голубые холмы отмечали границу возвышенности Верхнего озера. Далекое и неясное, они были едва видны сквозь дрожащий от зноя воздух над залитой солнцем равниной. Если пристально глядеть на них, они пропадали. Но если взглядывать на них вскользь, они были там, далекие холмы Верхнего озера.

Ник сел на землю, прислонился к обгорелому пню и закурил. Мешок лежал на пне, с ремнями наготове, на нем еще оставалась вмятина от спины Ника. Ник сидел, курил и глядел по сторонам. Ему незачем было доставать карту. По положению реки он и так мог сказать, где находится.

Пока Ник курил, вытянув ноги, он заметил, что с земли на его шерстяной носок взобрался кузнечик. Кузнечик был

woolen sock. The grasshopper was black. As he had walked along the road, climbing, he had started many grasshoppers from the dust. They were all black. They were not the big grasshoppers with yellow and black or red and black wings whirring out from their black wing sheathing as they fly up. These were just ordinary hoppers, but all a sooty black in color. Nick had wondered about them as he walked, without really thinking about them. Now, as he watched the black hopper that was nibbling at the wool of his sock with its fourway lip, he realized that they had all turned black from living in the burned-over land. He realized that the fire must have come the year before, but the grasshoppers were all black now. He wondered how long they would stay that way.

Carefully he reached his hand down and took hold of the hopper by the wings. He turned him up, all his legs walking in the air, and looked at his jointed belly. Yes, it was black too, iridescent where the back and head were dusty.

черный. Когда Ник шел по дороге в гору, у него из-под ног все время выскакивали кузнечики. Все они были черные. Это были не те крупные кузнечики, у которых, когда они взлетают, под черными надкрыльями с треском раскрываются желтые с черным или красные с черным крылышки. Это были самые обыкновенные кузнечики, но только черные, как сажа. Ник обратил на них внимание, еще когда шел по дороге, но тогда он над этим не задумался. Теперь, глядя, как черный кузнечик пощипывает ворс на его носке, он сообразил, что они стали черными, оттого что жили на обугленной земле. Пожар, должно быть, случился в прошлом году, но кузнечики и сейчас были черные. Любопытно бы знать, сколько еще времени они останутся черными?

Он осторожно протянул руку и поймал кузнечика за крылья. Ник перевернул его – кузнечик при этом все время перебирал лапками в воздухе – и стал рассматривать его кольчатое брюшко. Да, и брюшко тоже было черное, переливчатое, а голова и спина тусклые.

“Go on, hopper,” Nick said, speaking out loud for the first time. “Fly away somewhere.”

He tossed the grasshopper up into the air and watched him sail away to a charcoal stump across the road.

Nick stood up. He leaned his back against the weight of his pack where it rested upright on the stump and got his arms through the shoulder straps. He stood with the pack on his back on the brow of the hill looking out across the country toward the distant river and then struck down the hillside away from the road. Underfoot the ground was good walking. Two hundred yards down the hillside the fire line stopped. Then it was sweet fern, growing ankle high, to walk through, and clumps of jack pines; a long undulating country with frequent rises and descents, sandy underfoot and the country alive again.

– Ну, ступай, кузнечик, – сказал Ник; в первый раз он заговорил громко. – Лети себе.

Он подбросил кузнечика в воздух и проводил его взглядом, когда тот полетел через дорогу к обугленному пню.

Ник поднялся на ноги. Он прислонился спиной к своему мешку, лежащему на пне, и продел руки в ременные петли. Он стоял на вершине холма с мешком на спине и глядел через равнину вдаль, на реку, потом свернул с дороги и стал спускаться напрямик по склону холма. По обгорелой земле было легко идти. Шагах в двухстах от склона следы пожара прекращались. Дальше начинался высокий, выше щиколотки, мягкий дрок и сосны небольшими островками; волнистая равнина с песчаной почвой, с частыми подъемами и спусками, зеленая и полная жизни.

From “Big Two-Hearted River”, by E. Hemingway

Перевод О. Холмской

2. Study the style of Ivan Shmelyev, define its characteristic traits. Translate the following extracts.

Extract 1

А какой-то завтра денечек будет?.. Красный денечек будет – такой и на Пасху будет. Смотрю на небо – ни звездочки не видно.

Мы идем от всенощной, и Горкин все напевает любимую молитвочку –... «благодатная Мария, Господь с Тобо-ю...» Светло у меня на душе, покойно. Завтра праздник такой великий, что никто ничего не должен делать, а только радоваться, потому что если бы не было Благовещенья, никаких бы праздников не было Христовых, а как у турок. Завтра и поста нет: уже был «перелом поста – щука ходит без хвоста». Спрашиваю у Горкина: «А почему без хвоста?»

– А лед хвостом разбивала и поломала, теперь без хвоста ходит. Воды на Москва-реке на два аршина прибыло, вот-вот ледоход пойдет. А денек завтра ясный будет! Это ты не гляди, что замолаживает... это снега дышут-тают, а ветерок-то на ясную погоду.

Горкин всегда узнает, по дощечке: дощечка плотнику всякую погоду скажет. Постукает горбушкой пальца, звонко если – хорошая погода. Сегодня стучал: поет дощечка! Благовещенье... и каждый должен обрадовать кого-то, а то праздник не в праздник будет. Кого ж обрадовать? А простит ли отец Дениса, который пропил всю выручку? Денис живет на реке, на портомойне, собирает копейки в сумку, – и эти копейки пропил. Сколько дней сидит у ворот на лавочке и молчит. Когда проходит отец, он вскакивает и кричит по-солдатски «Здравия желаю!» А отец все не отвечает, и мне за него стыдно. Денис солдат, какой-то «гвардеец», с серебряной серьгой в ухе. Сегодня что-то шептался с Горкиным и моргал. Горкин сказал: «Попробуй, ладно... живой рыбки-то не забудь!» Денис знаменитый рыболов, приносит всегда лещей, налимов, – только как же теперь достать?

– Завтра с тобой и голубков, может, погоняем... первый им выгон сделаем. Завтра и голубиный праздничек, Дух-Свят в голубке сошел. То на Крещение, а то на Благовещенье. Богородица голубков в церковь носила, по ее так и повелось.

И ни одной-то не видно звездочки!

Extract 2

Солнце, трезвон и гомон. Весь двор наш – праздник. На розовых и золотисто-белых досках, на бревнах, на лесенках амбаров, на колодце, куда ни глянешь, – всюду пестрят рубахи, самые яркие, новые, пасхальные: красные, розовые, желтые, кубовые, в горошек, малиновые, голубые, белые, в поясках. Непокрытые головы блестят от масла. Всюду треплются волосы враскачку – христосуются трижды. Гармошек нет. Слышится только чмоканье. Пришли рабочие разговляться и ждут хозяина. Мы разговлялись ночью, после заутрени и обедни, а теперь – розговины для всех. Все сядем за столы с народом, под навесом, так повелось от «древности», объяснил мне Горкин, – от бабушки. Василь Василич Косой, старший приказчик, одет парадно. На сапогах по солнцу. Из-под жилетки – новая, синяя, рубаха, шерстяная. Лицо сияет, и видно в глазу туман. Он уже нахристосовался как следует. Выберет плотника или землекопа, всплеснет руками, словно лететь собрался, и облапит:

- Ва-ся!.. Что же не христосуешься с Василь Василичем?.. Старого не помню... ну?

И все христосуется и чмокает. И я христосуюсь. У меня болят губы, щеки, но все хватают, сажают на руки, трут бородой, усами, мягкими, сладкими губами. Пахнет горячим ситцем, крепким каким-то мылом, квасом и деревянным маслом. И веет от всех теплом. Старые плотники ласково гладят по головке, суют яичко. Некуда мне девать, и я отдаю другим. Я уже ничего не разбираю: так все пестро и громко, и звон-трзвон. С неба падает звон, от стекол, от крыш и сеновалов, от голубей, с скворешни, с распушившихся к Празднику берез, льется от этих лиц, веселых и довольных, от режущих глаз рубах и поясков, от новых сапог начищенных, от мелькающих по рукам яиц, от встряхивающихся волос враскачку, от цепочки Василь Василича, от звонкого вскрика Горкина. Он всех обходит по череду и чинно. Скажет-вскрикнет «Христос Воскресе!» – радостно-звонко вскрикнет – и чинно, и трижды чмокнет.

Входит во двор отец. Кричит:

– Христос Воскресе, братцы! С Праздником! Христосоваться там будем.

Валят толпой к навесу. Отец садится под «траспарат». Рядом Горкин и Василь Василич. Я с другой стороны отца, как молодой хозяин. И все по ряду. Весело глазам: все пестро. Куличи и пасхи в розочках, без конца. Крашеные яички, разные, тянутся по столам, как нитки. Возле отца огромная корзина, с красными. Христосуются долго, долго. Потом едят. Долго едят и чинно. Отец уходит. Уходит и Василь Василич, уходит Горкин. А они все едят. Обедают. Уже не видно ни куличей, ни пасочек, ни длинных рядов яичек: все съедено. Земли не видно, – все скорлупа цветная.

Из книги «Лето Господне» И.С. Шмелева

3. Study the style of Andrey Platonov, define its characteristic traits. Translate the following extracts.

Extract 1

Чиклина не было, он ходил по местности вокруг кафельного завода. Все находилось в прежнем виде, только приобрело ветхость отживающего мира; уличные деревья рассыхались от старости и стояли давно без листьев, но кто-то существовал еще, притаившись за двойными рамами в маленьких домах, живя прочней дерева. В молодости Чиклина здесь пахло пекарней, ездили угольщики и громко пропагандировалось молоко с деревенских телег. Солнце детства нагревало тогда пыль дорог, и своя жизнь была вечностью среди синей, смутной земли, которой Чиклин лишь начинал касаться босыми ногами. Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами.

Непрерывно действующее чувство жизни Чиклина доводило его до печали тем более, что он увидел один забор, у которого сидел и радовался в детстве, а сейчас тот забор заиндевел мхом, наклонился, и давние гвозди торчали из него, освобождаемые из тесноты древесины силой времени; это было грустно и таинственно, что Чиклин мужал, забывчиво тратил чувство, ходил по далеким местам и разнообразно трудился; а старик забор стоял неподвижно и, помня о нем,

все же дождался часа, когда Чиклин прошел мимо него и погладил забвенные всеми тесины отвыкшей от счастья рукой.

Кафельный завод был в травянистом переулке, по которому насквозь никто не проходил, потому что он упирался в глухую стену кладбища. Здание завода теперь стало ниже, ибо постепенно вращало в землю, и безлюдно было на его дворе. Но один неизвестный старичок еще находился здесь – он сидел под навесом для сырья и чинил лапти, видно, собираясь отправляться в них обратно в старину.

Extract 2

В день тридцатилетия личной жизни Вощеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда.

Вощев взял на квартире вещи в мешок и вышел наружу, чтобы на воздухе лучше понять свое будущее. Но воздух был пуст, неподвижные деревья бережно держали жару в листьях, и скучно лежала пыль на безлюдной дороге – в природе было такое положение. Вощев не знал, куда его влечет, и облокотился в конце города на низкую ограду одной усадьбы, в которой приучали бессемейных детей к труду и пользе. Дальше город прекращался – там была лишь пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий, стоявшая, как учреждение, без всякого двора, а за пивной возвышался глиняный бугор, и старое дерево росло на нем одно среди светлой погоды. Вощев добрал до пивной и вошел туда на искренние человеческие голоса. Здесь были невыдержанные люди, предававшиеся забвению своего несчастья, и Вощеву стало глуше и легче среди них. Он присутствовал в пивной до вечера, пока не зашумел ветер меняющейся погоды; тогда Вощев подошел к открытому окну, чтобы заметить начало ночи, и увидел дерево на глинистом бугре – оно качалось от непогоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья. Где-то, наверно в саду совторгслужащих, томился духовой оркестр: однообразная, несбывающаяся музыка уносилась ветром в природу через приовражную пустошь, потому что ему редко полагалась радость, но ничего не мог совершить

равнозначного музыке и проводил свое вечернее время неподвижно. После ветра опять настала тишина, и ее покрыл еще более тихий мрак. Вошев сел у окна, чтобы наблюдать нежную тьму ночи, слушать разные грустные звуки и мучиться сердцем, окруженным жесткими каменистыми костями.

Extract 3

Пройдя некоторое расстояние, они остановились на пути, потому что с правой стороны улицы без труда человека открылись одни ворота, и через них стали выходить спокойные лошади. Ровным шагом, не опуская голов к растущей пище на земле, лошади сплоченной массой миновали улицу и спустились в овраг, в котором содержалась вода. Напившись в норму, лошади вошли в воду и постояли в ней некоторое время для своей чистоты, а затем выбрались на береговую сушь и тронулись обратно, не теряя строя и сплочения между собой. Но у первых же дворов лошади разбрелись – одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из нее, другая, нагнувшись, подбирала в пасть остаточные пучки тощего сена, более же угрюмые лошади вошли на усадьбы и там взяли на знакомых, родных местах по снопу и вынесли его на улицу.

Каждое животное взяло посильную долю пищи и бережно несло ее в направлении тех ворот, откуда вышли до того все лошади.

Прежде пришедшие лошади остановились у общих ворот и подождали всю остальную конскую массу, а уж когда все совместно собрались, то передняя лошадь толкнула головой ворота нараспашку и весь конский строй ушел с кормом на двор. На дворе лошади открыли рты, пища упала из них в одну среднюю кучу, и тогда обобществленный скот стал вокруг и начал медленно есть, организованно смирившись без заботы человека.

Из повести «Котлован» А. Платонова

4. *Study the style of D.R.R. Tolkien, define its characteristic traits. Translate the following extracts.*

Extract 1

All the same, the silver star was indeed a fay-star: the apprentice was not one to make mistakes about things of that sort. What had happened was that one of the boys at the Feast had swallowed it without ever noticing it, although he had found a silver coin in his slice and had given it to Nell, the little girl next to him: she looked so disappointed at finding nothing lucky in hers. He some-times wondered what had really become of the star, and did not know that it had remained with him, tucked away in some place where it could not be felt; for that was what it was intended to do. There it waited for a long time, until its day came.

The Feast had been in mid-winter, but it was now June, and the night was hardly dark at all. The boy got up before dawn, for he did not wish to sleep: it was his tenth birthday. He looked out of the window, and the world seemed quiet and expectant. A little breeze, cool and fragrant, stirred the waking trees. Then the dawn came, and far away he heard the dawn-song of the birds beginning, growing as it came towards him, until it rushed over him, filling all the land round the house, and passed on like a wave of music into the West, as the sun rose above the rim of the world.

“It reminds me of Faery,” he heard himself say; “but in Faery the people sing too.” Then he began to sing, high and clear, in strange words that he seemed to know by heart; and in that moment the star fell out of his mouth and he caught it on his open hand. It was bright silver now, glistening in the sunlight; but it quivered and rose a little, as if it was about to fly away. Without thinking he clapped his hand to his head, and there the star stayed in the middle of his forehead, and he wore it for many years.

Few people in the village noticed it though it was not invisible to attentive eyes; but it became part of his face, and it did not usually shine at all. Some of its light passed into his eyes; and his voice, which had, begun to grow beautiful as soon as the star came to him, became ever more beautiful as he grew up. People liked to hear him speak, even if it was no more than a “good morning.”

From “Smith of Wootton Major”, by J.R.R. Tolkien

Extract 2

The day grew lighter and warmer as they floated along. After a while the river rounded a steep shoulder of land that came down upon their left. Under its rocky feet like an inland cliff the deepest stream had flowed lapping and bubbling. Suddenly the cliff fell away. The shores sank. The trees ended. Then Bilbo saw a sight: The lands opened wide about him, filled with the waters of the river which broke up and wandered in a hundred winding courses, or halted in marshes and pools dotted with isles on every side: but still a strong water flowed on steadily through the midst. And far away, its dark head in a torn cloud, there loomed the Mountain! Its nearest neighbour's to the North-East and the tumbled land that joined it to them could not be seen. All alone it rose and looked across the marshes to the forest. The Lonely Mountain! Bilbo had come far and through many adventures to see it. and now he did not like the look of it in the least.

As he listened to the talk of the raftmen and pieced together the scraps of information they let fall, he soon realized that he was very fortunate ever to have seen it at all, even from this distance. Dreary as had been his imprisonment and unpleasant as was his position (to say nothing of the poor dwarves underneath him) still, he had been more lucky than he had guessed. The talk was all of the trade that came and went on the waterways and the growth of the traffic on the river, as the roads out of the East towards Mirkwood vanished or fell into disuse; and of the bickerings of the Lake-men and the Wood-elves about the upkeep of the Forest River and the care of the banks.

Those lands had changed much since the days when dwarves dwelt in the Mountain, days which most people now remembered only as a very shadowy tradition. They had changed even in recent years, and since the last news that Gandalf had had of them. Great floods and rains had swollen the waters that flowed east; and there had been an earthquake or two (which some were inclined to attribute to the dragon-alluding to him chiefly with a curse and an ominous nod in the direction of the Mountain). The marshes and bogs had spread wider and wider on either side. Paths had vanished, and many a rider and wanderer too, if they had tried to find the lost ways across. The elf-road through the wood which the dwarves had followed on the advice of Beorn now came to a doubtful and little used end at the eastern edge of the forest; only the river offered any longer a safe way from the skirts

of Mirkwood in the North to the mountain-shadowed plains beyond, and the river was guarded by the Wood-elves' king.

Extract 3

Fire leaped from thatched roofs and wooden beam-ends as he hurtled down and past and round again, though all had been drenched with water before he came. Once more water was flung by a hundred hands wherever a spark appeared. Back swirled the dragon. A sweep of his tail and the roof of the Great House crumbled and smashed down. Flames unquenchable sprang high into the night. Another swoop and another, and another house and then another sprang afire and fell; and still no arrow hindered Smaug or hurt him more than a fly from the marshes. Already men were jumping into the water on every side. Women and children were being huddled into laden boats in the market-pool. Weapons were flung down. There was mourning and weeping, where but a little time ago the old songs of mirth to come had been sung about the dwarves. Now men cursed their names. The Master himself was turning to his great gilded boat, hoping to row away in the confusion and save himself. Soon all the town would be deserted and burned down to the surface of the lake. That was the dragon's hope. They could all get into boats for all he cared. There he could have fine sport hunting them, or they could stop till they starved. Let them try to get to land and he would be ready. Soon he would set all the shoreland woods ablaze and wither every field and pasture. Just now he was enjoying the sport of town-baiting more than he had enjoyed anything for years. But there was still a company of archers that held their ground among the burning houses. Their captain was Bard, grim-voiced and grim-faced, whose friends had accused him of prophesying floods and poisoned fish, though they knew his worth and courage. He was a descendant in long line of Girion, Lord of Dale, whose wife and child had escaped down the Running River from the ruin long ago. Now he shot with a great yew bow, till all his arrows but one were spent. The flames were near him. His companions were leaving him. He bent his bow for the last time. Suddenly out of the dark something fluttered to his shoulder. He started-but it was only an old thrush. Unafraid it perched by his ear and it brought him news. Marvelling he found he could understand its tongue, for he was of the race of Dale.

“Wait! Wait!” it said to him. “The moon is rising. Look for the hollow of the left breast as he flies and turns above you!” And while Bard paused in wonder it told him of tidings up in the Mountain and of all that it had heard. Then Bard drew his bow-string to his ear. The dragon was circling back, flying low, and as he came the moon rose above the eastern shore and silvered his great wings.

“Arrow!” said the bowman. “Black arrow! I have saved you to the last. You have never failed me and always I have recovered you. I had you from my father and he from of old. If ever you came from the forges of the true king under the Mountain, go now and speed well!”

Extract 4

From that the talk turned to the great hoard itself and to the things that Thorin and Balin remembered. They wondered if they were still lying there unharmed in the hall below: the spears that were made for the armies of the great King Bladorthin (long since dead), each had a thrice-forged head and their shafts were inlaid with cunning gold, but they were never delivered or paid for; shields made for warriors long dead; the great golden cup of Thror, two-handed, hammered and carved with birds and flowers whose eyes and petals were of jewels; coats of mail gilded and silvered and impenetrable; the necklace of Girion, Lord of Dale, made of five hundred emeralds green as grass, which he gave for the arming of his eldest son in a coat of dwarf-linked rings the like of which had never been made before, for it was wrought of pure silver to the power and strength of triple steel. But fairest of all was the great white gem, which the dwarves had found beneath the roots of the Mountain, the Heart of the Mountain, the Arkenstone of Thrain.

“The Arkenstone! The Arkenstone!” murmured Thorin in the dark, half dreaming with his chin upon his knees. “It was like a globe with a thousand facets; it shone like silver in the firelight, like water in the sun, like snow under the stars, like rain upon the Moon!”

But the enchanted desire of the hoard had fallen from Bilbo. All through their talk he was only half listening to them. He sat nearest to the door with one ear cocked for any

beginnings of a sound without, his other was alert or echoes beyond the murmurs of the dwarves, for any whisper of a movement from far below.

Darkness grew deeper and he grew ever more uneasy. “Shut the door!” he begged them. “I fear that dragon in my marrow. I like this silence far less than the uproar of last night. Shut the door before it is too late!”

Something in his voice gave the dwarves an uncomfortable feeling. Slowly Thorin shook off his dreams and getting up he kicked away the stone that wedged the door. Then they thrust upon it, and it closed with a snap and a clang. No trace of a keyhole was there left on the inside. They were shut in the Mountain!

From “The Hobbit”, by J.R.R. Tolkien

3.5 Essays

☞ The main task of essays is to give some information from the point of view of the definite author. Numbers, proper names, names of organizations, etc. are not fictional and reflect the reality. The variety of emotional means is very rich and their use is individual for every writer. One can find dialectal units, vernacular words, slang, lexis of high style, etc. There are a lot of phraseological units, especially violated ones, set-phrases and clichés, that are used for ironic purposes. And essayists use tropes and figures that should be preserved in translation.

One of the most specific traits of essays is a tendency to use allusions. Writers use hidden quotes from world literature, the Bible, contemporary mass-media, catch-phrases, words by famous people, etc. It is difficult to spot them in the text and to translate, because the foreign reader does not often have necessary background knowledge.

In general, translation of essays is the same as of belles-lettres in the whole.

Exercises

1. *Analyze the means of expressing emotional information and stylistic devices characteristic to the essays in the English text. Compare the English version with its translation. Explain what means the translator uses to recreate the traits of essays.*

For centuries the English have had to put up with the aggressive nationalism of the other three quarters that make up the United Kingdom. The reason, of course, that the other three countries have never forgiven the English for 'conquering' them is that the moment they do so they will have to stop having revenge. They are never happier than when belabouring; and the English, as all flagellologists know, are in their turn never happier than when being belaboured. Britain subsists internally on a sort of symbiosis of dislike and willingness to be disliked.

However justified the 'Celts' may be in disliking us, their dislike has always been lucrative to them. Every Scot who wants to govern, every Irishman who wants to satirize, every Welshman who wants to sing

Веками англичанам приходилось мириться с агрессивным национализмом трех остальных четвертей, составляющих вместе с ними Соединенное Королевство. Эти три страны так никогда и не простили Англию за то, что она когда-то их «завоевала»; не простили по той, разумеется, причине, что в тот самый миг, как они это сделают, им придется отказаться от отмщения. Они чувствуют себя счастливее всего, когда работают кулаками, а англичане, как хорошо известно любому исследователю феномена самобичевания, в свою очередь чувствуют себя счастливее всего, когда их молотят кулаками. Британия внутри себя существует за счет некоего симбиоза нелюбви и готовности быть нелюбимой.

Как ни оправдана может быть нелюбовь кельтов к нам, эта всегда оказывается им так или иначе выгодна. Всякий шотландец, желающий править, всякий ирландец, желающий

– in short, every fame-and-fortune hunter – descends on London and if he is any good at his job gets handsomely rewarded. He may also get handsomely contaminated by English ideals, but that seems a risk most are willing to take. This centuries-old usurpation by the non-English of the active functions in the running, criticizing, and entertaining of *England* is a result of another distinctively English trait, the love of umpiring – that is, of stating principles and then watching other people act on them. Britain might be (tentatively) defined as Celtic genius and love of action displayed on the field of English high principle.

I am emphatically not a Little-Englander. It is quite clear that man is a federal being, and that states' rights are the most lost cause in evolution. The familification of individual countries, the merging into blocs, is well under way, and in the United Kingdom only a handful of

сатирически высмеять, всякий уэльсец, желающий петь, – короче говоря, всякий охотник до денег и славы – обрушивается на Лондон, и если хоть самую малость знает свое дело, щедро вознаграждается. Вдобавок он может столь же щедро вкусить от английских идеалов и ими заразиться, но создается впечатление, что на такой риск каждый идет весьма охотно. Эта многовековая узурпация не-англичанами функций правления, критики и развлечения Англии есть результат еще одной типично английской черты – любви к третейскому судейству, то есть стремления утвердить некие принципы, а затем наблюдать, как другие им следуют. Британию можно было бы (в порядке рабочей гипотезы) определить так: кельтский гений и любовь к действию, явленные на поле высочайших английских принципов.

Я ни в коем случае не сторонник Малой Англии. Совершенно очевидно, что человек есть существо федеративное, а права государств в процессе эволюции становятся делом все более безнадежным. Порождение отдельных стран, слияние их в блоки зашло уже

lunatics in the Celtic twilight still caterwaul for home rule. The time has come when there is no other but administrative and political necessity to talk about being British, and the agonizing reappraisal we English-Britons have had to make of our status as a world power since 1945 in fact permits us to be much more English again. The other three countries have always kicked against the idea of being british, and since we had original responsibility *for* it, we have long retained an earnest sense of responsibility *towards* it. We have always felt that we had to show the others how to be British; and this has exacerbated our now unnecessary schizophrenia. <...>

We have to be British and we want to be English. The reason our emotional attitudes towards matters such as the dissolution of the Empire and our engagement in Europe cut across both party

довольно далеко, а в Соединенном Королевстве только горстка лунатиков в кельтской ночи по-прежнему задает кошачьи концерты, требуя самоуправления. Пришло время, когда стало административной и политической необходимостью говорить о том, быть ли нам британцами, и мучительная переоценка статуса мировой державы, которую нам – англичанам-британцам – пришлось пережить после 1945 года, фактически позволяет нам теперь снова стать в гораздо большей степени англичанами. Другие три страны всегда брыкались, не желая применять к себе понятие «британец», и поскольку это мы несем ответственность за возникновение самой идеи, мы вот уже много лет всерьез относимся к ответственности за ее дальнейшую судьбу. Мы всегда чувствовали, что обязаны показать другим, как быть британцами, и это обострило нашу, теперь уже утратившую злободневность шизофрению. <...>

Нам приходится быть британцами, а мы хотим быть англичанами. Мы так эмоционально воспринимаем, например, распад империи или нашу помолвку с Европой, и все это идет настолько

and class lines is that our Englishness is still battling our Britishness. The same ambivalence has for long been apparent in our literature.

вразрез с нашими партийными и классовыми устремлениями именно потому, что наша английскость все еще борется с нашей британскостью. Та же амбивалентность уже давно проявляется и в нашей литературе.

From "On Being English but Not British" ("Wormholes"), by J. Fowles

Перевод И. Бессмертной

2. Analyze the author's idea. Express it in Russian. Analyze the means of expressing emotional information and stylistic devices characteristic to the essays in the English text. Translate.

The J. R. Fowles Club

'The J. R. Fowles' is the name of the club to which I belong, for my sins. A number, indeed most, of its numerous other members consider that they barely do. Indeed, we're generally treated as sheer deadwood – mere ciphers on some wretched mailing list, recipients of obscure requests for charity, badly written annual bulletins (mostly about people we can't even remember), invitations to nauseating reunion dinners (for which we have to pay ourselves, natch)... I'm sure you'll all be only too familiar with this sort of horror and its ghastly vacuities. As for the wretched president, Sir John Eye, and the never-available secretary, Mr Mee, honestly – how the damn thing staggers on at all defeats reality. I certainly never asked to join it, and often wish I hadn't. I suspect my father, attracted by the name, foolishly put me down for it before I was born. Quite a lot of my fellow members will hardly exchange a civil word; others do nothing but whine and whinge. Yet others (talk about egos!) are self-important beyond belief, especially one fathead who fancies himself a novelist. Another pretends to be a feminist. I'd like to see him just once with a duster or an iron in his hand. Another pair both think they know everything about natural history – one a sort of scientist, the other a sort of poet. You can imagine. They never bump into each other without a bitter slanging match. That's typical,

I'm afraid. Nothing that comes before the so-called management committee-aesthetic, moral, political, domestic, you name it – *ever* gets a *nem. con.* vote. We are truly an unspeakably futile shambles. I honestly shall resign if they don't watch out. I've always hated men's clubs, anyway.

By J. Fowles ("Wormholes")

3. Translate paying attention to the characteristic traits of essays.

What is the Red-White-and-Blue Britain? The Britain of the Hanoverian dynasty and the Victorian and Edwardian ages; of the Empire; of the Wooden Walls, and the Thin Red line; of 'Rule Britannia' and Elgar's marches; of John Bull; of Poona and the Somme; of the old flog-and-fag public-school system; of Newbolt, Kipling, and Rupert Brooke; of clubs, codes, and conformity; of an unchangeable status quo; of jingoism at home and arrogance abroad; of the paterfamilias; of caste, cant, and hypocrisy. In neither of the great political parties do the moderate majorities any longer defend this antiquated concept of an Imperial Britain-on-Which-the-Sun-Never-Sets, a concept now at least twenty years stranded in the past. But it creates a kind of afterglow, it pervades many of our moods with a nostalgia, it hampers our present, and, worst of all, it still obscures the Green England.

There seem to me to be two primary constituents of the Green England, both explanatory of our mania for justice. One is shared by the other members of the United Kingdom: the fact that England is virtually an island. We have always been a people who watch across water from the north; from the non-striker's end of the wicket. As many writers since Montesquieu have noted, our mooring on the globe allows us to be and often makes us, observers rather than experiences. It has also largely permitted us to be pioneers in law and democracy, and it explains at least one important element in our famous – and infamous – hypocrisy. We are not holier than the others; only geographically luckier.

This hazard of geography married to this mania for justice also accounts for our love and need of emigration in all its forms: as pioneers, as colonists, as sailors, as proconsuls, as liberators (rejecting the role of voyeur), as lovers of the south, like Norman Douglas and Robert Graves, as refugees from the double-talk of the homeland, like Byron,

D. H. Lawrence, and Durrell. The *reason* for the emigration has often been nationalistic ('British') or individualistic (selfish), but the *quality* of the emigration has depended and still depends much more on its Englishness (that is, on the spreading and maintaining of our concept of justice) than on its Britishness (the desire to spread and maintain imperialistic and master-race ideals) or its individualism (the desire merely to live abroad).

The other and much more specific constituent of the Green England is the survival in the English mind of that very primitive yet potent archetypal concept, the Just Outlaw. The Just Outlaw is the ancestor of the Good Umpire. He is the man too empirical, too independent, too able to compare, to live with injustice and stomach it. What John Bull is to the Red-White-and-Blue Britain, Robin Hood is to the Green England.

From "On Being English but Not British" ("Wormholes"), by J. Fowles

4. Translate paying attention to the characteristic traits of essays.

Asparagus

At about twenty-one minutes past two today I suddenly saw that asparagus is the secret of aristocracy. I was trying to put long limp stalks into my mouth, when the idea came into my head; and the stalk failed to do so. I do not refer to any merely metaphorical and superficial comparisons which could easily be made between them. We might say that most of the organism was left dead white, merely that a little button at the top might be bright green. We might draw the moral that average aristocrats are made out much stronger than they are; and illustrate it from average asparagi. They say that any stick is good enough to beat a dog with; but did anyone ever try to beat a dog with a stick of asparagus? We might draw the moral that aristocratic traditions are made out much more popular than they really were. 'Norman' gets mispronounced as English. In this way three French leopards were somehow turned into British lions. And in this way also the solemn word Asparagus, which means nothing so far as I know, was turned by the populace into 'sparrowgrass', which means two of the most picturesque things in the world. Asparagus, which I presume to have been the name of a Roman pro-consul, Marcus Asparagus Esculens, or what not, never deserved such luck as to lose its origin in two things so true

and common as the bold birds of the town and the green democracy of the fields. Or again, we might say of sticks of asparagus that they have often lost their heads, and we might say the same of aristocrats. Both heads have been bitten off by the guillotine before now. But to complete the parallel we must maintain that the head of the aristocrat was the best part of him; and this is often hard to maintain. But, indeed, I do not base the view upon any such fancies from phraseology. Far deeper in earth are the roots of asparagus.

The one essential of an aristocracy is to be in advance of its age. That is, there must be something new known to a few. There must be a password; and it must always be a new password. Moreover, it must be, by its nature, an irrational password, for anything quite rational might rapidly be calculated even by the uninitiated. In the same way it is essential to any social observance that involves a social distinction, that the observance should be, in this sense at least, artificial. That is, you can only know the observance as the soldier knows the password, because he has been told.

The working instance best known to us of the middle classes is the old arbitrary distinction about how to eat asparagus. Now, excluding cannibalism and the habit of eating sand (about which I can offer no opinion) there is really nothing one can eat which is less fitted to be eaten with the fingers than asparagus. It is long; it is greasy; it is loose and liable to every sort of soft yet sudden catastrophe; it is always eaten with some sort of oily sauce; and its nice conduct would involve the powers of a professional juggler confirmed with some practice in climbing the greasy pole. Most things could quite easily be eaten with one's fingers. Cold beef could quite easily be eaten with one's fingers; or simply with one's teeth. I have seldom seen a noble cheese without an impulse merely to fix my fangs in it. New potatoes could be eaten with the fingers as cleanly as Easter eggs; and whitebait might as well be shovelled into our open mouths by a Whitebait Machine, for all the use we make of a knife and fork to dissect them. We could easily eat fish-cakes as we eat seed cake. Cold Christmas pudding is a substance with all the majesty of coloured marble; far cleaner, stronger and more coherent than any ordinary bread or biscuit. Yet all these we are supposed to approach through the intervention of a little stunted sword or a stumpy trident. Only this one tiresome, toppling vegetable, I eat

between my finger and thumb. I should be better off as a giraffe eating the top of a palm tree: it doesn't want any holding up.

We will not exaggerate. Eating soup with the fingers, the young student should not attempt; and sauces, custards and even curries are no field for the manual labourer. I would not eat stewed rhubarb with my fingers, or, indeed, with any instrument that science could devise. Even with things involving treacle, I have not a good touch. But, while strictly avoiding anything like exaggeration or frivolity, I still note that the point of asparagus is that it is not the food, among other foods, specially fitted to the fingers. In other words, the principle could not have been deduced from abstract reason, or have grown out of the general instincts of men. It could not have been custom: that is why it was etiquette.

The brotherhood of man is a fact which in the long run wears down all other facts. Therefore, a privileged class, if it would avoid sliding naturally back into the body of mankind, must keep up an incessant excitement about new projects, new cultures and new prejudices, new skirts and stockings. It must tell a new tale every day or perish, like the lady of the Arabian Nights. Tennyson, who was too much touched with this aristocratic – or snobbish – Futurism, wrote, 'Lest one good custom should corrupt the world', which really means lest everybody should learn the right way of eating asparagus. And so, out of luxury and waste and weariness, the fever they call Progress came into the world.

Do you tell me they don't eat asparagus with their fingers now? Do I not know that in some of the best houses they have little tongs for each person, which are charming? Have I not heard that asparagus is now lowered into the open mouth on a string, or shot into the mouth with a small gun, or eaten with the toes, or not eaten at all? No; I do not know, that is what I wish to point out. They have changed the password.

By G. K. Chesterton

5. Translate the extracts paying attention to the characteristic traits of essays.

Extract 1

На Бродвее, возле Колумбийского университета, есть роскошный книжный магазин, который я посещаю чаще других. Здесь торгуют не только самым изысканным, но и самым свежим товаром. Новые издания вытесняют старые с такой стремительностью, что магазин напоминает газетный киоск. А ведь книги, как слоны или черепахи, всегда были рассчитаны на долгую, во всяком случае превышающую авторскую, жизнь. Поэтому размножающиеся, как амебы, книги душат самих себя. Перенаселение понижает ценность отдельной особи. Чем гуще толпа, тем труднее из нее выбраться. Книжная гора оседает под своим весом и превращается в песок, в Сахару, где не найти и не отличить одной книжной песчинки от другой.

«ВИДЕОКРАТИЯ» – это власть видеообраза, власть глаза. Термин этот возник в противовес другому, давно известному – «ЛОГОКРАТИЯ», то есть власть слова. (О том, какой она бывает, лучше всего знают соотечественники. Могущество логократии иллюстрирует известная теория Синявского, утверждавшего, что Октябрьская революция в России победила из-за трех удачно найденных слов: «большевик», «чека» и «Совет».)

Антагонизм глаза и слова уходит в давнюю древность. В языческом мире главным был глаз – зримые образы, воплощенные в преимущественно пластическом античном искусстве. Восточные монотеистские религии: иудаизм, христианство, ислам – открыли миру силу слов.

Радикальность этого новшества до сих пор ощущается на Востоке. Лучшее украшение мечети – несколько вырезанных на камне строк из Корана. Они резко контрастируют со строгой орнаментальной симметрией интерьера. Слово пророка – как прорыв из царства обыденного в небо. Слово-откровение, слово как магическое орудие преобразования мира – единственный свободный элемент исламского искусства. Арабская каллиграфия – убежище асимметрии в царстве монотонных видеообразов орнамента.

В христианстве, особенно после Гутенберга, слово настолько завладело воображением западной культуры, что она представила мир одной великой книгой,

где таятся все нужные слова. Достаточно лишь открыть правильную страницу, чтобы прочесть на ней тайны бытия.

Власть слов стала настолько абсолютной, что мы перестали ее замечать. «Рыба ничего не знает о воде», – говорил по этому поводу Маршалл Маклюэн. Но, как писал тот же пророк электронной эры, ситуацию в корне изменило кино: оно развалило стены индивидуализма, воздвигнутые печатным станком; изменило наше восприятие времени и истории, сделав все времена непосредственно настоящим; оно вернуло нас на три тысячи лет назад, в дописьменный мир, построенный на визуально-акустических метафорах.

В этом мире еще не нужно было постоянно сверять реальность с ее культурной репрезентацией. Такая потребность родилась только вместе с письменностью, создавшей абстрагированную, оторванную от конкретных реалий бытия символическую вселенную. С тех пор каждая эпоха, тоскуя по интегральной цельности, присущей устной культуре, надеялась, что любимое ею искусство возьмет на себя объединяющую роль. В XIII-ом веке – архитектура, в XVI-ом – живопись, в XIX-ом – музыка. В XX-ом, писал Эйзенштейн, таковым стало кино: «Для всех искусств, вместе взятых, кино является действительным, подлинным и конечным синтезом всех их проявлений, тем синтезом, который распался после греков».

За сто лет кино вместе с другими порожденными им электронными искусствами изменило не только геометрию и оптику нашего мира, но метафорическую и метафизическую ориентацию человека в нем.

Расплодившиеся камеры никогда не оставляют нас без свидетелей. Мы уже приспособились к прозрачности мира, в котором мы все всегда под стеклянным колпаком. (О том, что происходит, когда об этом забывают, говорит трагическая история Родни Кинга. Заснятая случайным прохожим на видеокамеру сцена избиения лос-анджелесскими полицейскими задержанного ими за превышение скорости Кинга привела к потрясшим всю Америку расовым беспорядкам.) Видеократия заражает зрителя как вуайеризмом, так и эксгибиционизмом – мы всегда готовы и на других поглазеть, и себя показать. Бодрийар пишет: «Не только

ты смотришь телевизор, но и он смотрит на тебя». Не потому ли самые популярные – те передачи, где, как во всевозможных шоу и телеиграх, главное действующее лицо – зритель?

Под всевидящим оком камеры мир вновь обрел глубину и объем, он вернул себе трехмерность. Привыкнув к тому, что предмет можно обозреть со всех сторон, мы потеряли жестко фиксированную точку зрения: теперь мы всегда знаем, что происходит у нас за спиной. Мир вновь стал таким, каким он был раньше: он не впереди – он вокруг нас. Вселенная изменила свою конфигурацию – из реки с сильным течением нас пересадили в бассейн, из царства линейной перспективы, навязанной нам письменностью, мы попали в сферу – в сферу устной, дописьменной культуры.

О ней пишет Ю. Лотман в одной из своих статей («Несколько мыслей о типологии культуры»). Письменность – это форма коллективной памяти, и история – один из побочных результатов ее возникновения. Но существование бесписьменной цивилизации инков в Южной Америке доказывает, что возможна лишенная истории устная культура, в которой «на первый план выступают не летопись или газетный отчет, а календарь, обычай и ритуал, позволяющий все это сохранить в коллективной памяти». Самый интригующий абзац в статье Лотмана – последний, где он пишет о том, что вторжение в современную культуру средств фиксации устной речи кардинально меняет нашу письменную культуру.

Из эссе «Глаз и буква» А. Гениса

Extract 2

В средние века античные руины называли *marmaria*. Веками тут без хлопот, затрат и угрызений совести добывали мрамор. В Афинах стоит чудная византийская церквушка, чьи кирпичные стены пестрят белокаменными вкраплениями – обломки прежней архитектуры. Христианская утилизация языческого вторсырья.

Несмотря на антикварный пиетет, мы с античностью обходимся точно так же.

Греция – бесплатный рудник богов и героев, имен и понятий, образов и метафор. Мы вертим античностью как хотим, строя из ее остатков свои мифы.

Причем, как в детском конструкторе, одни и те же детали годятся для всего – от храма до вертепа.

У всякого века своя античность, и каждая из них говорит о современнике больше, чем о предках.

В Пиреях есть бюст Фемистокла, сработанный неизвестным скульптором XIX века. Герой Саламина изображен там с бравыми усами. Такими, как на парадных портретах императора Франца-Иосифа. Обычные эллины брились, философы, как и сейчас, ходили с бородой, но трудно представить себе древнего грека с пышными «буденовскими» усами.

Афиняне подвергли Фемистокла остракизму; память об этом – целая груда черепков с его именем, найденных на местной агоре. Так же новгородцы поступили с Александром Невским.

Демократия похожа на тиранию тем, что старательно и последовательно избавляется от лучших. Инстинкт самосохранения учит толпу не доверять героям и гениям. Государственному величию афинская демократия предпочитала частную свободу, в чем была права. Греческое чудо – плод невиданной в древнем мире личной независимости. Демократию греки понимали как право заниматься своими, а не чужими делами.

Сегодняшняя античность не похожа на вчерашнюю. Раньше Элладу, царство ясной красоты и строгой меры, любили за Аполлона, теперь – вопреки ему.

Греция сегодня – это Гринвич-Виллидж Старого Света. Тут, на курортных островах, можно встретить сливки Европы, причем topless.

В хрестоматийном рассказе Глеба Успенского «Выпрямила» герой обретает душевный покой и человеческое достоинство возле Венеры Милосской из Лувра.

А вот как выглядит тот же сюжет в современном английском фильме. Начинаящая стареть домашняя хозяйка бросает опостылевшую семью и приезжает на каникулы в Грецию. Скоропалительный роман с греком-ресторатором на фоне Эгейского моря излечивает ее от хандры, и она с освеженными чувствами возвращается домой.

В первом случае героя «выпрямил» Аполлон, во втором – Дионис. Ту же тему, но с большим блеском развивает грек Зорба – и в романе, и в фильме с брутальным Энтони Куином.

Английская, викторианская, буржуазная – короче, западная чопорность расплавляется под греческим солнцем. Зорба дает северянам урок чистой страсти и безудержного темперамента.

Кажется, что цивилизация и варварство поменялись местами, но это только кажется. Как говорят в чеховской «Свадьбе», «в Греции все есть!». Те же греки, что писали на статуях «ничего сверх меры», в вакхическом опьянении разрывали на части живых оленей.

Мы творим историю по своему подобию. Вернее, выбираем из прошлого то, по чему тоскуем в настоящем. Раньше нам не хватало классической простоты и ясности, теперь в цене не менее классическое безумие.

Многовековое иго Аполлона – от просветителей до марксистов – набило оскомину. Внятный, объяснимый, рациональный мир, схваченный причиной и следствием, как бочка обручами, вышел из историософской моды.

Как раз на этот случай – пресыщение разумом – у греков и был Дионис.

Могила придумавшего Зорбу Казандзакиса на его родном Крите стала объектом паломничества. Впрочем, здесь предаются не пьяным, а любовным безумствам – это ритуальное место свиданий.

* * *

Шелли говорил: «Все мы греки».

Греческое искусство так долго было образцом для подражания, что оно перестало ощущаться греческим и превратилось просто в искусство. Все новое пробивалось сквозь античный канон. Так Гете открывал готику. Колонна – знак истеблишмента. Шкловский понял, что пора левого искусства кончилась, когда в советской архитектуре появились колонны.

К XX веку накопилось столько гипсовых копий, что они стали отбрасывать пошлую тень на мраморные оригиналы. Сегодня близость к совершенству будит

скорее подозрительность, нежели восторг. Поэтому как бы в пику эпигонам-академистам заиграла греческая архаика: чем дальше и проще, тем ближе и лучше.

В афинском музее кикладских статуэток собрано самое древнее из того, что вообще может быть: плоский камень-лицо с выдающимся носом, слегка намечены руки, ноги и гениталии. Это еще не человек, а только его черновик, иероглиф, примитивная схема, первый проект или детский рисунок.

Микеланджело взял в учителя Праксителя. Пикассо, Генри Мур, Модильяни подражали антропоморфным каракулям с Кикладских островов.

Собственно, греческий храм тоже предельно прост: крыша на подпорках. Дайте малышу кубики, и он неизбежно соорудит подобие Парфенона.

Хотя такую простоту и принято называть благородной, в принципе она чужда нашей культуре. («Баран прост», – с отвращением говорил один горьковский персонаж.) Западное искусство – будь то готические соборы, барочные дворцы или сталинские небоскребы – дорожит деталью. Красота здесь – сумма слагаемых. Средневековый кафедрал – это бесконечный «монтаж аттракционов». Он не соразмерен человеческой жизни – ее не хватает ни на то, чтобы его построить, ни на то, чтобы досконально осмотреть. Зато греческий храм весь как на ладони: его можно охватить одним взглядом и еще останется место на изрядную часть горизонта.

Спартанцы презирали искусство, но лаконизм роднил их с греческой эстетикой. Жителей Спарты вообще не интересовало неодушевленное. «Кадры решают все» – считали они и вкладывали все силы в воспитание нового человека. Поэтому от Спарты не осталось ничего, кроме имени, – впрочем, там ничего и не было. Однако их национальный характер и образ жизни оказались настолько специфическими, что из всех древних греков спартанцы вымерли последними.

Темные века варваров и турок они пересидели в Мани. Так называется средний из трезубцев Пелопоннеса. Этим до сих пор пустынным мысом, самой южной точкой материковой Греции, заканчивалась античная Лакония. Здесь воинственные потомки спартанцев сумели отстоять свою свободу, но, лишённые места в истории, они не могли ужиться друг с другом. Кухонные ссоры

заканчивались кровавой мстью, растягивавшейся на многие поколения. В результате любая деревня – памятник вековой вендетты. Каждый крестьянский дом – настоящая крепость с башнями: метровой толщины стены и оконца в размер карабина.

Многие маниоты перебрались отсюда на Корсику, где ту же кровную мсть разнообразили разбоем. От них пошло популярное у романтиков XIX века племя корсиканских разбойников.

В свете сказанного стоит заглянуть в генеалогию самого знаменитого из корсиканцев: вдруг выяснится, что Наполеон был последним спартанцем?

Из эссе «Письма из Древней Греции» А. Гениса

3.6 Commentary

☞ Any literary work reflects its epoch and time and has traits of culture and life. When times change, new readers may have some problems in understanding a literary work. Especially it is true with a foreign reader, who often does not have necessary background knowledge to understand all author's intentions and implications, or reasons of characters' actions. In case of translation if background knowledge of an original reader differs from the one of a foreign reader it results in loss in meaning and sense. Units that often cause some loss are culture specific terms, proper names, geographical names, quotations and allusions and other words and notions specific to one culture and unknown or known in different way in another culture. The phenomenon when in target language there is no lexical unit to translate properly some unit of source language is called lexical gap. There are different ways to compensate the loss and fill the gaps in the target text:

✍ *explication*. The original lexical unit is transferred to the target text in a form of transcription, transliteration or loan translation with some explanation (two-five words) to be better understood by the reader;

✍ compensation (or substitution). The translator omits the original lexical unit and substitutes it with some notion specific to the target culture and close to the original one that can provide general understanding of original unit;

✍ commentary. It is detailed explanation of some lexical unit that does not have direct translation in the target language. It gives additional information that cannot be included into the text of translation, that's why commentary is given outside the text, in footnotes at the bottom of the corresponding page or in notes after the text.

Through creating commentary a translator tries to fill up senses lost in the text of translation and able to affect the associative thinking of a reader, thus commentary reveals some aspects of translation process in the meaning of cultural adaptation. Commentary either can help the reader to fully understand the text or to distract the reader in the way given by the translator. Some linguists suggest defining types of commentary according to the nature of translation problem.

S.G. Ter-Minasova:

✍ social-cultural (realistic). It fills in lack in background knowledge of culture and may be encyclopedic and give just facts

Borodino – On the 26-th of August, 1812, a most important battle of the Patriotic War was fought between the Russian and the French armies at the village of Borodino (approx. 69 mi. from Moscow).

or research (creative) and connects additional information to the text under translation;

Соседы, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над печальной верностью этой девственной Артемизы.

Artemisia. Queen of the city of Halicarnassus in Caria renowned in history for extraordinary grief of the death of the husband (fourth century B. C.)⁵.

✍ *linguistic*. This type of commentary explains linguistic phenomena (usually lexical or stylistic).

T.A. Kazakova:

✍ “*lexicographic*”, coinciding with an article from a dictionary by its form and content;

Commentary: Veche means a popular assembly in medieval Russian towns.

✍ “*comparing*”, including comparison either linguistic, or cultural and contextual traits of both original and translated units.

Пилатчина – Pilatism

Commentary: The Russian here has the suffix -china, which is hard to convey in English, but is extremely insulting.

✍ “*supplementing*”, giving the secondary information about the unit.

*«естественные науки... обрушиваются на общество, как Мамай...» –
The natural sciences... may advance upon the public like Mamai.*

Commentary: Mamai – a Mongol Prince of the Golden Horde (founded by Batyi, grandson of Genghis Khan, which held Russia in subjection for 237 years, 1243-1480); in 1380 Mamai advanced against Dmitri Donskoy, Prince of Moscow, and suffered a disastrous defeat.

✍ “*explanatory*”, explaining the context in which a unit that is hard to be conveyed into other language occurs.

Вылезай, проклятый ганс. – Come out, you, confounded Hans!

⁵ Examples are borrowed from the work by S.G. Ter-Minasova.

Commentary: Like Jack, Jean or Ivan in the folk-tales of their countries, the Hans of German tales is... considered a fool (though he usually winds up with the treasure and princess for his bride).

✍ “missed”, or “zero”. There are two situations: no commentary when it is necessary, or unnecessary commentary.

Крестовоздвиженск – Holycross

Commentary: Krestovozdvizhensk (literally, town of the Exaltation of the Cross)⁶.

N.N. Korobeinikova:

✍ *encyclopedic*. It refers to objects, situations, individuals, etc. that are denoted by the lexical unit;

Ant lions – муравьиные львы, насекомые, личинки которых ловят муравьев в особо устроенную в песке ямку.

✍ *idiolectal*. It explains presence of a unit in the author’s idiolect;

Kagan – Dostoevsky first heard of the bird Kagan, a folkloric bringer of happiness, during his imprisonment in Omsk (1849-53).

✍ *intertextual*. It refers to other literary works or pieces of art;

Адалина почти желала попасть в грозу, чтобы увидеть ее именно здесь, во всей ее грандиозности <...>

Такое восприятие грозы соответствует утверждениям И. Канта, развивавшего идеи Берка о «возвышенном» в «Критике способности суждения» (1790). Кант противопоставляет «прекрасное», которому присуща форма, «возвышенному» – понятию, применяемому к объектам, лишенным формы (таким как буря, шторм, гроза, водопад), которые вызывают ощущения беспредельности.

✍ “missed”. This type of commentary may be

⁶ Examples are borrowed from the work by T.A. Kazakova.

– zero (no commentary when the reader needs it);

– distorting, lame, inadequate;

Can't say I care for Vereschagin-and-water myself.

Vereschagin-and-water – разбавленный водой Верещагин, ср. whisky-and-water.

– redundant (there is commentary when there is no need in it);

– technical; it shows translation process when translators say that they are not able to adequately translate some lexical units or doubt in adequacy of their translation. Such commentary is usually irrelevant for the reader.

Гренада — Does Chekhov really mean Grenada, the island in the West Indies, or Granada, in Spain? The allusion is obscure. Perhaps he is simply emphasizing the distance of such exotic places from Yalta; no-one who comes from Belyov or Zhizdra has the right to complain about Yalta!⁷

Exercises

1. Define types of commentary according to the given classifications and comment upon their appropriateness in the translation.

From “Born Free”, by J. Adamson; перевод Л. Жданова («Рожденная свободной»).

1) For many years my home has been in the Northern Frontier Province of Kenya, that vast stretch of semi-arid thornbrush, covering some hundred and twenty thousand square miles, which extends from Mount Kenya to the Abyssinian border.

Много лет прожила я в Северной пограничной провинции Кении. Эта пустынная, заросшая колючим кустарником область простирается от горы

⁷ Examples are borrowed from the work by N.N. Korobeinikova.

Кения на юге до границы с Эфиопией и занимает площадь больше трехсот тысяч квадратных километров.

Comm.: Названия африканских стран и их административных единиц сохранены такими, какими они были в период путешествия автора.

- 2) Thwarted in her purpose, she had her revenge upon us for about this time she tore the laundry off the clothes line and galloped off into the bush with it.

Застигнутая врасплох, проказница в отместку сорвала с веревки выстиранное белье и утащила его в *буш*.

Comm.: Заросли, лесистые участки.

- 3) Mongooses also provided Elsa with a lot of fun.

А как весело было Эльсе с *мангустами*!

Comm.: Различают несколько видов мангустов, обитающих в Азии, Африке и Южной Европе. В данном случае речь, видимо, идет об ихневмоне (*Herpestes ichneumon*) – небольшом хищнике из семейства виверровых. Питается ихневмон мелкими позвоночными, в том числе и ядовитыми змеями, к яду которых зверек малочувствителен. Сравнение с лаской, однако, вызывает недоумение, так как ихневмон и все другие мангусты значительно крупнее.

- 4) When she was nervous her paws became damp and I could often judge her state of mind by holding them in my hands.

Часто было достаточно потрогать их, чтобы узнать ее настроение.

Comm.: Очень интересное наблюдение. Назначение этого явления – сделать следы более «пахучими», что облегчает животным нахождение других особей своего вида. Механизм его, однако, не совсем ясен.

- 5) Immediately in front of our camp lay open grassland sloping towards the plain, on which herds of *Thomson's gazelle*, *topi*, *wildebeeste*, *Burchell's zebra*, *roan antelope*, *kongoni*, and a few buffalo were grazing.

По соседству с лагерем паслись томми (газели Томсона), конгони, гну, бурчеловы зебры, чалые антилопы, топи, иногда попадались буйволы.

Comm.: Конгоны (*Alcelaphus buselaphus*) – крупная антилопа из группы бубалов (семейство коровьих антилоп). Один из наиболее многочисленных видов крупных копытных. Рога короткие, довольно толстые, лирообразно изогнуты.

Топпи (*Dataliscus corrigum*) – антилопа из группы бубалов. Во многом напоминает конгоны, но еще более многочисленна. Отличается черными пятнами на бедрах и более длинными рогами.

From “The Lambs of London”, by P. Ackroyd; перевод И. Стам («Лондонские сочинители»)

1) “I have found it, dear. It was hiding in *All’s Well*.”

– Все-таки я отыскал цитату, дорогая. И знаешь, где? В «*Конце*».

Comm.: Речь идет о пьесе У. Шекспира «Конец – делу венец». Буквально ее название означает «Все хорошо, что хорошо кончается».

2) “Words, words, words.”

– Слова, слова, слова.

Comm.: Шекспир У. Гамлет. Акт 2, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

3) Their parents, on this Sunday morning, were returning from Dissenters’ chapel on the corner of Lincoln’s Lane and Spanish street.

В то воскресное утро их родители как раз возвращались из храма *диссентеров*, что на углу Линкольнз-Инн-лейн и Спаниш-стрит.

Comm.: Диссентеры – протестантские секты, отделившиеся от английканской Церкви.

4) “This is a book,” she said to him, “for winter evenings.”

– Эта книга зиме подходит, – сказала она, обращаясь к Уильяму.

Comm.: Аллюзия на пьесу У. Шекспира «Зимняя сказка», где сказано «Зиме подходит грустная (сказка)» (акт 2, сцена 1). Перевод В. Левика.

5) “Amlet Vox,” he said. “Follow me.”

– Ложка «*Амлет*». Следуйте за мной.

Comm.: Как представитель лондонских низов, капельдинер не произносит звука «х» в начале слова.

From "A Maggot", by J. Fowles; перевод В. Ланчикова («Червь»)

6) A maggot is a larval stage of a winged creature <...>.

Слово «Maggot», вынесенное в заглавие этой книги, означает «червь, личинка», которая со временем должна преобразиться в крылатое существо.

Comm.: Поскольку в русском языке не существует слова, совмещающего в себе значения английского слова «Maggot», для перевода названия книги переводчику пришлось ограничиться лишь одним его значением. Перевод этого слова в самом романе варьировался в зависимости от контекста с максимальным соблюдением смысла, приданного ему автором.

7) It has been proved fifty years earlier, in the neighbouring counties of Somerset and Dorset, when nearly half of those who had flocked to join the Monmouth Rebellion had come from the cloth trade <...>

Недаром, когда пятьдесят лет назад в соседних графствах Сомерсет и Дорсет вспыхнул мятеж *Монмута*, к нему не примкнул ни один из тамошних помещиков, зато ткачи и прядильщики составляли едва ли не половину мятежников <...>

Comm.: Герцог Джеймс Монмут (1649-1685) – побочный сын Якова II, первого из английских королей после реставрации Стюартов в 1660 г. Объявил себя законным претендентом на английский престол и в 1685 г. вторгся из Голландии, где скрывался, с войском союзников-протестантов в Англию. Войско Монмута было разбито, а сам он казнен.

8) Male servants, the slaves of livery, were easily known; but female ones, as at least one contemporary male disapprovingly noted, and tried to prevent, were allowed considerable licence at this date. Many a gentleman entering a strange drawing-room had the mortification of bowing politely to what he supposed a

lady intimate of his hostess, only to find he was wasting fine manners on a mere female domestic.

Мужскую прислугу узнать можно было сразу – по неизменной ливрее, но что до служанок, то они привыкли ничем себя не стеснять, как ворчал один *современник*, вздумавший исправить это упущение. *Немало джентльменов в чужой гостиной попадали в неловкое положение: приняв какую-нибудь особу за хозяйку дома или ее близкую подругу, они приветствовали ее галантным поклоном, а потом выяснялось, что они расточали свою галантность на прислугу.*

Comm.: «Современник», о котором говорится выше, – писатель Даниэль Дефо (ок. 1660-1731). В своей книге «Наставник в домашних делах» и целом ряде очерков он касается вопроса о распущенности прислуги. Описанная сцена в гостиной приводится в его очерке «Забота всякого – ничья забота».

- 9) For which I blame him not one whit, seeing he must dure that Farthing would use him for a Jack-a-Lent.

Оно и понятно: сержант, по всему видать, имел обыкновение глумиться над ним, все одно как над *Джеком Постником*.

Comm.: Джек Постник – соломенное чучело, одетое в лохмотья. В старой Англии в первый день поста было принято проносить его по всему селению, а затем выставлять на шесте в людном месте, где прохожие в течение всего поста швыряли в него камни, палки и грязь. В конце поста чучело торжественно сжигали или топили.

- 10) And then did Mr Tucker and myself, with Mr Acland the apothecary, that is clerk to our town, for he do know somewhat also of the law, and Digory Skinner, that is sergeant at mace and our constable, and others beside, ride out upon Posse comitatus, that we might inquire and make report.

Кликнули мы с мистером Такером аптекаря мистера Экланда, который малость смыслит в законах и потому у нас в городском совете ходатаем по делам, секретаря совета Дигори Скиннера – этот у нас еще и приставом

состоит, – еще кое-кого позвали и поехали вроде как *posse comitatus*, чтобы все самолично разведать и составить о том донесение.

Comm.: Отряд местных жителей, созываемый властями для подавления беспорядков, розыска преступников и пр. (лат.).

From “The Magus”, by J. Fowles; перевод Б. Кузьминского («Волхв»)

11) The second influence may seem surprising, but it was undoubtedly that of a book which haunted my childhood imagination, Richard Jefferies’s *Bevis*.

Второй образец, как ни покажется странным, – это, бесспорно, «Бевис» Ричарда Джеффриса, книга, покоровившая мое детское воображение.

Comm.: Роман «Бевис. История одного мальчика» (1882) – самое популярное произведение писателя и натуралиста Ричарда Джеффриса. В этой пространной книге скрупулезно описывается пребывание малолетнего героя на родительской ферме. Большую часть времени мальчик предоставлен самому себе; фермерский надел для него превращается в замкнутую, таинственную страну, населенную растениями, животными и даже демонами.

12) Un débauché de profession est rarement un homme pitoyable. De Sade, *Les Infortunes de la Vertu*

Подобное душевное безразличие, вне всякого сомнения, отличает только закоренелых развратников. Де Сад. Несчастливая судьба добродетели

Comm.: Роман маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастливая судьба добродетели» здесь и далее цитируется в переводе А. Царькова и С. Прохоренко.

13) I learnt later that there were only two other applicants, both Redbrick, and term was beginning in three days.

Позже выяснилось, что кроме меня на него имелось только два претендента, оба из *Редбрика*; семестр начинался через три недели.

Comm.: Редбрик (red brick, красный кирпич) – ироническое название провинциальных университетов, готовящих дипломированные кадры для местных нужд.

14) I went and got a drink and passed it over someone's shoulder; talk about Cannes, about Collioure and Valencia.

Я принес выпить и передал ей бокал через чье-то плечо; речь шла о Канне, о Коллиуре и Валенсии.

Comm.: Упоминание о Коллиуре и Валенсии в связи с Алисон – прямая отсылка к персонажу предыдущего романа Фаулза «Коллекционер» Миранде Грей, которая вспоминает о поездке в эти места со своим приятелем Пирсом.

15) <...> yet Donne was right, her death detracted, would for ever detract, from my life.

<...> но прав Джон Донн – ее небытие умаляет мое бытие, и никуда мне от этого не спрятаться.

Comm.: Имеются в виду слова Джона Донна: «Смерть каждого человека умаляет и меня, ибо я един со всем человечеством».

From "Wormholes", by J. Fowles; перевод И. Бессмертной, И. Тогоевой («Кротовые норы»).

16) Comm.: Буквальный перевод названия сборника «Wormholes» – «Червоточины», – используемый Дж. Фаулзом термин физики «пространство-время», о чем ниже говорит автор, не соответствует русскому физическому термину. По согласованию с литагентом Дж. Фаулза переводчики предлагают использовать в названии русский термин.

17) Their chatter deafens me, and I feel like Alice at the tea party.

Их болтовня оглушает, я чувствую себя точно как Алиса на чаепитии.

Comm.: «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла. Льюис Кэрролл – псевдоним преподавателя математики Оксфордского университета Чарльза Доджсона (1812-1898), прославившегося своими книгами «Алиса в Стране чудес» (1865) и «В Зазеркалье» (1871).

- 18) Because it has been shifted away from life, whatever, as Wittgenstein put it, is the case, these last fifty years.

Дело в том, что в последние пятьдесят лет роман вытесняется из жизни, не важно, как говорил *Витгенштейн*, в силу каких причин.

Comm.: *Людвиг Витгенштейн* (1889-1951) – философ, профессор Кембриджского университета (1939-1947), родившийся в Вене, но проведший большую часть жизни в Англии. К философии он пришел через математику. Одной из кардинальных тем его исследований был язык, виды и цели его использования и проблемы понимания. Единственная опубликованная при жизни работа – «Логико-философский трактат» (1922); среди посмертно опубликованных работ – «Философские исследования» (1953).

- 19) <...> a proposition so blasphemous to the average classic-stuffed Strasbourg goose, alias academic, that it must be correct.

<...> утверждение это звучит настолько еретично для среднего, нафаршированного классикой *страсбургского гуся*, что просто не может быть верным.

Comm.: *Гусь* (goose) – строгий и раздраженный критик; ругатель (*англ. сленг*).

- 20) All novelists, at least when writing novels, are really to be classed in terms of Lévi-Strauss's *pensée sauvage* <...>.

Все писатели, по крайней мере когда пишут романы, должны быть отнесены к категории *pensée sauvage* <...>.

Comm.: *pensée sauvage* – здесь: примитивно мыслящий (*фр.*).

From "Moby-Dick or, The Whale", by H. Melville; перевод И.М. Бернштейн («Моби Дик, или Белый Кит»)

- 21) Other or Ochter's verbal narrative taken down from his mouth by King Alfred, A.D. 890.

Рассказ Оттара, или Охтхере, записанный с его слов королем Альфредом в год от Рождества Христова 890

Comm.: *Рассказ норвежца Охтхере* представляет собой отрывок из подробных географических комментариев, которыми англосаксонский король Альфред Великий (848-899) снабдил свой перевод латинской «Истории» историографа и теолога V в. н.э. Павла Орозия.

22) Sibbald's Fife and Kinross. – *Сиббальд. «Файф и Кинросс»*

Comm.: *Сиббальд, Роберт* (1641-1722) – известный шотландский врач, географ и натуралист; по его имени в некоторых систематиках синий кит, блювал, называется китом Сиббальда.

23) Call me Ishmael. – *Зовите меня Измаил.*

Comm.: *Измаил* – по библейскому мифу, сын Авраама. В Книге Бытия о нем говорится: «И будет он между людьми как дикий осел, руки его на всех и руки всех на него; и перед лицом всех братьев своих он будет жить».

24) <...> or you might call him the Elephant and Castle whale.

<...> можно также сравнить его с вывеской гостиницы «Слон и Замок».

Comm.: Горбатый кит сравнивается здесь с вывеской и по сей день существующей лондонской гостиницы «*Слон и замок*», над входом в которую висит деревянный слон с каким-то несуразным сооружением на спине, долженствующим изображать седло с балдахином.

25) There are other ghosts than the Cock-Lane one, and far deeper men than Doctor Johnson who believe in them.

Ведь духи есть не только на *Кок-Лейн*, и люди куда посерьезнее доктора *Джонсона* верят в их существование.

Comm.: ... *духи... на Кок-Лейн...* – в конце XVIII века в Лондоне, в доме № 33 по *Кок-Лейн*, поселились, как утверждала молва, духи, учинявшие шум и беспорядки; была учреждена комиссия по расследованию, в состав которой входил известный писатель доктор Сэмюэль Джонсон. Впоследствии мистификация была разоблачена.

2. Find 5 examples of zero commentary. Explain the absence of commentary. Make your own commentary.

3. Comment upon the differences in translator's commentary. Say which is the best, give reasons.

1) Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина.

a) One hot spring evening, just as the sun was going down, two men appeared at *Patriarch's Ponds*. (1)

Comm.: Patriarch's Ponds – a real location in the heart of old Moscow. While this was a place where Bulgakov spent a lot of time when he first came to Moscow, the location has double significance for the novel – it is named in honor of the Patriarch of the Russian Orthodox Church. Most of the places Bulgakov describes in this novel can still be found in today's Moscow (although many street names have changed), which has led to an entire Bulgakov tour industry. However, sometimes the author moves streets when it suits him, and relocates buildings, thus befuddling many critics who want the topography to be entirely accurate. Bulgakov consciously mixes realia of Moscow life typical of both the 1920s and 1930s. (1)

b) At the hour of the hot spring sunset two citizens appeared at the *Patriarch's Ponds*. (2)

Comm.: The Patriarch's Ponds: Bulgakov uses the old name for what in 1918 was rechristened 'Pioneer Ponds'. Originally these were three ponds, only one of which remains, on the place where Philaret, eighteenth-century patriarch of the Russian Orthodox Church, had his residence. (2)

2) Первый был не кто иной, как Михаил Александрович Берлиоз, председатель правления одной из крупнейших московских литературных ассоциаций, сокращенно именуемой МАССОЛИТ, и редактор толстого

художественного журнала, а молодой спутник его – поэт Иван Николаевич Поньрев, пишущий под псевдонимом Бездомный.

a) The first man was none other than *Mikhail Alexandrovich Berlioz*, editor of a literary magazine and chairman of the board of one of Moscow's largest literary associations, known by its acronym, *MASSOLIT*, and his young companion was the poet Ivan Nikolayevich Ponyryov, who wrote under the pen name *Bezdomny*. (1)

Comm.: Mikhail Alexandrovich – Russian names are formally given as first, patronymic, and last. When respect is being accorded, the full first name and patronymic are used. Berlioz's initials match Bulgakov's own.

MASSOLIT – a very funny acronym in Russian, which might be best conveyed in English as LOTSALIT. Bulgakov found the Soviet passion for acronyms very funny, and made up various absurd ones throughout his career, although the real ones were bizarre enough.

Bezdomny – this name literally means “Homeless,” and brings to mind an entire series of famous pseudonyms, starting with Maksim Gorky (“the Bitter”) and ending with Demyan Bedny (“the Poor”). Bedny is apposite in that he was known for especially egregious antireligious works, such as the 1925 *The New Testament without Defects of the Evangelist Demyan*. Although some have sought historical prototypes for every character in the novel, few of those suggested for the main characters are convincing. Bulgakov's main characters tend to be a blend of many sources, and sometimes are deliberate abstractions (the Master himself is a good example of this). Minor characters, however, do tend to have recognizable sources in a single figure. (1)

b) The first was none other than *Mikhail Alexandrovich Berlioz*, editor of a fat literary journal and chairman of the board of one of the major Moscow literary associations, called *Massolit* for short, and his young companion was the poet Ivan Nikolayevich Ponyrev, who wrote under the pseudonym of *Homeless*. (2)

Comm.: Berlioz: Bulgakov names several of his characters after composers. In addition to Berlioz, there will be the financial director Rimsky and the psychiatrist Stravinsky. The efforts of critics to find some meaning behind this fact seem rather strained.

Massolit: An invented but plausible contraction parodying the many contractions introduced in post-revolutionary Russia. There will be others further on – Dramlit House (House for Dramatists and Literary Workers), financial director (financial director), and so on.

Homeless: In early versions of the novel, Bulgakov called his poet Bezrodny ('Tastless' or 'Familyless'). Many 'proletarian' writers adopted such pen-names, the most famous being Alexei Peshkov, who called himself Maxim Gorky (gorky meaning 'bitter'). Others called themselves Golodny ('Hungry'), Besposhchadny ('Merciless'), Pribludny ('Stray'). Worthy of special note here is the poet Efim Pridvorov, who called himself Demian Bedny ('Poor'), author of violent anti-religious poems. It may have been the reading of Bedny that originally sparked Bulgakov's impulse to write *The Master and Margarita*. In his Journal of 1925 (the so-called 'Confiscated Journal' which turned up in the files of the KGB and was published in 1990), Bulgakov noted: 'Jesus Christ is presented as a scoundrel and swindler... There is no name for this crime.' (2)

3) – Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! – совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

a) "This guy Kant ought to get three years in *Solovki* for proofs like that," blurted out Ivan Nikolayevich, completely unexpectedly. (1)

Comm.: Solovki – the nickname given to a famous prison in the north of Russia on the Solovetsky Islands in the White Sea. Originally it was famous for its monastery, but in the 1920s a famous and terrifying prison was established there and it became shorthand for the worst possible fate. There is another level to this reference, one which fits in with one of the main subtexts of this novel: as a monastery, it had a bloody history in Old Russia. At the time of the liturgical reforms in the sixteenth century, the monks of this monastery refused to accept

the changes which were to bring the Russian Orthodox Church into compliance with Greek Orthodox forms of worship – such people were called Old Believers – and the monks were massacred after a ten-year siege. (1)

b) ‘They ought to take this Kant and give him a three-year stretch in Solovki for such proofs!’ Ivan Nikolaevich plumped quite unexpectedly. (2)

Comm.: Solovki: A casual name for the ‘Solovetsky Special Purpose Camps’ located on the site of a former monastery on the Solovetsky Islands in the White Sea. They were of especially terrible renown during the thirties. The last prisoners were loaded on a barge and drowned in the White Sea in 1959. (2)

4) – Нет, – ответил собеседник, – русская женщина, комсомолка.

a) “No,” replied his interlocutor, “by a Russian woman, *a member of the Komsomol.*” (1)

Comm.: A member of the Komsomol – the Komsomol was the youth organization run by the Communist Party. A female Komsomol member would be pure of heart and motive, something like a political Girl Scout, which is why Berlioz thinks Woland is joking. (1)

b) ‘No,’ replied his interlocutor, ‘by a Russian woman, *a Komsomol girl.*’ (2)

Comm.: Komsomol: Contraction of the Union of Communist Youth, which all good Soviet young people were expected to join. (2)

5) Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал.

a) Some authentic manuscripts of the tenth century master of black magic, *Gerbert of Aurillac*, have been discovered here in your State Library. And I’ve been asked to examine them. (1)

Comm.: Gerbert of Aurillac – real name of Pope Sylvester II, who reigned from 999-1003, and was a leading scholar of his time. Early in his career he was accused of being a Manichean dualist on the basis of the contents of his *Epistolae*. Relevant to Bulgakov’s interest is the fact that after his death the

rumor arose that he was a necromancer, since his learning was so remarkable that was assumed by the ignorant that the devil must have played a part in it. (1)

b) In a state library here some original manuscripts of the tenth-century necromancer *Gerbert of Aurillac* have been found. So it is necessary for me to sort them out. (2)

Comm.: Gerbert of Aurillac: (958-1005), theologian and mathematician, popularly taken to be a magician and alchemist. He became pope in 999 under the name of Sylvester II.

б) В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

a) Early in the morning on the fourteenth day of the spring month of *Nisan*, wearing a white cloak with a blood-red lining, and shuffling with his cavalryman's gait into the roofed colonnade that connected the two wings of the palace of Herod the Great, walked the procurator of Judea, Pontius Pilate. (1)

Comm.: Nisan – the first month of the synagogal year (seventh in the civil year) in the Jewish lunar calendar, roughly corresponding to the end of March and part of April.

b) In a white cloak with blood-red lining, with the shuffling gait of a cavalryman, early in the morning of the fourteenth day of the spring month of *Nisan*, there came out to the covered colonnade between the two wings of the palace of Herod the Great the procurator of Judea, Pontius Pilate. (2)

Comm.: Nisan: The seventh month of the Jewish lunar calendar, twenty-nine days in length. The fifteenth day of Nisan (beginning at sundown on the fourteenth) is the start of the feast of Passover, commemorating the exodus of the Jews from Egypt. (2)

7) – Он отказался дать заключение по делу и смертный приговор Синедриона направил на ваше утверждение, – объяснил секретарь.

a) “He refused to give a judgment in the case and sent the death sentence pronounced by the Sinedrion to you for confirmation,” explained the secretary. (1)

Comm.: Sinedrion – Bulgakov deliberately uses the unusual Greek form instead of the Russian *sovet* for what is normally known in English as the Sanhedrin, at this time the Jewish equivalent of a Supreme Court. Throughout these chapters the author is defamiliarizing this material for the Russian reader by using unusual, yet understandable forms. If the Greek is customary, he uses the Aramaic or the Latin, etc. Since Jerusalem at the time of Christ was a polyglot city (Hellenized Jews spoke Greek, the locals spoke Aramaic, and the Roman rulers spoke Latin), the mixing of languages is justified, even within one conversation. It is noteworthy that the only main character to be given a Hebrew version of his name is Yeshua Ha-Notsri, called Isus in the Russian Bible. Another unusual name transcription choice is the version Levi Matvei, which is a purely Russian non-biblical form of Matthew the Levite. In many cases periphrasis is used: instead of the Fulminata Regiment – the Lightning Regiment; instead of Gethsemane – the olive grove, etc.

In his research Bulgakov appears to have relied on the Russian translations of several main works of Christology (the lives of Jesus by Strauss and Farrar), various encyclopedias, famous literary works about the subject (such as Anatole France’s *Pontius Pilate*), and the main ancient histories (Flavius Josephus, Tacitus). His research was not, however, confined to historical sources – when something in folklore or the apocryphal books of the Bible struck him he used it, as will become clear.

Despite his efforts to be (or, rather, seem) accurate, there are necessarily occasional errors and misunderstandings, such as naming a gate which was not yet built at the time of his story, etc. Given the complexity of the sources, however, Bulgakov did a remarkable job for an amateur who knew virtually none of the languages involved. (1)

b) ‘He refused to make a decision on the case and sent the *Sanhedrin*’s death sentence to you for confirmation,’ the secretary explained. (2)

Comm.: Sanhedrin: The highest Jewish legislative and judicial body, headed by the high priest of the temple in Jerusalem. The lower courts of justice were called lesser sanhedrins. (2)

8) – Не знаешь ли ты таких, – продолжал Пилат, не сводя глаз с арестанта, – некоего Дисмаса, другого – Гестаса и третьего – Вар-раввана?

a) “Don’t you know these people,” continued Pilate, keeping his eyes fixed on the prisoner, “a certain *Dismas*, *Gestas*, and *Bar-rabban*?” (1)

Comm.: Dismas, Gestas – these names are mentioned in the Apocryphal New Testament of Nicodemus, which Bulgakov drew on in addition to the historically acceptable sources.

Bar-rabban – Bulgakov uses this instead of the Varavva of the Russian Bible; again, Renan is the likely source. This name means simply “son of the father,” another messianic reference; both Bar-rabban and Yeshua are thus seen as messianic figures by their followers, and the authorities simply have to decide which is the more dangerous. (1)

b) ‘Do you happen to know,’ Pilate continued without taking his eyes off the prisoner, ‘such men as a certain *Dysmas*, another named *Gestas*, and a third named *Bar-Rabban*?’ (2)

Comm.: Dysmas ... Gestas ... Bar-Rabban: The first two are the thieves crucified with Christ; not given in the canonical Gospels, the names here come from the apocryphal Gospel of Nicodemus (part of which is known as ‘the Acts of Pilate’), one of Bulgakov’s references during the writing of the novel. The third is a variant on the Barabbas of the Gospels. (2)

9) – Светильники зажег... – сквозь зубы в тон арестанту проговорил Пилат, и глаза его при этом мерцали.

a) “*Lit the candles*,” said Pilate through his teeth, speaking in the same tone of voice as the prisoner, his eyes glittering. (1)

Comm.: Lit the candles... – according to Jewish law, a trap for criminals had to be well-lit, to avoid mistaken identity. By this Bulgakov is indicating an entire subtext in Pilate’s understanding of who Judas really is, and who has employed him. (1)

b) ‘*Lit the lamps...*’ Pilate spoke through his teeth, in the same tone as the prisoner, and his eyes glinted. (2)

Comm.: Lit the lamps: According to B.V. Sokolov’s commentary to the Vysshaya Shkola edition of the novel (Leningrad, 1989), the law demanded that lights be lit so that the concealed witnesses for the accusation could see the face of the criminal. This would explain Pilate’s unexpected knowledge. (2)

10) <...> это я тебе говорю – Пилат Понтийский, всадник Золотое Копье!

a) “It is I who am telling you this – Pontius Pilate, Knight of the Golden Spear!”
(1)

Comm.: Knight – Pilate is a member of the *ordo equester* (equestrian class), the usual category for a man who became a procurator (prefect) in Roman times. This word, *vsadnik*, may be translated as horseman, cavalryman, rider or knight. In the sense that it means belonging to an elite group, it is normally translated as knight. The figure of the cavalryman or knight is encountered in many of Bulgakov’s works, and clearly had a special autobiographical meaning, as well as a clear connection to the famous four horsemen of the Apocalypse. (1)

b) <...> ‘it is I who tell you so, Pontius Pilate, equestrian of the Golden Spear!’
(2)

Comm.: Equestrian of the Golden Spear: The equestrian order of Roman nobility was next in importance to the Senate. Augustus reformed the order, after which it supplied occupants for many administrative posts. The name Pilate (Pilatus) may derive from *pilum*, Latin for ‘spear’. (2)

Из романа «Мастер и Маргарита» М. Булгакова;

(1) translated by D. Burgin and K. O’Connor;

(2) translated by R. Pevear and L. Volokhonsky

4. Give commentary to the texts of translation from sections 3.2 (ex. 3-6), 3.3 (ex. 3, 5, 6), 3.4 (ex. 2-4), 3.5 (ex. 2-5).

5. Read the following texts, find lexical gaps. Translate, paying attention to the filling in the gaps. Write translator's commentary.

Extract 1

На сосновом столе, вынесенном из людской кухни на воздух, стояли: бочонок пива, два штофа казенного вина, миска жареной рыбы и пшеничный калач. Пьяная кухарка в новой ситцевой кофточке с оборками сердито подавала гуляющим батракам порции рыбы и наливала кружки.

Гармонист в расстегнутой тужурке, расставив колени, качался на стуле, перебирая басовые клапаны задыхающейся гармоники.

Два прямых парня с равнодушными лицами, взявши друг друга за бока, подворачивали каблуки, вытаптывая польку. Несколько батрачек, в новых, нестиранных платках, со щеками, намазанными ради кокетства и смягчения кожи помидорным рассолом, стояли, обнявшись, в своих тесных козловых башмаках.

Рудольф Карлович и Луиза Францевна пятились от наступавшего на них батрака.

Батрак был совершенно пьян. Несколько человек держали его за руки. Он вырывался. Юшка текла из носа на праздничную, разорванную пополам рубашку. Он ругался страшными словами.

Рыдая и захлебываясь в этих злобных, почти бешеных рыданиях, он кричал, скрипя зубами, как во сне:

– Три рубля пятьдесят копеек за два каторжных месяца!.. У, морда твоя бессовестная! Пустите меня до этой сволочи! Будьте людьми, пустите меня до него: я из него душу выниму! Дайте мне спички, пустите меня до соломы: я им сейчас именины сделаю... Ох, нет на тебя Гришки Котовского, гадюка!

Extract 2

Несмотря на свои девять с половиной лет, Гаврик в иных случаях жизни действительно разбирался лучше, чем многие взрослые. Да и не мудрено. Мальчик с самых ранних лет жил среди рыбаков, а одесские рыбаки, в сущности, мало чем отличались от матросов, кочегаров, рабочих из доков, портовых грузчиков, то есть самой нищей и самой вольнолюбивой части городского населения.

Все эти люди на своем веку довольно хлебнули горя и на собственной шкуре испытали, «почем фунт лиха», что взрослые, что дети – безразлично. Может быть, детям было даже еще хуже, чем взрослым.

Шел тысяча девятьсот пятый год, год первой русской революции.

Все нищие, обездоленные, бесправные подымались на борьбу с царизмом. Рыбаки занимали среди них не последнее место. А борьба начиналась лютая: не на жизнь, а на смерть. Борьба учила хитрости, осторожности, зоркости, смелости.

Все эти качества совершенно незаметно, исподволь росли и развивались в маленьком рыбаке.

Брат Гаврика, Терентий, тоже сперва рыбачил, но потом женился и пошел работать в вагонные мастерские. По множеству признаков Гаврик не мог не догадываться, что старший брат его имеет какое-то отношение к тому, что в те времена называлось глухо и многозначительно – «движение».

Бывая в гостях у Терентия на Ближних Мельницах, Гаврик частенько слышал, как братон говорил слова «комитет», «фракция», «явка»... И хотя смысла их Гаврик не понимал, однако чувствовал, что слова эти связаны с другими, понятными всякому: «забастовка», «сыскное», «листовка».

Особенно хорошо было известно Гаврику, что такое листовки – эти странички плохой бумаги с мелкой серой печатью. Однажды, по просьбе Терентия, Гаврик даже разносил их ночью по берегу и клал, стараясь, чтобы никто не заметил, в рыбацьи шаланды.

Тогда Терентий сказал:

– А как кто-нибудь увидит – прямо кидай их в воду и тикай. А как поймают – скажи, что нашел в бурьяне.

Но все обошлось благополучно.

Extract 3

Терентий как бы вовсе не принадлежал себе. Случалось, за ним являлись ночью, и он, не говоря ни слова, одевался и уходил, иногда на целые сутки.

Постоянно в доме сидели какие-то приезжие, которым надо было готовить кулеш, кипятить в чайнике воду. В сенях не выводилась осенняя грязь, в комнате столбом стоял махорочный дым.

У мальчика не хватало совести сесть на шею семейному брату, приходилось кормиться самому. Не маленький! Надо было тоже носить передачи дедушке в участок. Конечно, без дедушки о рыбной ловле нечего было и думать. Да и погода пошла плохая – через день шторм.

Гаврик сходил на берег, перетащил лодку к соседям и запер хибарку на замок.

Теперь он целыми днями бродил по городу в старых чоботах Терентия, ища себе пропитания. Конечно, выгоднее всего было просить милостыню. Но Гаврик скорее согласился бы сдохнуть, чем протянуть руку прохожему. Вся его рыбацкая кровь закипала при одной мысли об этом.

Нет! Он привык добывать хлеб трудом. Он носил кухаркам корзинки с привоза до самого дома за две копейки. Он помогал грузчикам на станции Одесса-Товарная. Для извозчиков, которые, под угрозой штрафа, не имели права отлучаться от лошади, он бегал в монопольку за шкаликом водки.

Если же работы все-таки не находилось, а есть хотелось, он отправлялся в кладбищенскую церковь и дожидался покойника, чтобы получить в шапку горсть колева, этого погребального блюда, состоящего из вареного риса, засыпанного сахарной пудрой и выложенного лиловыми мармеладками.

Раздавать на похоронах колево – такой был одесский обычай. Этим обычно широко пользовались кладбищенские нищие. Некоторые из них нагуливали себе довольно толстые морды. Но так как колево ели не только нищие, но и все присутствующие на похоронах, то Гаврик не считал для себя унижительным пользоваться столь удобным обычаем. Тем более, что попадавшиеся мармеладки

можно было снести детям Терентия в виде гостинца, без которого Гаврик считал неудобным являться ночевать.

Иногда Терентий посылал его отнести какой-нибудь сверток по адресу, который непременно надо было выучить наизусть и ни в коем случае не записывать на бумажку. Гаврику очень нравились эти поручения, несомненно имевшие какую-то связь с теми делами, которыми постоянно был занят Терентий.

Сверток – чаще всего это были бумаги – Гаврик засовывал глубоко в карман и сверху приглаживал, чтобы не торчало. Он знал: «в случае чего» надо говорить, что сверток нашел. Отыскав человека, надо обязательно сначала сказать: «Здравствуйте, дядя, вам кланяется Софья Ивановна». Человек ответит: «Как здоровье Софьи Ивановны?» И только тогда можно отдать сверток, но не раньше! Очень часто человек, получая сверток, давал целый гривенник «на конку».

Ух, как жутко и весело было идти по такому поручению!

Наконец, Гаврик добывал деньги игрой в ушки. Эта игра только что вошла в моду. Ею увлекались не только дети, но и взрослые. Ушками назывались форменные пуговицы различных ведомств, со вбитыми внутрь петельками.

Из повести «Белеет парус одинокий» В. Катаева

Extract 4

– <...> Три Спаса. Первый Спас – погибает он желтый от политуры палец, страшно расплющенный, – медовый Спас, Крест выносят. Значит, лету конец, мед можно выламывать, пчела не обижается... уж пошабашила. Второй Спас, завтра который вот, – яблочный, Спас-Преображение, яблоки кропят. А почему? А вот. Адам-Ева согрешили, змей их яблоком обманул, а не велено было, от греха! А Христос возшел на гору и освятил. С того и стали остерегаться. А который до окропенья поест, у того в животе червь заведется, и холера бывает. А как окроплено, то безо вреда. А третий Спас называется орешный, орехи спели, после Успенья. У нас в селе крестный ход, икону Спаса носят, и все орехи грызут. Бывало, батюшке насбираем мешок орехов, а он нам лапши молочной – для розговин. Вот ты им и скажи, и возьмут в училищу.

Преображение Господне... Ласковый, тихий свет от него в душе – донине. Должно быть, от утреннего сада, от светлого голубого неба, от ворохов соломы, от яблочков грушовки, хоронящихся в зелени, в которой уже желтеют отдельные листочки, – зелено-золотистый, мягкий. Ясный, голубоватый день, не жарко, август. Подсолнухи уже переросли заборы и выглядывают на улицу, – не идет ли уж крестный ход? Скоро их шапки срежут и понесут под пенью на золотых хоругвях. Первое яблочко, грушовка в нашем саду, – поспела, покраснелись. Будем ее трясти – для завтра. Горкин утром еще сказал:

– После обеда на Болото с тобой поедим за яблоками.

Такая радость. Отец – староста у Казанской, уже распорядился:

– Вот что, Горкин... Возьмешь на Болоте у Крапивкина яблок мер пять-шесть, для прихожан и ребятам нашим, “бели”, что ли... да наблюдных, для освящения, покрасовитей, меру. Для причта еще меры две, почище каких. Протодьякону особо пошлем меру апортовых, покрупней он любит.

– Ондрей Максимыч земляк мне, на совесть даст. Ему и с Курска, и с Волги гонят. А чего для себя прикажете?

– Это я сам. Арбуз вот у него выбери на вырез, астраханский, сахарный.

– Орбузы у него... рассахарные всегда, с подтреском. Самому князю Долгорукову посылает! У него в лобазе золотой диплом висит на стенке под образом, каки орлы-те!.. На всю Москву гремит.

Extract 5

Запрягают в полок Кривую. Ее держат из уважения, но на Болото и она дотащит. Встряхивает до кишок на ямках, и это такое удовольствие! С нами огромные корзины, одна в другой. Едем мимо Казанской, крестимся. Едем по пустынной Якиманке, мимо розовой церкви Ивана Воина, мимо виднеющейся в переулке белой – Спаса в Наливках, мимо желтеющего в низочке Марона, мимо краснеющего далеко, за Полянским Рынком, Григория Неокессарийского. И везде крестимся. Улица очень длинная, скучная, без лавок, жаркая. Дремлют дворники у ворот, раскинув ноги. И все дремлет: белые дома на солнце, пыльно-зеленые

деревья, за заборчиками с гвоздями, сизые ряды тумбочек, похожих на голубые гречневички, бурые фонари, плетущиеся извозчики. Небо какое-то пыльное, – «от парева», – пожевывая, говорит Горкин. Попадается толстый купец на извозчике, во всю пролетку, в ногах у него корзина с яблоками. Горкин кланяется ему почтительно.

– Староста Лощенов с Шаболовки, мясник. Жадный, три меры всего. А мы с тобой закупим боле десяти, на всю пятерку.

Вот и Канава, с застоявшейся радужной водою. За ней, над низкими крышами и садами, горит на солнце великий золотой купол Христа Спасителя. А вот и Болото, по низинке, – великая площадь торга, каменные «ряды», дугами. Здесь торгуют железным ломом, ржавыми якорями и цепями, канатами, рогожей, овсом и солью, сушеными снетками, судаками, яблоками... Далеко слышен сладкий и острый дух, золотится везде соломкой. Лежат на земле рогожи, зеленые холмики арбузов, на соломе разноцветные кучки яблока. Голубятся стайками голубки. Куда ни гляди – рогожа да солома.

– Бо-льшой нонче привоз, урожай на яблоки, – говорит Горкин, – поест яблочков Москва наша.

Мы проезжаем по лабазам, в яблочном сладком духе. Молодцы вспарывают тюки с соломой, золотится над ними пыль. Вот и лабаз Крапивкина.

– Горкину-Панкратычу! – дергает картузом Крапивкин, с седой бородой, широкий. – А я-то думал – пропал наш козел, а он вон он, седа бородка!

Из романа «Лето Господне» И. Шмелева

6. Compare your translation with translations by your group mates and the given translations. Discuss commentary. Assess the quality of translations.

Extract 1

On a pine table brought from the servants' kitchen stood a keg of beer, two jugs of vodka, a bowl of fried fish, and a wheaten loaf. The drunken cook, in a new print blouse with frills, was angrily serving the merry-makers portions of fish and filling their mugs. A

concertina-player, his coat unbuttoned and his knees spread apart, swayed from side to side on a stool as his fingers rambled over the bass keys of the wheezing instrument.

Two straight-backed fellows with impassive faces had taken each other by the waist and were stamping out a polka, with much flourishing of the heels. Several women labourers in brand-new kerchiefs and tight kid pumps, their cheeks smeared with the juice of pickled tomatoes – for coquetry and to soften the skin – stood with their arms round one another.

Rudolf Karlovich and Luiza Frantsevna were backing away from one of the labourers.

He was as drunk as a lord. Several men were holding him back. He strained to get free. Blood spurted from his nose on his Sunday shirt, which was ripped down the middle. He was swearing furiously.

Sobbing and choking over his frenzied words, and grinding his teeth the way people do in their sleep, he shouted: “Three rubles and fifty kopeks for two months of slaving! Miser! Let me get at the bastard! Just let me get at him! I’ll choke the life out of him! Matches, somebody! Let me get at the straw! I’ll give them a birthday party! If only Grishka Kotovsky was here, you rat!”

Comm.: Grigori Kotovsky (1887-1925) was active in the agrarian movement in Bessarabia in 1905-1906; he was a leader of the Bessarabian peasants’ partisan actions against the landowners. In 1918-1920 this son of the people was an army leader and Civil War hero.

Extract 2

Although only nine and a half, Gavrik really did have a better understanding of some things than many adults. This was not surprising, for from his earliest years he had lived among fishermen, and the fishermen of Odessa did not differ essentially from the sailors, stokers, shipyard workers and dockers, that is to say, from the poorest and most freedom-loving section of the city’s population.

They all had more than their share of life’s trials and tribulations, the children no less than the adults – and perhaps even more.

This was the year 1905, the year of the first Russian revolution.

The poor, the disinherited, the oppressed were rising to fight tsarism. And not the last among them were the fishermen.

It was a fierce struggle that had started, a struggle to the death. And a struggle that taught them to be shrewd, cautious, vigilant, daring.

All these qualities had gradually, imperceptibly, grown and developed in our little fisherman.

Gavrik's brother Terenti had also been a fisherman. After his marriage, however, he had gone to work in the railway shops. From many signs Gavrik could not help guessing that his elder brother had something to do with what in those times was vaguely and significantly called "the Movement".

When he visited Terenti at Near Mills, Gavrik often heard him use words like "committee", "faction", "password". Although he did not know what they meant, he sensed that they were connected with words like "strike", "police agent" and "leaflet", words everyone understood.

Gavrik knew especially well what leaflets were, those sheets of rough paper with small grey letters printed on them. Once Terenti had asked him to distribute some along the shore, and he had put them, at night, in the fishing boats, trying to do it so that no one saw him.

Terenti had said, "If anyone sees you, throw them into the water and run. If they catch you, say you found them in the bushes."

But everything had gone off all right.

Extract 3

Terenti did not seem to belong to himself. Men would come for him in the middle of the night, and without saying a word he would dress and go off, sometimes for days.

People were always arriving at the house. The teakettle had to be put on for them and gruel prepared. There were always muddy tracks in the passage those autumn days; the room was filled with clouds of cheap tobacco smoke.

Gavrik's conscience would not allow him to be a burden on his brother, who had a family to provide for, and so he had to make his own living. After all, he wasn't a child! Besides, he had to have food to take to Grandpa in jail. Fishing, of course, was out of the question without Grandpa. Then, too, the weather had turned bad, with storms blowing every other day.

Gavrik went down to the beach, hauled the boat over to a neighbour's, and hung the padlock on the door of the hut.

From morning to night he now wandered about the city in Terenti's old boots, looking for ways of earning his daily bread. Begging would of course have been the easiest way out. But Gavrik was ready to die rather than stretch out a hand for alms. The very thought of it made his fisherman's blood boil.

No! He was accustomed to earning his bread by working. He carried cooks' baskets home from the market for two kopeks. He helped the loaders at the Odessa Goods Station. He would run to the spirits shop to get vodka for coachmen who, under penalty of a fine, were not allowed to leave their horses.

When he was hungry and unable to find work of any kind, he would go to the cemetery chapel and wait for a burial, in order to receive in his cap a handful of *kolevo*, that funeral dish of cooked rice sprinkled with powdered sugar and decorated with lilac-coloured sweets.

The distribution of *kolevo* at funeral was an old custom, and the cemetery beggars took advantage of it. Some of them even grew fat on it. But since *kolevo* was eaten not only by the beggars but by all who attended the funeral, Gavrik did not feel it beneath him to take advantage of so convenient a custom. The more so since the sweets he came by could be taken to Terenti's children as gifts – and without gifts Gavrik did not feel it proper to return home for the night.

Sometimes Terenti asked him to take a parcel to an address that had to be learned by heart and could under no circumstances be put down on paper. Gavrik liked these errands very much, for they clearly had some connection with the affairs that kept Terenti so busy.

The parcel, usually a roll of papers, Gavrik would thrust deep down in his pocket and then press flat so that it did not show. He knew that if he was caught he was to say he had found it.

After finding the person for whom it was intended he had to be sure to say at first, “How do you do? Sophia Ivanovna sends you her regards.” The person would reply, “How is Sophia Ivanovna’s health?” Only then could he hand over the parcel. Very often the person, after taking the parcel, would give him a whole ten-kopek piece “for tram fare”.

How much terror and fun there was in those errands!

Finally, Gavrik earned money by playing “lugs”, a game that had recently come into fashion not only among children but among adults as well. Lugs was the name given to the buttons from uniforms worn by government employees, with the links bent in.

From “A White Sail Gleams”, by V. Kataev

Translated by L. Stoklitsky

Extract 4

“<...> Three Saviors. The first Savior,” he bends his finger, yellowed with varnish and horribly squashed, “Savior of the honey; they bring out the Cross. That means summer’s over, you can break out the honey, the bee won’t mind... he’s done with his work. The second Savior, the one that’s tomorrow, is the Savior of the Apples, the Transfiguration of the Savior; they sprinkle the apples. Why? Here’s why. Adam-Eve sinned, the snake deceived them with an apple, they weren’t supposed to; from sin! But Christ went up the mountain and blessed it. That is why they began to be careful. Whoever eats the apple before the sprinkling will get worms in his stomach, and there can be cholera. But after it’s sprinkled there’s no danger. The third Savior is called the Savior of the nuts, the nuts are ripe, after Dormition. We have a procession in our village; they carry the icon of the Savior, and everyone chews nuts. Sometimes we gather a bag of nuts for Batiushka, and he gives us milk noodles – to break the fast with. Why, you tell ‘em, and they’ll take you at the school.”

The Transfiguration of the Savior.... There's a tender, gentle light in my soul from it to this day. It should be, from the morning garden, from the bright blue sky, from the heaps of hay, from the apples and pears preserved in the greenery, a few leaves of which are already withering – greenish-gold, and soft. A bright, light-bluish day, not hot; August. The sunflowers have already grown over the fences and peer at the street—is the procession going yet? Soon they will cut off the caps and take them while singing, under the golden banners. The first “grushovka” apple in our orchard is ripe and red. We will shake the tree – for tomorrow. Gorkin also said this morning, “After lunch you and I will go to Boloto for apples.”

What joy. Father, the warden of Kazan Church, has already decided it: “Here, Gorkin... You'll buy five or six bushels of apples in Boloto from Krapivkin, for the parishioners and our kids, “whites,” maybe... to put on the platter, to be blessed; a bushel of the prettier ones. Another bushel for the clergy, the cleaner ones. We'll send a bushel of Oportos to the Archdeacon; he likes them large.”

“Ondrei Maksimich is from my home town – he'll sell them in good conscience to me. They send them from Kursk, and from the Volga. And what do you want for yourself?”

“I'll get it myself. Choose a watermelon to cut up from him, from Astrakhan; a sweet one.”

“His watermelons are ... always right sweet, with a brisk crunch. He sends them to Prince Dolgoruky himself! He has a gold diploma hanging on the wall of his store, under the icon, with a seal! Famous all over Moscow.”

Extract 5

They bridle Crooked to the dray. They keep her out of respect, but she can also drag the dray to Boloto. She shakes us to the guts on the potholes, and it's so fun! We have huge baskets with us, one inside the other. We ride past the Kazan church and cross ourselves. We drive through the empty Yakimanka neighborhood, past the pink church of John the Soldier, past the church of the Savior in Nalivki, peeking white from the lane, past the St. Maron church, yellowing in the lower street, past the church of St. Gregory of

Neoceasaria blushing red in the distance, in the Polyana Market. We cross ourselves everywhere. The street is very long, monotonous, without shops, and hot. The yardmen doze by the gates with their legs outstretched. Everything is dozing: the white houses in the sun, the dusty-green trees, behind the fences with nails the blue-gray row of pillars looking like light-blue conical peasant caps, brownish lanterns, the weaving cab drivers. The sky is sort of dusty, “from steam rising,” said Gorkin with a little yawn. We come across a fat merchant in a cab flying down the street with a basket of apples at his feet. Gorkin bows to him respectfully.

“Church warden Loschenov from Shabolovka, a butcher. Gre-eddy – only three bushels. But you and I are going to buy more than ten – a whole five-spot’s worth.

There is the Canal with the stagnant, rainbow-colored water. Beyond it, over the low roofs and gardens, the great gold cupola of Christ the Savior Cathedral flashes in the sun. And there is Boloto, down below – a great market square, stone shop “rows” and arcs. Here they sell scrap metal, rusty anchors and chains, rope, bast matting, oats and salt, dried smelt, pike-perch, apples.... You can smell the sweet and sharp aromas from far away; the yellow of straw is everywhere. Bast mats lie on the ground, green mounds of watermelon, and multi-colored piles of apples on the straw. Doves wing tenderly in dules. Bast and straw, everywhere you look.

“A gre-at load there is now, the apple harvest,” says Gorkin, “Our Moscow will eat apples.”

We ride past the stores, into the sweet apple fragrance. Young fellows tear open the bundles of straw, and dust swirls golden above us. Here is Krapivkin’s store.

“To Gorkin-Pankratich!” Krapivkin with his vast, gray beard jerks his cap. “And I thought... our old goat has disappeared; but there he is, the gray-beard!”

From “Year of the Lord”, by I. Shmelyov

Translated by Nun Cornelia

3.7 Questions for self-control

1. What are the ways to translate speaking names?
2. What is time distance? What are indications of time distance in the text?
3. Name the means of recreating time distance in the translation.
4. What are characteristic traits of the literature school and author's style?
5. Name the means of recreating traits of the literature school in the translation.
6. Name the means of recreating traits of author's style in the translation.
7. Characterize essays as a genre of belles-lettres. What difficulties can a translator encounter when translating essays?
8. What is commentary? Name its differences from explication and compensation.
9. What types of commentary do you know?

Список использованных источников

- 1 Авербух, К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода / К.Я. Авербух, О.М. Карпова. – М. : Академия, 2009. – 174 с.
- 2 Адамсон, Дж. Рожденная свободной / Дж. Адамсон, пер. с англ. Л. Жданова. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 528 с.
- 3 Азов, А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы / А.Г. Азов. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 304 с.
- 4 Акройд, П. Лондонские сочинители / П. Акройд, пер. с англ. И. Стам. – М.: Иностранка, 2008. – 272 с.
- 5 Алексеева, И.С. Профессиональный тренинг переводчика / И.С. Алексеева. – СПб.: Изд-во «Союз», 2005. – 288 с.
- 6 Алексеева, И.С. Текст и перевод. Вопросы теории / И.С. Алексеева. – М.: Международные Отношения, 2008. – 184 с.
- 7 Арнольд, И.В. Стилистика английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
- 8 Башкатова, Ю.А. История литературы Великобритании и США XIX-XXI вв.: интерпретация текста [Электронный ресурс] / Ю.А. Башкатова, Г.И. Лушникова. – Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2014. – 162 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=278310>
- 9 Бернштейн, И. Английские имена в русских переводах [Электронный ресурс] / И. Бернштейн // Иностранная литература. – 1998. – № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/4/bernsht.html>
- 10 Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова. – М. : Флинта ; : Наука, 2009. – 520 с.
- 11 Брандес, М.П. Предпереводческий анализ текста / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – М. : НВИ-Тезаурус, 2001. – 224 с.
- 12 Брандес, М.П. Стиль и перевод / М.П. Брандес. – М. : Высшая школа, 1988. – 127 с.

- 13 Брэдбери, Р. Вино из одуванчиков / Р. Брэдбери; пер. с англ. Э. Кабалева. – М.: Эксмо, 2015. – 320 с.
- 14 Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков // Избранное: Мастер и Маргарита: Роман; Рассказы / М.А. Булгаков. – М.: Худож. лит., 1988. – 480 с.
- 15 Бунин, И.А. Сны Чанга / И.А. Бунин // Стихотворения. Рассказы / И.А. Бунин. – М.: Правда, 1986. – 544 с.
- 16 Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
- 17 Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343 с.
- 18 Галь, Н.Я. Слово живое и мертвое / Н.Я. Галь. – М.: Время, 2007. – 592 с.
- 19 Гальперин, И.Р. Stylistics / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1977. – 332 с.
- 20 Генис, А. Глаз и буква [Электронный ресурс] / А. Генис // Вавилонская башня / А. Генис. – М.: Независимая газета, 1997. – 256 с. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/genis4-5.html>
- 21 Генис, А. Письма из Древней Греции [Электронный ресурс] / А. Генис // Вавилонская башня / А. Генис. – М.: Независимая газета, 1997. – 256 с. – URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/genis4-1.html>
- 22 Гиляровский, В.А. Москва и москвичи [Электронный ресурс] / В.А. Гиляровский. – URL: http://modernlib.ru/books/gilyarovskiy_vladimir/moskva_i_moskvichi/
- 23 Голдинг, У. Повелитель мух / У. Голдинг; пер. с англ. Е. Суриц // «Шпиль» и другие повести / Голдинг, У. – М.: Прогресс, 1981. – 448 с.
- 24 Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада» / И.А. Гончаров // Собрание сочинений: в 6 т. / Гончаров, И.А. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. – Т. 2. – 264 с.
- 25 Дерюгин, А.А. В.К. Третьяков – переводчик. Становление классицистического перевода в России / А.А. Дерюгин. – Саратов: Изд-во СГУ, 1985. – 191 с.

26 Джваршейшвили, Р.Г. Психологическая проблема художественного перевода / Р.Г. Джваршейшвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1984.

27 Егунов, А.Н. Гомер в русских переводах XVIII-XIX веков / А.Н. Егунов. – М. : Индрик, 2001. – 400 с.

28 Ермолович, Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.

29 Жаткин, Т.В. Перевод П.И. Вейнбергом «Школы злословия» Р. Шеридана в контексте традиций осмысления этого произведения в России [Электронный ресурс] / Д.Н. Жаткин, Т.В. Корнаухова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Выпуск № 1. – том 10. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/perevod-p-i-veynbergom-shkoly-zlosloviya-r-sheridana-v-kontekste-traditsiy-osmysleniya-etogo-proizvedeniya-v-rossii>

30 Казакова, Т.А. Imagery in Translation. Практикум по художественному переводу / Т.А. Казакова. – СПб.: Союз, 2003. – 320 с.

31 Казакова, Т.А. Translation Techniques. Практические основы перевода / Т.А. Казакова. – СПб.: Лениздат; Изд-во «Союз», 2003. – 320 с.

32 Казакова, Т.А. Художественный перевод / Т.А. Казакова. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2002. – 112 с.

33 Казакова, Т.А. Художественный перевод. Теория и практика / Т.А. Казакова. – СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. – 544 с.

34 Катаев, В.П. Белеет парус одинокий / В.П. Катаев. – М.: Дрофа, 2005. – 544 с.

35 Катаев, В.П. Время, вперед! / В.П. Катаев. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. – 301 с.

36 Ключев, Е. Между двух стульев [Электронный ресурс] / Е. Ключев. – URL: http://imwerden.de/pdf/kluev_mezhdu_dvuch_stulev.pdf

37 Комиссаров, В.Н. A manual of Translation from English into Russian / В.Н. Комиссаров, А.Л. Коралова. – М.: Высшая школа, 1990. – 127 с.

38 Комиссаров, В.Н. Пособие по переводу с английского языка на русский язык: в 2 ч. Ч. 2. Грамматические и жанрово-стилистические основы перевода / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Высшая школа, 1965. – 288 с.

39 Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.

40 Коробейникова, Н.Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста: автореф. дисс. ... канд. филол. наук (специальность 10.02.04) / Н.Н. Коробейникова. – Барнаул, 2006. – 23 с.

41 Кузьмин, С.С. Идиоматический перевод с русского языка на английский / С.С. Кузьмин. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 312 с.

42 Куницына, Е.Ю. Шекспир – Игра – Перевод [Электронный ресурс] / Е.Ю. Куницына. – Иркутск : Иркутский государственный лингвистический университет, 2009. – 434 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=89748>

43 Купина, Н.А. Филологический анализ художественного текста : практикум / Н.А. Купина, Н.А. Николина. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 408 с.

44 Курячая, Е.И. Когнитивная доминанта художественного идиостиля в зеркале перевода [Электронный ресурс] / Е.И. Курячая. – Омск : Омский государственный университет, 2011. – 244 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=237696>

45 Кухаренко, В.А. A Book of Practice in Stylistics / В.А. Кухаренко. – М.: Высшая школа, 1986. – 144 с.

46 Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.

47 Левин, Ю.Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю.Д. Левин. – Л. : Наука, 1985. – 298 с.

48 Левый, И. Искусство перевода / И. Левый. – М. : Прогресс, 1974. – 398 с.

49 Логический анализ языка: Перевод художественных текстов в разные эпохи [Электронный ресурс] : сборник / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2012. – 400 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=428424>

50 Мелвилл, Г. Моби Дик, или Белый Кит / Г. Мелвилл; пер. с англ. И.М. Бернштейн. – М.: Правда, 1982. – 672 с.

51 Мисуно, Е.А. Перевод с английского языка на русский язык : практикум / Е.А. Мисуно, И.В. Шаблыгина. – Минск : Аверсэв, 2009. – 255 с.

52 Оболенская, Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю.Л. Оболенская. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 264 с.

53 Папулова, Ю.К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста [Электронный ресурс] / Ю.К. Папулова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-kommentariy-kak-osobyuy-vid-metateksta.pdf>

54 Перевод и лингвистический анализ текста [Электронный ресурс]. – Омск : Омский государственный университет, 2013. – 166 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=237523>.

55 Перевод: стилистические аспекты [Электронный ресурс] / Под ред. О.Г. Сидорова; сост. О.В. Степанова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2012. – 60 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=240429>

56 Платонов, А.П. Котлован / А.П. Платонов // Ювенильное море. Котлован. Чевенгур / Платонов, А.П. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. – 560 с.

57 Радов, Е. Дневник клона. Сны ленивца [Электронный ресурс] / Е. Радов. – URL: http://modernlib.ru/books/radov_egor/dnevnik_klona/

58 Распутин, В. Прощание с Матерой / В. Распутин // Повести / В. Распутин. – М.: Просвещение, 1991. – 334 с.

59 Рябина, Н.В. Основы анализа художественного текста / Н. В. Рябина. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 272 с.

60 Сдобников, В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : АСТ : Восток-Запад : ВКТ, 2008. – 448 с.

61 Скребнёв, Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнёв. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. – 221 с.

62 Сложные слова в англоязычных художественных текстах и их перевод на русский язык [Электронный ресурс]. – Казань : Издательство КНИТУ, 2014. – 175 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=428097>

63 Слепович, В.С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский / В.С. Слепович. – Минск: ТетраСистемс, 2006. – 304 с.

64 Смоллетт, Т. Путешествие Хамфри Клинкера / Т. Смоллетт; пер. с англ. А. Кривцовой. – М.: Правда, 1983. – 448 с.

65 Солодуб, Ю.П. Теория и практика художественного перевода / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М. : Академия, 2005. – 304 с.

66 Стилистика английского языка / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. – Киев: Выща школа, 1991. – 272 с.

67 Стоппард, Т. Аркадия [Электронный ресурс] / Т. Стоппард; пер. с англ. О. Варшавер. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/2/stoppard.html>

68 Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Электронный ресурс] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2000. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php

69 Топер, П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М. Топер. – М. : Наследие, 2000. – 254 с.

70 Топер, П. Перевод и литература: творческая личность переводчика [Электронный ресурс] / П. Топер // Вопросы литературы. – 1998. – № 6. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper-pr.html>

71 Уолпол, Г. Замок Отранто [Электронный ресурс] / Г. Уолпол; пер. с англ. В.Е. Шора. – URL: http://modernlib.ru/books/uolpol_goraciy/zamok_otranto/

72 Фаулз, Дж. Волхв / Дж. Фаулз; пер. с англ. Б. Кузьминский. – М.: Эксмо, 2011. – 848 с.

73 Фаулз, Дж. Кротовые норы / Дж. Фаулз; пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 702 с.

74 Фаулз, Дж. Червь / Дж. Фаулз; пер. с англ. В. Ланчикова. – М.: АСТ, 2007. – 604 с.

- 75 Федоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы / А.В. Федоров. – Л. : Советский писатель, 1983. – 352 с.
- 76 Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- 77 Фирсов О.А. Перевод с английского языка на русский и его комментарий / О.А. Фирсов. – М.: 2003. – 198 с.
- 78 Флорин, С. Муки переводческие / С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1983. – 184 с.
- 79 Хемингуэй, Э. На Биг-ривер I / Э. Хемингуэй; пер. с англ. О. Холмской // Избранные произведения в 2 т. / Э. Хемингуэй. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. – Т. 1. – 496 с.
- 80 Цатурова, И.А. Переводческий анализ текста. Английский язык / И.А. Цатурова, Н.А. Каширина. – СПб. : Перспектива, 2008. – 296 с.
- 81 Чуковский, К.И. Высокое искусство / К.И. Чуковский. – СПб.: Авалон, 2011. – 448 с.
- 82 Шеридан, Р. Школа злословия / Р. Шеридан; пер. с англ. Ч. Ветринского. – М.: Academia, 1931. – [176] с.
- 83 Шеридан, Р. Школа злословия / Р. Шеридан; пер. с англ. М. Лозинского. – СПб.: Азбука-классика, 2010. – 156 с.
- 84 Шмелев, И.С. Лето Господне / И.С. Шмелев // Избранное / Шмелев, И.С. – М.: Правда, 1989. – 688 с.
- 85 Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты перевода / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2006. – 574 с.
- 86 Ярхо, В.Н. Жуковский – переводчик «Одиссеи» [Электронный ресурс] / В.Н. Ярхо. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 24 с.. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=134324>
- 87 Adamson, J. Born Free / J. Adamson. – London : The Reprint Society, 1961. – 144 p.
- 88 Ackroyd, P. The Lambs of London / P. Ackroyd. – New York: Anchor Books, 2007.

- 89 Ballantyne, R.M. The Coral Island. A Tale of the Pacific Ocean [Электронный ресурс] / R.M. Ballantyne. – URL: <http://manybooks.net/titles/ballantyetext96coril10.html>
- 90 Bassnett, S. Translation Studies / S. Bassnett. – London, New York : Routledge, 2002.
- 91 Barnes, J. Nothing to Be Frightened of [Электронный ресурс] / J. Barnes. – URL: <http://bookfi.org/book/1192420>
- 92 Boase-Beier J. Stylistic Approaches to Translation / J. Boase-Beier. – London, New York : Routledge, 2014. – 176 p.
- 93 Bradbury, R. Dandelion Wine / R. Bradbury. – М. : Айрис-пресс, 2015. – 320 с.
- 94 Bulgakov, M. Master and Margarita [Электронный ресурс] / M. Bulgakov; translated by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. – URL: <https://www.paskvil.com/file/files-books/bulgakov-master-and-margarita.pdf>
- 95 Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; translated by Diana Burgin and Katherine Tiernan O'Connor. – New York : Vintage Books, 1996.
- 96 Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; translated by Mirra Ginsburg. – New York: Grove Press. – 402 p.
- 97 Bulgakov, M. The Master and Margarita [Электронный ресурс] / M. Bulgakov; translated by Michael Glenny. – London: Collins and Harvill Press, 1967. – URL: http://www.masterandmargarita.eu/estore/pdf/eben001_mastermargarita_glenny.pdf
- 98 Chesterton, G.K. A Piece of Chalk [Электронный ресурс] / G.K. Chesterton. – URL: <http://www.chesterton.org/a-piece-of-chalk/>
- 99 Chesterton, G.K. Asparagus [Электронный ресурс] / G.K. Chesterton. – URL: <http://www.cse.dmu.ac.uk/~mward/gkc/books/asparagus.html>
- 100 Fowles, J. A Maggot [Электронный ресурс] / J. Fowles. – URL: <http://books.freebooklibrary.org/bookdetail.php?page=13&id=26171>
- 101 Fowles, J. Wormholes / J. Fowles. – London: Random House, 1998. – 405 p.
- 102 Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – New York: Laurel,
- 103 Golding, W. Lord of the Flies / W. Golding. – М.: ОАО Изд-во «Радуга», 2002. – 272 с.

- 104 Hemingway, E. Big Two-Hearted River [Электронный ресурс] / E. Hemingway // The Complete Short Stories of Ernest Hemingway. – New York : Scribner. – URL: <https://theteacherscrate.files.wordpress.com/2014/03/the-complete-short-stories-of-ernest-hemingway-ernest-hemingway.pdf>
- 105 Kataev, V. A White Sail Gleams [Электронный ресурс] / V. Kataev; translated by L. Stoklitsky. – M.: Progress Publishers. – URL: http://www.lib.ru/PROZA/KATAEW/katayev_beleet_parus_odinoki_engl.txt
- 106 Literature as Translation/Translation as Literature / Ed. by Ch. Conti and J. Gourley/ – Cambridge Scholars Publishing, 2014. – 224 p.
- 107 Manfredi, M. Translating text and context: translation studies and systemic functional linguistics : 2 volumes / M. Manfredi. – Bologna: Asterisco, 2014. – Vol. 2: From theory to practice. – 207 p.
- 108 Melville, H. Moby-Dick or, The Whale [Электронный ресурс] / H. Melville // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. –DirectMedia Publishing, 2003. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 109 Sheridan, R.B. The School for Scandal [Электронный ресурс] / R.B. Sheridan // Digitale Bibliothek Band 59: English and American Literature. – DirectMedia Publishing, 2003. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 110 Shmelyov, I. Year of the Lord. Chapter “Savior of the Apples” [Электронный ресурс] / I. Shmelyov. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/english/38842.htm>
- 111 Smollett, T. The Expedition of Humphry Clinker [Электронный ресурс] / T. Smollett. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/2160/2160-h/2160-h.htm>
- 112 Stoppard, T. Arcadia [Электронный ресурс] / T. Stoppard. – URL: <http://www.bmds.bm/files/14/files/productions/arcadia/arcadia-by-tom-stoppard.pdf>
- 113 The Manipulation of Literature: Studies in Literary Translation / Ed. by T. Hermans. – Croom Helm, 1985. – 249 p.
- 114 Tolkien, J.R.R. The Hobbit [Электронный ресурс] / J.R.R. Tolkien. – URL: http://tolkienbooks.narod.ru/Hobbit_En.pdf

- 115 Walpole, H. The Castle of Otranto / H. Walpole. – The Floating Press, 2009. – 189 p.
- 116 Woolf, V. Mrs. Dalloway / V. Woolf. – М.: Менеджер, 2002. – 288 с.
- 117 Zootopia. Transcript [Электронный ресурс]. – URL: <http://zootopia.wikia.com/wiki/Zootopia/Transcript?oldid=28267>

Учебное пособие

Елена Дамировна Андреева

BASIC LITERARY TRANSLATION

ISBN 978-5-7410-1613-8

